

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ФИЛОСОФИЯ**

2023 Том 27 № 4

Специальная тема номера:
ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И НЕЙРОНАУКИ

Приглашенный редактор В.А. Чалый

DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61270 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белов Владимир Николаевич,
РУДН, Москва, Россия
E-mail: belov-vn@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Степанянц Мариэтта
Тиграновна, ИФРАН, Москва,
Россия
E-mail: marietta@iph.ras.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ
Владимиров Павел
Анатольевич, РУДН, Москва,
Россия
E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Автономова Наталия Сергеевна, ИФРАН, Москва, Россия

Альбертини Тамара, Гавайский университет, Гонолулу, США

Баева Людмила Владимировна, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Билиморья Пурушоттама, Калифорнийский университет, Аспирантский богословский союз,
Беркли, США; Мельбурнский университет, Викториа, Австралия; РУДН, Москва, Россия

Визе Кристиан, Франкфуртский университет им. Гёте, Франкфурт, Германия

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, ИФРАН, Москва, Россия

Дмитриева Нина Анатольевна, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

Йонкус Далюс, Университет Витовта Великого, Каунас, Литва

Кирабаев Нур Серикович, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ли Чжицянь, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Лю Сэньлин, Шаньдунский университет, Цзинань, Китай

Лю Ядин, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Поллок Бенджамин, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

Свидерский Эдвард, Фрибургский университет, Фрибур, Швейцария

Соболева Майя Евгеньевна, Филиппс-университет Марбурга, Марбург, Германия

Стейла Даниэла, Туринский университет, Турин, Италия

Глостанова Мадина Владимировна, Линчепингский университет, Линчепинг, Швеция

Тремблей Фредерик, Монктонский университет, Монктон, Канада

Цанк Михаэль, Бостонский университет, Бостон, США

Цык Владимир Анатольевич, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ

ISSN 2313-2302 (print), ISSN 2408-8900 (online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Языки: русский, английский, немецкий.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Индексируется: РИНЦ, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Цель и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия* — периодическое международное рецензируемое научное издание.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными специалистами в области философии, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных философских проблем и освещение научной деятельности профессионального научного сообщества.

На протяжении многих лет наше издание публикует статьи крупнейших российских и мировых ученых в области истории философии, онтологии, эпистемологии, социальной философии, этики и др. Кроме того, редакционная политика журнала предполагает активную поддержку молодых талантливых ученых из разных стран. Уникальный опыт и традиции философской школы РУДН находят свое отражение в приоритетном исследовательском направлении журнала — философской компаративистике. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Основные рубрики журнала: история восточной философии, история европейской философии, история отечественной философии, история современной философии, философия и наука, философия культуры, философия языка и литературы, математическая логика, биоэтика, профессиональная этика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте:

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

Электронный адрес: philosj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Редактор англоязычных текстов *О.В. Чистякова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Помощник главного редактора *Д.А. Слепущина*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: philosj@rudn.ru

Подписано в печать 20.11.2023. Выход в свет 20.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1605. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023 VOLUME 27 No. 4

Special Theme of the Issue:

PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS AND NEUROSCIENCE

Guest editor V.A. Chaly

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Belov

RUDN University,
Moscow, Russia

E-mail: belov-vn@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Marietta T. Stepanyants

Institute of Philosophy Russian
Academy of Sciences, Moscow,
Russia

E-mail: marietta@iph.ras.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Pavel A. Vladimirov

RUDN University,
Moscow, Russia

E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Tamara Albertini, University of Hawaii, Honolulu, United States

Nataliya S. Avtonomova, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Lyudmila V. Baeva, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Purushottama Bilimoria, University of California and Graduate Theological Union, Berkeley, United States; University of Melbourne, Victoria, Australia; RUDN University, Moscow, Russia

Nina A. Dmitrieva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abdusalam A. Guseynov, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dalius Jonkus, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania

Nur S. Kirabaev, RUDN University, Moscow, Russia

Li Zhiqiang, Sichuan University, Chengdu, China

Liu Senlin, Shandong University, Jinan, China

Liu Yading, Sichuan University, Chengdu, China

Benjamin Pollock, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Maja Soboleva, Philipps University of Marburg, Marburg, Germany

Daniela Steila, University of Turin, Turin, Italy

Edward Swiderski, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland

Madina Tlostanova, Linköping University, Linköping, Sweden

Frederic Tremblay, University of Moncton, Moncton, Canada

Vladimir Tsvyk, RUDN University, Moscow, Russia

Christian Wiese, Goethe University Frankfurt, Frankfurt, Germany

Michael Zank, Boston University, Boston, USA

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-2302 (print), ISSN 2408-8900 (online)

4 issues per year (quarterly)

Languages: Russian, English, German

Indexed in Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Aims and Scope

RUDN Journal of Philosophy is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Philosophy.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Philosophy.

For many years, the journal has been a space to feature the best research of the leading Russian and international scholars in the fields of History of Philosophy, Ontology, Theory of Knowledge, Social Philosophy and other areas. Our editorial policy also involves a strong support of young talented scientists throughout the world. The unique experience and traditions of the school of philosophical thought of RUDN University are embodied in philosophical comparativism, which is the top-priority research area of the journal.

General Journal Sections: *History of Eastern Philosophy, History of Western Philosophy, History of Russian Philosophy, History of Modern Philosophy, Philosophy of Language and Literature, Ontology and Epistemology, Mathematical Logic, Philosophy and Sciences, Philosophy of Culture, Professional Ethics, Bioethics.*

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/philosophy>

E-mail: philosj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Language Editor *O.V. Chistyakova*
Computer Design *N.A. Yasko*
Assistant Editor *D.A. Slepukhina*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: philosj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И НЕЙРОНАУКИ

Chaly V.A. Philosophy and Neurosciences: Perspectives for Interaction (Чалый В.А. Философия и нейронауки: перспективы взаимодействия).....	835
Соколова Ю.В. Актуальность междисциплинарных подходов в исследовании сознания...	848
Atanasova N. Holding and Reversing the Camera Obscura (Атанасова Н. Удержание и переворачивание камеры-обскуры).....	858
Miliatzidou A.A. The Lack of Consciousness of the Presence of the Other in Contemporary Society in the Era of Mass Digitalization (Миляциду А.А. Неосознанность присутствия Другого в современном обществе в эпоху массовой цифровизации).....	869
Adzhemov A.S., Denisova A.B. “Common Denominator” in Solving Multi-Factory Problems by Intelligent Systems (Аджемов А.С., Денисова А.Б. «Общий знаменатель» в решении многофакторных задач интеллектуальными системами)	878
Koumparoudis E. Human and Non-Human Consciousness: Do They Share Common Characteristics? (Кумпарудис Е. Человеческое и нечеловеческое сознание: имеют ли они общие характеристики?)	888
Князев В.Н., Паршикова Г.В. Квантовая концепция сознания: за или против?	901
Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Философско-методологические проблемы современной нейротеологии	915
Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Pavlova T.P. The Problematic Area of Philosophical Discourses on the Application of Artificial Intelligence Systems in Society (Цвык В.А., Цвык И.В., Павлова Т.П. Проблемное поле философских дискурсов о применении систем искусственного интеллекта в социуме)	928
Чапны Е.В. Влияние нейронаук на понимание телесной обусловленности когнитивных процессов: социально-антропологический аспект	940

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Круглов А.Н. «Критика чистого разума» в трудах П.Д. Лодия	957
Черняев А.В., Корсаков С.Н., Макарова А.Ф. Первоисточники истории русской философии XIX–XX вв. в государственных архивах России: состояние и перспективы изучения	977

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Моисеев С.Р. Вайшнаизм в поэме Наммальвара «Тирувируттам»	996
Нижников С.А., Марцева А.В., Фам Т.Б. Культ Богини-Матери во Вьетнаме и его влияние на конфуцианскую этику	1009

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Колычев П.М., Лосев К.В. Какая философия нам нужна?	1021
Шиян А.А., Петров В.Б. Трансцендентальный поворот в современной философии — VIII: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект	1033
Mbina J.C. Review of Book on Contemporary African Theology “The Routledge Handbook of African Theology” edited by E.K. Bongmba (Мбина Ж.Ш. Рецензия на книгу по современной африканской теологии «The Routledge Handbook of African Theology» под редакцией Э.К. Бонгмба)	1042

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS AND NEUROSCIENCE

Chaly V.A. Philosophy and Neurosciences: Perspectives for Interaction	835
Sokolova J.V. Relevance of Interdisciplinary Approach in the Study of Consciousness (in Russian)	848
Atanasova N. Holding and Reversing the Camera Obscura	858
Miliatidou A.A. The Lack of Consciousness of the Presence of the Other in Contemporary Society in the Era of Mass Digitalization	869
Adzhemov A.S., Denisova A.B. “Common Denominator” in Solving Multi-Factory Problems by Intelligent Systems	878
Koumparoudis E. Human and Non-Human Consciousness: Do They Share Common Characteristics?	888
Knyazev V.N., Parshikova G.V. The Quantum Concept of Consciousness: For or Against? (in Russian)	901
Lagunov A.A., Ivanova S.Yu. Philosophical and Methodological Problems of Modern Neurotheology (in Russian)	915
Tsyvk V.A., Tsyvk I.V., Pavlova T.P. The Problematic Area of Philosophical Discourses on the Application of Artificial Intelligence Systems in Society	928
Chapny H.V. The Influence of Neurosciences on Understanding the Bodily Conditioning of Cognitive Processes: a Socio-Anthropological Aspect (in Russian)	940

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Krouglov A.N. “The Critique of Pure Reason” in the Writings of P.D. Lodij (in Russian) ...	957
Chernyaev A.V., Korsakov S.N., Makarova A.F. Primary Sources of History of Russian Philosophy of the XIX–XX Centuries in Russian State Archives: the Current Condition and Prospects of Study (in Russian)	977

HISTORY OF EASTERN PHILOSOPHY

Moiseev S.R. Vaishnavism in Nammalvar's Poem “Tiruviruttam” (in Russian)	996
Nizhnikov S.A., Martseva A.V., Pham T.B. Vietnam Cult of the Mother Goddess and its Influence on Confucian Ethics in Vietnam (in Russian)	1009

SCIENTIFIC LIFE

Kolychev P.M., Losev K.V. What is the Philosophy We Need? (in Russian)	1021
Shiyan A.A., Petrov V.B. Transcendental Turn in Contemporary Philosophy — VIII: Metaphysics, Epistemology, Transcendental Cognitive Science and Artificial Intelligence (in Russian)	1033
Mbina J.C. Review of Book on Contemporary African Theology “The Routledge Handbook of African Theology” edited by E.K. Bongmba	1042

Философия сознания и нейронауки

Philosophy of Consciousness and Neuroscience

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-835-847>

EDN: OTSTIN

Research Article / Научная статья

Philosophy and Neurosciences: Perspectives for Interaction

Vadim A. Chaly

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Russian Federation, Kaliningrad, 236041, Alexandra Nevsky, 14
 vadim.chaly@gmail.com

Abstract. The study analyzes modern reductivist and antireductivist approaches to understanding the interaction between philosophy and neuroscience. It analyzes the content and grounds for using the concepts of neuroscience and neurosciences, philosophy of neuroscience, and neurophilosophy. The milestones in the development of neuroreductivism, from Patricia Churchland's arguments in support of intertheoretic reduction through Francis Crick's eliminativism to John Bickle's ruthless reductionism, are described. The ontological, methodological, and epistemic grounds for the reduction to neurosciences of other ways of representing mind and body are analyzed. Drawing on the post-Wittgensteinian paradigm of the philosophy of neuroscience of Max Bennett, Peter Hacker, and Andrew Reynolds, the semantic problems that arise in the neurosciences when epistemic reduction is attempted are described and derive from the inability to eliminate the basic metaphorical level of meaning-making and transmission rooted in everyday language and its figures, among which metaphors are fundamental. The descriptivist approach to the language of neurosciences is contrasted with neurorevisionism, an attempt to "correct" established ways of conceptualizing consciousness and corporeality, akin to earlier revisionisms, particularly physicalism, and forced to deal with similar problems. Reduction — the operation of the "return," itself understood metaphorically — and antireduction, which resists scientific revisionism and "returns" understanding to the level of everyday language and philosophy to descriptive work, is presented as a circular hermeneutical movement necessary for scientific and philosophical understanding, but not leading to disciplinary hegemony or the "victory" of either side. The study concludes with a sketch of the publications included in the rubric.

© Chaly V.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: neuroscience, reductionism and antireductionism, metaphors, revisionist philosophy, descriptive philosophy

Funding and Acknowledgement of Sources. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant № 22-28-02041 “Perspectivism as an Epistemological Program”).

Article history:

The article was submitted on 05.10.2023

The article was accepted on 20.10.2023

For citation: Chaly VA. Philosophy and Neurosciences: Perspectives for Interaction. RUDN Journal of Philosophy. 2023;27(4):835—847. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-835-847>

Философия и нейронауки: перспективы взаимодействия

В.А. Чалый

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1,
Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Российская Федерация, Калининград, 236041, Александра Невского, 14
 vadim.chaly@gmail.com

Аннотация. Проанализированы современные редуктивистские и антиредуктивистские подходы к пониманию взаимодействия философии и нейронаук, подвергнуты анализу содержание и основания для употребления понятий «нейронаука» и «нейронауки», «философия нейронаук» и «нейрофилософия». Описаны вехи развития нейроредуктивизма от аргументов Патриции Чёрчленд в поддержку «интертеоретической редукции» через элиминативизм Фрэнсиса Крика к «беспощадному редукционизму» Джона Бикла. Проанализированы онтологические, методологические и эпистемические основания для редукции к нейронаукам иных способов представления сознания и тела. С опорой на поствитгенштейнианскую парадигму философии нейронаук Макса Беннета, Питера Хакера и Эндрю Рейнольдса описаны семантические проблемы, возникающие в нейронауках при попытке эпистемической редукции и происходящие от невозможности устранить базовый метафорический уровень смыслообразования и передачи, коренящийся в обыденном языке и его фигурах, среди которых особенно важны метафоры. Дескриптивистский подход к языку нейронаук противопоставлен «нейроревизионизму» — попытке «исправить» сложившиеся способы осмысления сознательности и телесности, родственной более ранним ревизионизмам, в частности физикализму, и вынужденной иметь дело с аналогичными проблемами. Редукция — операция «возвращения», сама понимаемая метафорически, — и антиредукция, сопротивляющаяся научному ревизионизму и «возвращающая» понимание к уровню обыденного языка, а философию к дескриптивной работе, представлены как круговое герменевтическое движение, необходимое для научного и философского понимания, но не ведущее к дисциплинарной гегемонии или «победе» одной из сторон. В заключении статья содержит очерк публикаций, вошедших в рубрику.

Ключевые слова: нейронауки, редукционизм и антиредукционизм, метафоры, ревизирующая и дескриптивная философия

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-02041 («Перспективизм как эпистемологическая программа»).

История статьи:

Статья поступила 05.10.2023

Статья принята к публикации 20.10.2023

Для цитирования: *Chaly V.A. Philosophy and Neurosciences: Perspectives for Interaction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 835—847. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-835-847>*

Terminology Matters

The first questions that arise when diving into the fascinating field to which this issue is devoted are terminological. Neurosciences or neuroscience? Neuroscience philosophy or neurophilosophy? The answer to the first can be attempted from the established word usage. In this case, in the English-speaking context, we will see the predominance of the singular — *neuroscience* — and the closer to the present day, the more decisive. In the Russian-language context, there is no such apparent preponderance of any of the two variants, and *neuroscience* neighbors *neurosciences*. Let us ask ourselves about the reasons for preferring one or the other option. We can assume that a conscious or spontaneous choice of ontological or epistemological approach will influence this preference. Suppose the main subject of study is considered to be the brain. In that case, it makes sense to consider the multitude of disciplinary traditions converging on this subject in their unity as neuroscience. Realist presuppositions, postulating a method-independent and method-dictating object, a view of knowledge as “reflection” or “correspondence,” encourage this choice. If, on the contrary, the emphasis is placed on a variety of methods that allow the construction of representations that are incommensurable to such an extent that it becomes problematic to even talk about the unity of the subject revealed in different research perspectives, then the choice of the plural form, neurosciences, would be reasonable.

Additionally, a significant factor in the choice of terminology is the typical disciplinary struggle for hegemony: neuroscience implies the existence of a community of neuroscientists claiming to know, which removes the previous disciplinary heterogeneity and raises the scientific subject to a new level of understanding of the processes occurring in the most complex object of the part of the Universe known to man. The singular form thus implies the unity of the subject and the synthetic unity of the method belonging to this new social group with a common identity. Indeed, such rights in science find their basis not only in the external recognition and support given to the new discipline by governmental and other institutions, as well as by the enlightened public, but above all in the

fulfillment of the commitments made to describe better, explain, and predict phenomena in the brain and, most notably and seductively, in its correlates — individual consciousnesses and the human culture they create. To what extent neuroscience is already fulfilling and to what extent it can fulfill such promises is an open question.

On the contrary, the plural form recognizes the persistence of disciplinary pluralism and its inherent antagonism, which nevertheless points to a common fundamental interest in enriching the understanding of each party involved. The plural form is less ambitious in its promises because the sciences here share responsibility, allowing the assault on complex problems to be postponed. It also ensures that private sciences compete, claim each other's subject areas and languages, and localized zones of convergence and divergence emerge. This disciplinary competition becomes a factor in the development of neuroscience. In contrast, the development of neuroscience rather implies mobilization around a common big problem and simplification of complexity in approaches to its solution. In the latter case, even a utopian task can fulfill the role of a regulator that ensures the growth of scientific knowledge and the expansion of understanding.

Understanding is the main task of philosophy, and therefore, it retains its role, if not as a participant in its area of responsibility (as many philosophers and some scientists are convinced), then at least as a mediator between disciplines that study the brain in their unique ways. Philosophy acts as an archivist of the accumulated ways of thinking about scientific problems and as a partner, an interlocutor in methodological reflection, in attempts to inventory a specific set of conceptual tools used by one or another discipline. Philosophers find such work even in places — or above all in places — where, at first glance, clarity reigns. Alas, philosophy has the unfortunate property of creating problems with its interventions. Since the time of Socrates, this has made its intrusion not consistently or universally welcome and has provoked attempts to subject it to reduction. However, philosophical sterility, which turns out to be, in fact, naivety, costs science dearly, and philosophical work of clarification remains necessary.

Is a philosophy of neuroscience possible? Are the claims of neuroscience as a unified meta-discipline such as to preclude the possibility of philosophy as an outmoded way of asking questions and seeking answers? According to one position, the most that philosophy can claim as the “handmaiden” of the new mistress is to carry a trail of old problems that will shrink, becoming increasingly transparent as science penetrates the mysteries of the brain. Such hopes for a new meta-discipline that explains everything arise every time in times of rapid disciplinary growth — in sociology, in psychology, in logic. The clash between a positivist, reductionist, or even eliminativist attitude and an attitude of irreducibility and multiplicity is one of the defining issues in the relationship between philosophy and neuroscience — or neurosciences, after all.

Another terminological question concerns the relationship between the philosophy of neuroscience and neurophilosophy. It is answered quite clearly by

philosopher John Bickle, known for his radical reductionism: “The former concerns foundational issues within the neurosciences. The latter concerns the application of neuroscientific concepts to traditional philosophical questions. Exploring various concepts of representation employed in neuroscientific theories is an example of the former. Examining implications of neurological syndromes for the concept of a unified self is an example of the latter.” [1]. A reductionist position in such a taxonomy means that the philosophy of neuroscience performs an auxiliary function to neuroscience dealing with fundamental problems and that neurophilosophy successfully works to translate traditional questions of philosophy into the language of neuroscience for later resolution, elimination, or clarification. A non-reductionist view, however, will notice that neuroscientific concepts are themselves composed using extra-scientific ideas, analogies, and metaphors, the understanding of which requires reaching a new round of philosophical endeavors. It is ironic that this return, too, can rightly be called a reduction — *reducere* means “to return.” We may assume that this circle of reduction and the incessant attempts to realize it represent an essential hermeneutic component of the normal cognitive process; the desire to eliminate it hardly makes sense.

There are several ways to recount the history of the relationship between philosophy and brain research. The first starts from antiquity, sometimes as far back as Ancient Egypt [2], but more often with Aristotle as the founder of biology and author of the concept of *the psyche (psuche)*, which defined the understanding of living nature for centuries. This approach further considers the ideas of Galen and Nemesius of Emesa and, in general, in the spirit of Kuhn, sees the past paradigms as a valuable resource that holds unexpected possibilities for the future. In particular, such a history of neuroscience is offered by the authoritative work of Max Bennett and Peter Hacker, “Philosophical Foundations of Neuroscience” [3]. The second approach opens the history with the legacy of Descartes, believing that science in the proper sense of the word, including brain research, appeared in the New Age [4]. The third, adhered to, for instance, by Bickle, finds the first profound encounter between philosophy and neuroscience in the landmark work *Neurophilosophy* by Patricia Churchland (1986), which initiated the already mentioned eliminative approach. Since the late 1980s, the literature on the relationship between philosophy and neuroscience has snowballed. This growth is also characteristic of the Russian academic literature, in which fundamental questions of neuroscience are posed and solved from the positions of neurolinguistics and neuropsychology, which have a strong tradition, and, in recent years, with the active participation of philosophers of consciousness.

Reductionism and Anti-Reductionism in the Philosophy of Neurosciences and Neurophilosophy

Scientific reductionism generally states that “properties, concepts, explanations, or methods from one scientific domain (typically at higher levels of organization) can be deduced from or explained by the properties, concepts,

explanations, or methods from another domain of science (typically at lower levels of organization)” [5]. When applied to neurosciences, reductionism refers to the attitude of reducing the properties, concepts, explanations, and methods of consciousness research to their presumed analogs for the brain. This attitude is widespread among neuroscientists. However, its adherents rarely feel the need to go into its explanation. Clarifying and testing neuroreductionism, therefore, constitutes an essential task for philosophers.

The more careful classification of the varieties of reductionism that have emerged in philosophical work distinguishes ontological, methodological, and epistemic, or explanatory, reductionism. Ontological reductionism in neuroscience means that a) every concrete consciousness is *reduced entirely* to the corresponding specific set of physical entities — brain cells, the entire nervous system, the body, or the body in its interaction with the natural — physical — environment; b) every state or change in consciousness is *identical* to some physical state or change¹. Behind ontological neuroreductionism is a more general tendency to further reduce the biological level of being to the chemical and physical standard in modern life sciences, generically referred to as physicalism [5].

Methodological neuroreductionism is the attitude according to which a scientifically sound and fruitful study of consciousness can be conducted only by identifying its physiological correlate and, in the limit, the causal links leading from the brain to consciousness. Methodological reductionism in neuroscience is often referred to as *intertheoretic reduction* following Patricia Churchland [6. P. 278; 7. P. 70]. Such naming allows visualizing methodological reductionism as the absorption of one scientific discipline or theory by another through reducing its concepts, laws, empirical research methods, and presenting facts to its own. In the neurosciences, the most vigorous expansion is carried out by neurobiology, which strengthens its methodological claims by ontological reductionism [8]. However, methodological reductionism is not necessarily accompanied by the ontological one — some programs try not to raise ontological questions. On the other hand, there are also arguments about the relationship and interdependence of these two kinds of reductionism [9]. Methodological neuroreductionism is criticized for *ignoring* significant phenomena instead of reducing them, leaving them without explanation [10; 11].

Epistemic reductionism is a later addition to the ontological and methodological varieties, focusing on the problems of explanation and understanding. The question for is whether a reduced understanding in terms of a new ontology and/or with the help of a new methodology is sufficient, whether there is no loss of meaning, whether it is possible to translate the reduced theory

¹ Instead of identity, many neuroscientists and philosophers prefer to speak of supervenience. The supervenience of consciousness in the brain means that a) it is impossible for the identity of brains to distinguish between concomitant states of consciousness; b) mental changes are impossible without physical changes. Despite its greater conceptual sophistication than the identity thesis, the supervenience thesis still implies ontological reductionism.

into the language of another theory that claims to be more scientifically perfect, how “bridges” for the translation of meanings should be arranged, and so on. The very framing of the questions shows that epistemic reductionism has been formulated from the beginning by skeptics, who tend to answer this set of questions in the negative to criticize and limit the claims of the reductionists. It is only natural that neuroscientific explanations of consciousness in terms of brain structure are particularly controversial, and so the question of the possibility of epistemic reductionism becomes an arena of fundamental and intense debate that requires detailed attention.

In the most general terms, the confrontation is played out between two parties. The first, especially popular among representatives of neurosciences, remains faithful to the conventionally Cartesian or positivist standard of what can be considered an excellent scientific explanation; the second, represented primarily by philosophers, especially philosophers of language, rejects this standard. One of the most prominent and consistent reductionists in the neurosciences was Nobel laureate Francis Crick (1916—2004). In *The Astonishing Hypothesis: the Scientific Search for the Soul* (1994), he defends ontological and methodological reductionism. Also, he argues that the progress of scientific explanation rests on the progressive reduction of complex phenomena to the properties of their constituent parts:

“a complex system can be explained by the behavior of its parts and their interactions with each other. For a system with many levels of activity, this process may have to be repeated more than once — that is, the behavior of a particular part may have to be explained by the properties of its parts and their interactions. For example, to understand the brain we may need to know the many interactions of nerve cells with each other; in addition, the behavior of each nerve cell may need explanation in terms of the ions and molecules of which it is composed.” [12. P. 7].

One of the most philosophically refined and thorough attempts to carry out a comprehensive reduction of consciousness to the brain was made by John Bickle in his 2003 book *Philosophy and Neuroscience: A Ruthlessly Reductive Account*. The author begins to fulfill his task already at the level of the wording of the title: “explanation” for him is not “explanation” causing “understanding,” but rather an “account” — “counting,” “reporting.” The quantitative representation of states and processes, the progress which took place already at the beginning of the century and has only accelerated since then, gives ground for Bickle’s approximationist hopes: “We move closer every day to actually having something that human beings have speculated about for centuries, a purely physical account of behavioral causes” [13. P. xiii]. As a pragmatic justification for “ruthless reductionism,” Bickle cites the fact that neuroscientists are “increasingly able to manipulate specific behaviors by intervening directly with these cellular processes and intracellular pathways” [13. P. xiii]

The approach to unraveling the problem of consciousness, according to Bickle, is taking place in the “core field” of neurosciences — cellular and molecular neurobiology. This development goes unnoticed by most philosophers, even the “science-oriented” among them because philosophers have limited their attention to the field of cognitive neuroscience. This discipline has close ties to philosophy, drawing concepts and problems from there from its very inception, which keeps philosophical attention on itself rather than allowing it — and itself — to dissolve into the more fundamental level of neurobiology (and, one could go on, further into the levels of chemistry and, eventually, physics). Unlike philosophers, neurobiologists are well aware of their challenges and opportunities, articulating them even at the level of textbooks. Take, e.g., this quote from the 2023 standard textbook by Nobel laureate Eric Kandel and his co-authors, *Principles of Neural Science*, which has gone through six editions since 1981:

“This book ... describes how neuroscience attempts to link molecules to the mind — how the proteins responsible for the activity of individual nerve cells are related to the complexity of neural processes. Today, it has become possible to link the molecular dynamics of individual nerve cells with the representations of perceptual and motor acts in the brain and to relate these internal mechanisms to the observed behavior” [14. P. 4].

The notions of “link” or “connect” in the understanding of neuroscientists’ approach in the establishment of causal determination from cells and their molecules to the processes of consciousness. Avoiding direct statements about causal determination seems a tribute to a convention, a convention that is regularly attacked. The notion of what an “explanation” should look like, of providing an explanans, revolves around formalized models that demonstrate the ability to predict the course of perceptual, motor acts, and more complex mental processes based on cellular and molecular level data.

The view of science and scientific explanation held by Crick, Kandel, Bickle, and many other scientists is oriented toward the ideal of a “unified science” in which the universe is a hierarchy of objects, where higher-level objects are ontologically reduced to and semantically explained by reference to lower-level objects. This ideal has its origins in ancient atomism. It was especially firmly established in the New Age worldview by metaphysical materialists such as Gassendi and Hobbes in the 17th century and La Mettrie and d’Holbach in the 18th century, and by methodologists of “clarity and distinctness” such as Descartes and in the 20th century found expression in the “standard conception of science” of logical positivism. In turn, the positivist approach to explanation first proposed to reduce it to sensory data (Carnap gives an example in *The Logical Structure of the World*, 1928), then to the level of physical entities (Carnap in *The Unity of Science*, 1934).

The problem with epistemic reductionism, according to its critics, is that, having internalized the “standard conception of science,” it fails to consider its difficulties, above all those revealed by the philosophy of language since the mid-20th century. According to critics, adherence to the reductionist standards of

“understanding the understanding” itself has no scientific basis and is at best justified metaphysically-or not at all. It is in the territory of metaphysics, logic, and linguistics that the lines of defense against reductionism lie.

One notable attempt to build such a defense is in the abovementioned book by neuroscientist Bennett and philosopher Hacker. The flag of the philosophy of ordinary language and “a spirit hovers over its arguments: the spirit of Ludwig Wittgenstein” [3. P. 12], one of the prominent experts on the legacy of which is Hacker. Wittgenstein laid the foundations of modern cognitive neuroscience, which aims to “to elucidate the conceptual relations between the behavioral and the ‘inner,’ ‘mental’ or ‘psychological.’ It has to account for the conceptual structures that inform the asymmetries between the first-person utterance and the third-person description of ‘experience’ or ‘states of consciousness.’ ” [3. P. 12] The reductionist program is an elaborate attempt to reduce the properties of human experience to a language of observation accessible to the outside researcher. This attempt is based on two errors. The first is what the authors call the *mereological fallacy* of reducing the properties of the whole to the properties of the parts, a well-known anti-reductionist move. The second error is linguistic or categorical and consists in treating the extra-scientific expressions on which neuroscientific theories rely as internal parts of those theories. If neuroscientists rebuke the bulk of philosophers for not knowing how the cellular and molecular substrate of consciousness works, then the philosophers’ counter-rebuke imputes to the reductionist-minded neuroscientists a lack of understanding of how the human language in which scientists must formulate their theories works.

Bennett and Hacker identify within cognitive neuroscience a specific and central project of inventorying and clarifying the section of everyday language devoted to describing mental states. This language, in accordance with the Wittgensteinian paradigm, does not lend itself to reduction to scientific language, be it the language of molecular neurobiology or physics. If it deserves the disparaging name “folk psychology,” it is only in its unclarified form. The clarification consists of analyzing the contexts of the use of words belonging to the mental sphere, establishing semantic links between them, and identifying keywords among them through reference to which the others are defined. These keywords form a conceptual schema or network that allows us to grasp and understand the experience encountered by the bearer of the kind of consciousness we know as humans. There is an evident similarity of such a program to Peter Strawson’s project of descriptive metaphysics, which aims to reveal the conceptual structure of experience that accommodates and organizes the totality of meaning. Like Strawson, Bennett, and Hacker contrast the descriptive approach with the revisionary one that seeks to “improve” or “fix” the natural structure of the language we use to discuss the mental. Attempts by scientists and “scientifically minded” philosophers to bring “clarity and distinctness” through reduction to mere names and propositions when carried out sequentially have resulted in a loss of meaning

and a representation of reality in terms of the physicalist “ontological desert” of early Quine [15].

This is another aspect that critics of reductionism point out — the impossibility of constructing the language of science, including and above all the science of life, and especially of conscious life, without metaphors and other figures of speech, far from the essential positivist minimum of indicative definitions and logical procedures. Attention to metaphors also has roots in the post-Wittgensteinian turn to everyday language. Since the 1950s, metaphors have been the subject of research in hermeneutics (Hans-Georg Gadamer, Paul Ricœur, et al.), where they were regarded as the meaning-generating level of language, from which there is an “emanation” of meaning, which is further partially grasped and specified in concepts. The cognitive significance of metaphors and other figures is gaining recognition in cognitive linguistics (Lakoff et al.). Within the program of the history of concepts and historical semantics, Hans Blumenberg elaborates on the defining role of metaphors in science [16], a role also pointed out by recognized theorists of science such as Kuhn [17]. Comparatively recently, the study of metaphors in the life sciences has also become a particular field.

For an example of the latter, let us turn to the work of Andrew Reynolds [18, 19]. Reynolds proceeds from the social, linguistic, and communicative nature of science, for which the goal is understanding — in the sense of “understanding,” not in the sense of “accounting” — and the formation of communicative communities of action around some understanding that go beyond narrow groups of professionals. Metaphors as “A figure of speech in which a word or phrase is applied to an object or action to which it is not literally applicable,” are one of the main tools for giving meaning to the incomprehensible through borrowing meaning from the comprehensible [19. P. 2].

The life sciences have relied on “metaphorogenesis” since their very emergence. For instance, the word *cell* was first used by Robert Hooke in 1665 when describing the results of microscope observation of cork tree tissues, which reminded him of bee honeycombs — which, Reynolds continues, were probably named so because of their resemblance to monks’ cells and prison cells. Along with cells, Hooke uses many other words: *bladders*, *boxes*, *bubbles*, *caverns*, *chambers*, and *pores* [19. P. 69]. It turns out that cellular neuroscience, which claims to understand and explain consciousness and, consequently, the language associated with it, has a metaphor in its fundamental categories and in its very name, and it is only one of many possible ones. Reynolds does similar work for metaphors that endow different-level parts of an organism with an agency, interpreting them as *mechanisms*, *teams*, *communities*, *colonies*, *factories*, *ensembles*, *ecosystems*, genetic metaphors of *code*, *program*, *information*, etc. His verdict is that the meaning of the language of the life sciences (or languages, if we take a non-reductionist stance here too) — and in particular neurosciences — is derived from the meanings of everyday language, and this fuzzy and motley basis is not amenable to revision and reduction.

The question of the limits of the possibility of reduction among the neurosciences and in their relations with other disciplines, including philosophy, is only part of the field of discussion. However, it is one of the central ones, and the way in which it is resolved has extensive implications, determining the nature of the disciplines' relationship. On the one hand, reduction was and remains "one of the basic operations of many specific methods, as well as techniques of everyday cognition" [20]. On the other hand, the neurosciences *de facto* use and obviously need a plurality of ways to conceptualize their achievements, relying on metaphors in the very foundations of their ontology ("cell") and epistemology ("reduction-reduction").

Comments on Publications

Philosophy continues to be a rich source of meanings that may interest neurosciences as it provides an integral explanation of different levels of reality. Common to the contributions in this issue is the desire to relate philosophical concepts, their ontologies, and ways of understanding to the development of neurosciences. N. Atanasova's article explores the refraction of ideologies in mediated reality and how the *reified social world* determines subjective perceptions. The *camera obscura* metaphor, used in sign attempts to explain the impact of ideologies (Marx) and visually perceived objects (Descartes) on consciousness, serves to bring the understanding of social and cognitive processes closer together. A. Miliatidou uses Levinas's concept of Self-friend relations to clarify the impact of digitalization, in particular the spread of social networks, on the state of Self and cognitive processes, preparing a step towards understanding the accompanying neurotransformations. A.S. Adzhemov and A.B. Denisova address the problem of the influence of the way of organizing sensory perception and emotional reactions on data processing and decision-making as applied to human subjects and to artificial intelligent systems. E. Koumparoudis' article raises the question of commonality in the cognitive organization of humans and other animals and the identification of neurostructures providing the observed commonality. V.N. Knyazev and G.V. Parshikova analyze the landscape of modern discussions around the hypothesis of the generation of protomental states at the quantum-molecular level. A.A. Lagunov and S.Yu. Ivanova study the relations between the established disciplines that form the neuroscience complex and the recently appeared neurotheology, criticizing at the same time the deterministic tendency in the methodology of the latter. Yu.V. Sokolova advocates interdisciplinary approaches to the study of consciousness and the expansion of the range of sciences that study consciousness and the brain. V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, and T.P. Pavlova analyze the social and ethical consequences of the emergence of a "human-machine technosubject" in the course of the development of innovative technologies derived from brain research and the construction of artificial intelligence. E.V. Chapny evaluates the possibilities of a body-oriented approach to comprehending the complex "body-consciousness-technology-social

environment.” Not belonging to a single research paradigm, using different disciplinary languages, the authors offer a set of perspectives from the vast array of those that form the relationship between philosophy and neurosciences today.

References / Список литературы

- [1] Bickle J, Landreth A, Mandik P. *The Philosophy of Neuroscience*. In: Zalta EN, editor. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Metaphysics Research Lab, Stanford University; 2019. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/neuroscience/> (accessed: 14.02.2020).
- [2] Finger S. *An Ancient Egyptian Physician: The Dawn of Neurology*. In: Finger S, editor. *Minds Behind the Brain: A history of the pioneers and their discoveries*. Oxford University Press; 2005. Available from: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181821.003.0002> (accessed: 05.10.2023).
- [3] Bennett MR, Hacker PMS. *Philosophical Foundations of Neuroscience*. John Wiley & Sons; 2021.
- [4] Pecere P. *Soul, Mind and Brain from Descartes to Cognitive Science: A Critical History*. Springer Nature; 2020.
- [5] Brigandt I, Love A. Reductionism in Biology. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Metaphysics Research Lab, Stanford University; 2023. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/reduction-biology/> (accessed: 05.10.2023).
- [6] Churchland PS. *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-brain*. MIT Press; 1986.
- [7] Chemero A, Heyser CJ. *Methodology and Reduction in the Behavioral Neurosciences: Object Exploration as a Case Study*. In: Bickle J, editor. *The Oxford Handbook of Philosophy and Neuroscience*. Oxford University Press; 2009. P. 68–90. Available from: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195304787.003.0004> (accessed: 05.10.2023).
- [8] Parker D. Neurobiological reduction: From cellular explanations of behavior to interventions. *Front Psychol*. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.987101> (accessed: 05.10.2023).
- [9] Sachse C. Reductionism in the Philosophy of Science. In: Reductionism in the Philosophy of Science. *De Gruyter*. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110323320/html> (accessed: 05.10.2023).
- [10] Wimsatt WC. Reductionism and its heuristics: Making methodological reductionism honest. *Synthese*. 2006;151(3):445–475.
- [11] Wimsatt WC. *Re-Engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality*. Harvard University Press; 2007.
- [12] Crick F. *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*. Simon and Schuster; 1994.
- [13] Bickle J. *Philosophy and Neuroscience: A Ruthlessly Reductive Account*. Springer Netherlands; 2003.
- [14] Kandel ER, Koester JD, Mack SH, Siegelbaum SA. *Principles of Neural Science, Sixth Edition*. McGraw Hill Professional; 2021.
- [15] Wimsatt WC. The Ontology of Complex Systems: Levels of Organization, Perspectives, and Causal Thicketts. In: *Canadian Journal of Philosophy, Supplementary Volume*. 1994;(20):207–274.
- [16] Blumenberg H. *Paradigms for a Metaphorology*. Cornell University Press; 2011.

- [17] Kuhn TS. *Metaphor in science*. In: Ortony A, editor. *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge University Press; 1993. Available from: <https://www.cambridge.org/core/books/metaphor-and-thought/metaphor-in-science/291E8A7ADF9A427260C5C6C8653A1F1F> (accessed: 11.09.2023).
- [18] Reynolds AS. *The Third Lens: Metaphor and the Creation of Modern Cell Biology*. Chicago: University of Chicago Press; 2018.
- [19] Reynolds AS. *Understanding Metaphors in the Life Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press; 2022.
- [20] Mikeshina LA. Reductionism as a Problem of Philosophy of Science and Epistemology. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2013;37(3):5–13. (In Russian).
Микешина Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 37. № 3. С. 5–13.

About the author:

Chaly Vadim A. — PhD, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Senior Research Fellow, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia (e-mail: vadim.chaly@gmail.com). ORCID: 0000-0001-7570-3382

Сведения об авторе:

Чалый Вадим Александрович — доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва; старший научный сотрудник Академии Кантиана Балтийского федерального университета, Калининград, Россия (e-mail: vadim.chaly@gmail.com). ORCID: 0000-0001-7570-3382

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-848-857>

EDN: OUOCPP

Научная статья / Research Article

Актуальность междисциплинарных подходов в исследовании сознания

Ю.В. Соколова

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Российская Федерация, 111250, Москва, ул. Красноказарменная, д. 14
 SokolovaYulV@mpei.ru

Аннотация. Исследование посвящено обоснованию целесообразности междисциплинарного подхода в исследовании сознания. Многогранность сознания как феномена, загадочность природы и истории формирования сознания, разница подходов к трактовке самого термина «сознание» и связанных с ним понятий обуславливают многообразие возможностей в изучении этой проблемы. Различные подходы к осмыслению сознания выработаны сегодня в философии, психологии, биологии, медицине, нейронауках, социологии, когнитивных и компьютерных науках, лингвистике и ряде других научных областей. Начиная с конца 1980-х гг. можно заметить взрывной рост интереса к проблеме сознания в философии и науке, в это время появляются исследования Бернарда Баарса, Дэниела Деннета, Роджера Пенроуза, Фрэнсиса Крика и Кристофера Коха, Дэйвида Чалмерса, которые наметят основные подходы к разработке проблемы сознания и отчетливо обозначат междисциплинарность таких исследований. В исследовании рассмотрены особенности феномена сознания и очерчен круг основных теоретических вопросов, наиболее актуальными из которых являются так называемая «сложная проблема сознания» (как мозг порождает сознание и почему это происходит), вопрос соотношения ментальных и физических процессов и связанная с этим проблема «разрыва в объяснении», вопрос о правомерности рассмотрения первичности мозга по отношению к сознанию, определение места сознания в современной научной картине мира, а также изменение этической и мировоззренческой проблематики в связи с развитием искусственного интеллекта, нейросети и медицинских технологий. Исходя из сложности и многоаспектности исследовательского поля, связанного с проблемой сознания, разнообразия намеченных подходов изучения этой проблемы в философии и науке, дискуссионности самих формулировок поставленных вопросов и остроты научной дискуссии автор заключает, что наибольшими эвристическими возможностями сегодня обладают междисциплинарные исследования сознания.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, трудная проблема сознания, философия сознания

© Соколова Ю.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 30.07.2023

Статья принята к публикации 10.09.2023

Для цитирования: Соколова Ю.В. Актуальность междисциплинарных подходов в исследовании сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 848—857. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-848-857>

Relevance of Interdisciplinary Approach in the Study of Consciousness

Julia V. Sokolova

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”,
14 Krasnokazarmennaya St., 111250, Moscow, Russian Federation

 SokolovaYulV@mpei.ru

Abstract. The research is devoted to justification of the interdisciplinary approach in the study of consciousness. Studying consciousness as a phenomenon is a very divergent project, the mystery of its nature and appearance makes different ways of studying consciousness possible. Besides, consciousness is an umbrella term which may be interpreted differently in different contexts. Various approaches to comprehension of consciousness have been developed nowadays in Philosophy, Psychology, Biology, Medicine, Neurosciences, Sociology, Cognitive and Computer Sciences, Linguistics and a number of other research fields. In the end of the 1980s one can notice an exceptional growth of interest in the problem of consciousness both in Philosophy and Science. The works by Bernard Baars, Daniel Dennett, Roger Penrose, Francis Crick and Christopher Koch, David Chalmers have appeared in these years. They outlined the main approaches to the study of consciousness and demonstrated that study of consciousness became an interdisciplinarity research. The research discusses the features of the phenomenon of consciousness and outlines the main theoretical issues, the most relevant of which are the “hard problem” of consciousness, the problem of mind and body, the problem of “the explanatory gap”, the question of the primacy of the brain in relation to consciousness, the place of consciousness in the modern scientific paradigm, changes of the ethical and worldview interpretation in connection with artificial intelligence, neurochips and neural network. Based on the complexity and multidimensionality of the research field associated with the problem of consciousness, the variety of approaches to studying this problem in Philosophy and Science, the controversial character of the questions raised, and the heated discussion among researches, the author concludes that interdisciplinary studies of consciousness have the greatest heuristic possibilities today.

Keywords: interdisciplinary approach, hard problem of consciousness, Philosophy of Mind

Article history:

The article was submitted on 30.07.2023

The article was accepted on 10.09.2023

For citation: Sokolova JV. Relevance of Interdisciplinary Approach in the Study of Consciousness. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4): 848—857. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-848-857>

Введение

Проблема сознания сегодня является одной из актуальных в целом ряде научных областей. Многогранность сознания как феномена, загадочность природы и истории формирования сознания, разница подходов к трактовке самого термина «сознание» и связанных с ним понятий (например таких как бессознательное, психика, мышление, квалиа, ум и др.), обуславливают многообразие возможностей в изучении этой проблемы. Если мы попытаемся очертить вопрос, то увидим, что проблема сознания имеет множество различных аспектов, которые изучаются философией, биологией, медициной (как в целом, так и ее отдельными областями), нейронауками, психологией, социологией, когнитивными и компьютерными науками, лингвистикой и рядом других научных областей. Искусство, религия и идеология тоже вносят свой вклад в разработку этой проблемы.

Во все времена и во всех культурах люди были очарованы сознанием, одним из самых интересных и загадочных явлений, которые существуют. Примечательно, что, с одной стороны, сознание — это то, чем непосредственно обладает каждый из нас, а, с другой, сложность и многоаспектность сознания делает его осмысление таким трудным. Проблема сознания для философии является одной из центральных, так как именно в связи с наличием этого феномена возникают и могут быть сформулированы и разрешены другие вопросы. Философия сознания (Philosophy of Mind), изучающая природу сознания и соотношение сознания и тела, сегодня представляет собой одну из ведущих и активно развивающихся областей философии, особенно в англоязычной традиции.

В отечественных исследованиях сознания, как в философии, так и в когнитивистике, в данный момент существует явная ориентация на англоязычные исследования. Достаточно активно комментируются и переводятся на русский язык книги таких авторов, как Д. Чалмерс [1], К. Фрит [2], Д. Деннет [3] и др., но, к сожалению, остаются без внимания работы отечественных ученых, внесших значительный вклад в исследования психики, поведения, сознания и деятельности мозга. Современная нейронаука и медицинские исследования в области нервной деятельности опираются на выдающиеся открытия, сделанные именно отечественными физиологами рубежа XIX—XX вв.: основателя физиологической школы И.М. Сеченова и его учеников И.П. Павлова и Н.Е. Введенского. Их вклад в изучение физиологии высшей нервной деятельности как основы психики и поведения человека признан во всем мире, однако редко упоминается отечественными когнитивистами. Большой интерес с сегодняшних позиций могут представлять работы российских ученых в области психологии, философии и неврологии:

Л.С. Выготского, его ученика А.Р. Лурия (психолога, врача-невропатолога, основателя нейропсихологии), С.Л. Рубинштейна (психолога и философа), публикации начала века Г.Г. Шпета и Г.И. Челпанова. Однако они не находятся в фокусе внимания современных российских исследователей сознания, что, возможно, отчасти объясняет некоторую слабость отечественной философии в области исследования сознания и позицию догоняющего по отношению к зарубежным исследователям.

Вопросы о природе сознания, вероятно, задавались с тех пор, как появились люди. Тем не менее, есть основания полагать, что сознание в том виде, в каком мы его знаем сегодня, является относительно недавним историческим явлением, возникшим где-то после гомеровской эпохи, в соответствии с этой точкой зрения формирование сознания совпадает с появлением философии. Другая точка зрения обращает наше внимание на то, что даже в классический период в древнегреческом языке не было слова, которое соответствовало бы термину «сознание», хотя древним было что сказать о вопросах духа и разума.

Если опустить обзор исторической динамики концепций сознания в философии, и сразу перейти к состоянию этого вопроса в 80—90-х гг. XX в., то можно заметить взрывной рост интереса к исследованию этой проблемы не только в философии, но и в науке. С конца 1980-х гг. появляются исследования Бернарда Баарса (Bernard Baars) [4], Дэниела Деннета (Daniel C. Dennett) [5], Роджера Пенроуза (Roger Penrose) [6], Фрэнсиса Крика (Francis Crick) и Кристофера Коха (Christof Koch) [7], Дэвида Чалмерса (David J. Chalmers) [8], которые наметят современные подходы к разработке проблемы сознания и отчетливо обозначат междисциплинарность таких исследований. Книжки, изданные этими авторами в жанре научно-популярной литературы, являются мировыми бестселлерами [9—11]. Публичные лекции, выступления, интервью и подкасты (например, Talks at Google — серия докладов и лекций ученых, деятелей искусства и авторов интересных разработок, организованная корпорацией Google для своих сотрудников, материалы этих встреч доступны широкой слушательской аудитории в Интернете; Lex Fridman Podcast — интервью деятелей науки и техники с Лексом Фридманом) собирают большое количество слушателей и просмотров. Все это свидетельствует о том, что вопросы сознания интересуют сегодня и людей, далеких от науки. Рост интереса к буддизму, йоге, учению Экхарта Толле, практикам осознанности и медитации, когнитивной психологии ясно указывает на увлеченность этой проблематикой очень широких кругов во всем многообразии подходов.

Сознание как исследовательская проблема

Поскольку человек (человеческое тело) является частью как биологического, так и физического мира, то изучение человека возможно с позиций естественных наук. Если исходить из связи ментальных процессов с телом, то получаемые данные естественных наук о человеческом теле непосредственно влияют на развитие философии сознания. Продуктивность использования

философских концептов в нейронауках, когнитивистике и других областях тоже очевидна. Это обуславливает эвристические возможности междисциплинарных подходов в исследовании сознания.

В случае, когда мы пытаемся понять и описать какой-то сложный феномен или процесс, мы часто прибегаем к метафорам. Один из современных философов, занимающихся проблемой сознания, Дэйвид Чалмерс представляет сознание как «кино в нашей голове». В рамках этой метафоры можно говорить о сознании как об удивительном мультитрековом фильме: 3D-изображение, объемный звук того, что мы видим и слышим в определенный момент. В этом «фильме» есть запах, вкус, осязание, все ощущения нашего тела, например, боль или голод, там есть эмоции: радость и счастье, гнев и разочарование. Этот «фильм» содержит воспоминания о наших спортивных победах, невероятные запахи кухни бабушки из вашего детства, и болезненные или приятные эпизоды отдаленного, а может быть недавнего прошлого. И кроме этого, в нем присутствует практически непрерывный внутренний голос — нарратив. В центре всего этого — человек, тот, кто непосредственно все это испытывает. Этот «фильм» — наше сознание — субъективная переживаемость событий внешнего мира и нашего внутреннего я.

Сложность в описании этого феномена состоит не только в том, что осмысление сознания требует от нас выхода за его пределы, выхода как попытки оценить его взглядом внешнего наблюдателя, находящегося вне того, что мы стремимся определить и описать, но и в том, что сознанию присуща темпоральность, изменчивость, индивидуальная субъективность, а значит, возникает проблема оценки сознания другого или сознания вообще на основании своего субъективного опыта.

Сознание является одним из фундаментальных фактов человеческого существования. Каждый из нас обладает сознанием; у всех нас есть свой «внутренний фильм», если прибегать к метафоре Д. Чалмерса. Наше собственное сознание — это единственное, что дано нам непосредственно; этот факт делает возможным сомнение в обладании сознанием других живых существ и даже в существовании внешнего мира вообще. Можно полагать, что сознание есть источник (или причина) всех вопросов, над которыми мы размышляем (от тривиальных и мелких до принципиальных).

Теоретические проблемы исследования сознания

Сегодня в осмыслении сознания намечен ряд вопросов, которые стали предметом жарких споров, интересно, что дискуссионными являются не только предлагаемые ответы, но и сами формулировки проблем и их правомерность. Если попытаться очертить основной круг вопросов, то следует прежде всего упомянуть о «трудной проблеме сознания» (the hard problem of consciousness), постановка которой привела к возникновению множества других вопросов. Этот термин был предложен Д. Чалмерсом в 1995 г. [1].

Интересно, что Д. Чалмерс подчеркивает, что он лишь удачно подобрал формулировку для давно существовавшего в философии вопроса.

Как правило, трудная проблема сознания включает в себя два основных компонента: как мозг порождает сознание и почему это происходит [1]. Подход к акцентированию этой проблемы был намечен еще в 1974 г. американским философом Томасом Нагелем (Thomas Nagel) в его знаменитой статье «Что значит быть летучей мышью?» [12]. Суть проблемы состоит в том, что физические процессы порождают субъективный опыт в сознании человека (свойства чувственного опыта или квалиа). Почему мы обладаем сознанием как опытом от первого лица (а не просто обрабатываем информацию и выдаем соответствующий результат как техническое устройство), является вопросом для исследования в философии сознания, экспериментальной психологии, когнитивистике и нейронауках.

Наряду с трудной проблемой сознания существуют так называемые «легкие проблемы», которые решаются путем применения стандартных научных методов в исследовании сознания в медицине и нейронауках, это прежде всего, вопросы, связанные с работой мозга и нервной системы. Разделение проблем в осмыслении сознания на основании эффективности и допустимости применения той или иной методологии, в свою очередь, ставит вопросы о возможности или невозможности изучения сознания наукой и существования научной психологии.

Интересно, что сегодня продолжает существовать скептицизм в отношении применения научных методов в изучении сознания. Основной аргумент такой позиции состоит в том, что объективная природа науки делает невозможным существование науки о сознании, которое по своей природе субъективно. Действительно, большую часть XX в. психология объективно изучала человеческое поведение, нейронауки объективно изучали мозг, но сознание как проблему действительно оставляли на усмотрение философии, искусства, религии и идеологии. Однако, в последние десятилетия XX в. нейробиологи, в частности, Фрэнсис Крик, физики, например, Роджер Пенроуз, применили научные методы к исследованиям сознания. Ученые обнаружили корреляции между определенными областями мозга и определенными состояниями сознания, в результате этих исследований сегодня известно, какие области мозга активируются при видении вещей, игре на музыкальном инструменте, вождении автомобиля, ощущении боли или в процессе медитации.

Тем не менее, это не объясняет сам феномен сознания или то, почему эти области активируются, то есть не приводит нас к решению трудной проблемы сознания. Кроме того, в вопросе объяснения соотношения ментальных и физических процессов в мозге существует так называемый «разрыв в объяснении»¹ (термин, предложенный Джозефом Левином) [13]. Под этим термином

¹ The explanatory gap.

Дж. Левин полагает невозможность объяснения квалиа через научное изучение мозговой деятельности.

Итак, можно утверждать, что все последние работы нейробиологов отвечают на часть вопросов о сознании (эти ответы открывают нам поистине удивительные факты о работе нашего мозга, кроме того, они могут быть практически применены в разных областях медицины и в образовании), но центральный вопрос о том, что такое сознание, остается таким же загадочным сейчас, как и тысячи лет назад. Мы до сих пор не знаем, почему все эти физические процессы в мозге вообще должны сопровождаться сознанием. Почему у нас есть этот внутренний «субъективный фильм»? Так что можно предположить, что современная наука приближается к пониманию сознания, анализируя его функции, или, другими словами, мы находим ответы на вопрос «как», но не на вопрос «почему». Мы можем объяснить поведение человека и функции мозга, но, когда речь идет о сознании, вопросы поведения представляются самыми легкими проблемами. Вопрос о том, почему такое поведение сопровождается внутренними субъективными переживаниями и нарративом, пока остается без ответа.

Сегодня существуют разные подходы к решению трудной проблемы сознания: от отрицания существования самой проблемы (или утверждения об ошибочности в самой постановке вопроса), вынесения этого вопроса «за скобки» до попыток решения его с помощью применения научных или ненаучных методов [14].

Кроме обозначенных выше аспектов возможен также вопрос о правомерности рассмотрения первичности мозга по отношению к сознанию, то есть правомерности того, что, как правило, является исходным пунктом размышлений о сознании. Так, в рамках практической неврологии и нейронаук вопрос онтологического статуса сознания не рассматривается так, как он поставлен в философии. Для поиска новых методов лечения и восстановления пациентов ключевыми исследовательскими направлениями неврологии сегодня являются: определение степени активности сознания, выявление маркеров сознательных функций, анализ пограничных состояний сознания. Для клинической практики в неврологии достаточной является опора на представление о сознании как продукте деятельности мозга — определение, данное в начале 80-х гг. XX в. в работе Плам Ф., Познер Дж. Б. «Диагностика ступора и комы» [15].

Однако за исходный пункт размышлений можно принять и другие положения: первичность сознания по отношению к мозгу или их дуализм. Так, профессором В.Е. Семеновым в его выступлении на конференции по проблемам изучения сознания² была предложена аналогия мозга и музыкального инструмента. С этой позиции мозг (как и музыкальный инструмент)

² Международная научная конференция в формате круглого стола «Актуальные проблемы исследования сознания» 15 марта 2023 года НИУ «МЭИ». Основной организатор конференции — ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ», соорганизаторы: кафедра онтологии и теории познания

не способен «играть» сам по себе, мозгу необходимо воздействие сознания, как инструменту нужно воздействие исполнителя.

Сегодня особое значение в осмыслении сознания приобретают вопросы, связанные с активным развитием искусственного интеллекта (ИИ), медицинских технологий, появлением нейрочипов и нейросети. Эти обстоятельства значительно расширяют круг этических и мировоззренческих вопросов о мире и человеке, которые входят в сферу философского осмысления сознания. Так, Д. Чалмерс в своей книге «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории» формулирует (пока гипотетический) вопрос о том, сохранится или угаснет сознание в результате замены мозга нейрочипами [16]. Ряд традиционных философских проблем (вопросы свободы воли, ответственности, справедливости, познания, истины, добродетели, социальной и правовой организации общества и многие другие) в новой реальности приобретают совершенно иные ракурсы. Кроме осмысления существующих реалий интерес также представляют прогностические теории, связанные с развитием ИИ, цифровизации, появлением квантового компьютера, расширением сферы применения нейросети, трактовкой понятия «виртуальное». Любопытной попыткой заглянуть в будущее с этой точки зрения является книга Д. Чалмерса, вышедшая в 2022 г. — *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy* [16].

Еще одной важной общенаучной проблемой является определение места сознания в современной картине мира. Непосредственная данность сознания каждому из нас нисколько не упрощает определение его в современной научной парадигме. В настоящий момент феномен сознания выглядит как некая научная аномалия, объяснить которую пока невозможно. Вероятно, наибольшие трудности с определением этого феномена вызваны невозможностью выхода за его пределы и его многоаспектность. Предлагаемые подходы к решению этой проблемы сегодня различны: можно оставить вопрос за скобками, можно попробовать игнорировать его либо попытаться найти совершенно новый способ объяснения или взгляда на сознание. Так, Д. Чалмерс допускает рассмотрение сознания аналогично таким категориям, как время, пространство и масса, которые существует на фундаментальном уровне и не могут быть поняты как сумма своих частей [1]. В 1989 г. британский физик и математик Роджер Пенроуз в своей книге «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» предложил новый подход к рассмотрению сознания [17]. Им было заявлено о невозможности моделирования сознания с помощью обычного компьютера в силу отсутствия алгоритмичности как характеристики сознания. Это привело к появлению спекулятивной теории о квантовом сознании, которая вызвала одновременно и большой интерес, и шквал критики со стороны ряда представителей научного сообщества. Все высказанные идеи и жаркие дискуссии на эти темы можно считать активным научным поиском в объяснении феномена сознания.

факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Институт нейрореабилитации и восстановительных технологий Научного Центра Неврологии.

Заключение

Многообразие предложенных подходов к осмыслению сознания представителями различных научных областей, дискуссионность самих формулировок поставленных вопросов, острота научной дискуссии³ и вовлеченность в эту проблематику широких слоев общества демонстрирует актуальность исследований сознания сегодня. Целесообразность междисциплинарного подхода к исследованию сознания обусловлена целым рядом причин, главной из которых можно считать сложность и многоаспектность исследовательского поля.

Одним из важных шагов в исследовании сознания сегодня является уточнение и прояснение терминологии, выработка общих определений различных аспектов сознания и связанных с ним понятий. В ситуациях, когда мы пытаемся определить сложное многоаспектное явление или процесс, мы стремимся его упростить и схематизировать для того, чтобы осмыслить и сделать пригодным для дальнейшего теоретизирования. На этом пути существует опасность ухода в такую степень упрощения, которая уже может стать причиной утраты существенных характеристик исследуемого объекта. Снизить эту вероятность позволит именно междисциплинарный подход, где представители разных областей знания смогут обратить внимание на значимые для их области аспекты, свойства и характеристики.

Кроме того, междисциплинарная дискуссия — это поле генерации новых идей и подходов, возможность посмотреть на исследовательский объект с другой стороны, расширить или уточнить круг задач, увидеть новые грани вопроса в метафоре, используемой представителями иной области знания. Продуктивным для исследования сознания может стать обращение к работам отечественных ученых рубежа конца XIX — первой половины XX в., таких как Г.Г. Шпет, Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и других. Рассмотрение предложенных ими идей способно значительно расширить исследовательские возможности междисциплинарного поиска. Невнимание к отечественным авторам прошлого и фокусировка исключительно на зарубежных исследованиях в данный момент обедняет науку. Новые эвристические возможности можно получить не только за счет расширения методологического поля и взаимного обогащения полученными исследовательскими результатами, но и используя вклад отечественных исследователей прошлого.

References

- [1] Chalmers DJ. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press; 1996.

³ То, что в англоязычной литературе получило наименование «the consciousness wars» — битвы за сознание.

- [2] Frith Ch. *Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell; 2007.
- [3] Dennett D. *Intuition Pumps and Other Tools for Thinking*. Penguin; 2014.
- [4] Baars B. *A cognitive theory of consciousness*. New York: Cambridge University Press; 1988.
- [5] Dennett DC. Facing backwards on the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 1996;(3):4–6.
- [6] Penrose R. *Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness*. New York: Oxford University Press; 1989.
- [7] Crick F, Koch Ch. *Consciousness. Theories in Neuroscience and Philosophy of Mind*. Berlin, Heidelberg: Springer; 2014.
- [8] Chalmers DJ. Moving Forward on the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 1997;4(1):3–46.
- [9] Chalmers DJ. *The Character of Consciousness (Philosophy of Mind)*. New York: Oxford University Press; 2010.
- [10] Baars B. *In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind*. New York: Oxford University Press; 1997.
- [11] Levine J. *Purple Haze: The Puzzle of Consciousness (Philosophy of Mind Series)*. New York: Oxford University Press; 2004.
- [12] Nagel Th. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*. 1974;83(4):435–450.
- [13] Levine J. Materialism and Qualia: the Explanatory Gap. *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983;64(4):354–361.
- [14] Gray JA. *Consciousness: Creeping up on the hard problem*. New York: Oxford University Press; 2006.
- [15] Posner JB. *Plum and Posner's Diagnosis of Stupor and Coma (Contemporary Neurology Series, 71). 4th Edition*. New York: Oxford University Press; 2007.
- [16] Chalmers DJ. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W.W. Norton & Company; 2022.
- [17] Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics*. New York: Oxford University Press; 2002.

Сведения об авторе:

Соколова Юлия Владимировна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия (e-mail: SokolovaYulV@mpei.ru). ORCID: 0000-0002-4884-7185

About the author:

Sokolova Julia V. — PhD, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia (e-mail: SokolovaYulV@mpei.ru). ORCID: 0000-0002-4884-7185

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-858-868>

EDN: QURKLA

Research Article / Научная статья

Holding and Reversing the Camera Obscura

Nataliya Atanasova

Sofia University,
115 Tsar Osvoboditel Blvd., Sofia, 1504, Bulgaria
 nataliya.atanasova@protonmail.com

Abstract. The following study examines the critical interplay between ideology, mediated reality, and the role that individuals' perceptions, beliefs, and actions play in this process. In doing so, the study delves into the examination of the way power structures and dominant narratives proceed into influencing cultural expression and, consequently, impact social action. It is thus argued that in contemporary society, the Situationist notion of “the spectacle” has replaced any understanding of reality and created a reified social world dominated by commodities that reinforce dominant ideologies and determine subjective perceptions. Furthermore, the paper addresses the impact of this mediated reality on personal subjectivity and agency. Drawing on Marx's metaphor of the “camera obscura” as ideology, it argues for a transformative “reversal of perspective” that changes how individuals view and engage with their environment. Ultimately, this study underscores the profound impact of “the spectacle” on social relations, ideology, and perception. It argues for a transformative and creative approach that challenges individuals to resist the grasp of the spectacle, reclaim their agency, and develop new perspectives for interacting with the world. The extensions of the gaze subtly refer to the basis of economy manifested as “false consciousness” reflected by the camera obscura as an inverted image but readjusted with the tools of spectacles and mirrors within the reflective apparatus.

Keywords: situationists, the spectacle, perspective, contemplation, agency, ideology

Article history:

The article was submitted on 03.08.2023

The article was accepted on 06.09.2023

For citation: Atanasova N. Holding and Reversing the Camera Obscura. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):858—868. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-858-868>

© Atanasova N., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Удержание и переворачивание камеры-обскуры

Н. Атанасова

Софийский университет,
Болгария, София, 1504, б-р Царя Освободителя, д. 115
 nataliya.atanasova@protonmail.com

Аннотация. В предлагаемом исследовании рассматривается критическое взаимодействие между идеологией, опосредованной реальностью и ролью, которую восприятия, убеждения и действия людей играют в этом процессе. При этом исследование углубляется в изучение того, как властные структуры и доминирующие нарративы влияют на культурное самовыражение и, следовательно, на социальные действия. Таким образом, утверждается, что в современном обществе ситуационистское понятие «спектакля» заменило любое понимание реальности и создало овеществленный социальный мир, в котором доминируют товары, которые усиливают господствующие идеологии и определяют субъективное восприятие. Кроме того, рассматривается влияние этой опосредованной реальности на личную субъективность и активность. Опираясь на метафору Маркса о «камере-обскуре» как идеологии, она утверждает преобразующий «переворот перспективы», который меняет то, как люди смотрят на окружающую среду и взаимодействуют с ней. В конечном счете, это исследование подчеркивает глубокое влияние «спектакля» на социальные отношения, идеологию и восприятие, выступает за преобразующий и творческий подход, который побуждает людей сопротивляться захвату зрелища, восстанавливать свою свободу воли и развивать новые перспективы взаимодействия с миром. Расширение взгляда тонко отсылает к основе экономики, проявляющейся как «ложное сознание», отраженное камерой-обскура как перевернутое изображение, но корректируемое с помощью очков и зеркал внутри отражающего аппарата.

Ключевые слова: ситуационисты, зрелище, перспектива, созерцание, агентность, идеология

История статьи:

Статья поступила 03.08.2023

Статья принята к публикации 06.09.2023

Для цитирования: *Atanasova N.* Holding and Reversing the Camera Obscura // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 858—868. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-858-868>

Introduction

To think, the Cartesian subject also serves oneself with the faculty of vision. For Descartes, the faculty of vision not only aids in forming thought but could also install doubt with which one continually verifies the reality in which one finds oneself. Indeed, Descartes has devoted extensive studies to the mechanics of the gaze, exploring the way the eyes perceive objects, which are subsequently comprehended by the mind. As Nicholas Mirzoeff points out, before Descartes, there were two schools of thought regarding how the eyes can hold objects and ‘insert’ them into the eye: one school of thought proposed that the eyes emitted rays that touched the object of vision to return to the eye — at the same time, the second

believed that small copies that could enter the eye were made by the object of perception [1. P. 74]. On the other hand, Descartes presented a diagram in his *Dioptrique* (1637) depicting the dynamics of the eyes, clearly connected to the brain, which in turn was metaphorically represented as an elderly sage evaluating and judging the object of perception. Descartes claimed that after light entered the eyes, it created images on the retina — a kind of impression and a separate ‘camera obscura’ device, as the brain received these images via the optic nerves. In his study, Descartes did not specifically name the pineal gland as a link between mind and body in the context of vision. Instead, he emphasized how the brain is the central organ responsible for processing the information the eyes receive by using the visual metaphor of the sage critic, who evaluates what is presented to him. However, before Descartes changed the understanding of vision and perception [1. P. 76], the investigations into how reality was to be perceived and appropriated by the mind through tools and devices were anticipated by the first explanatory designs of the camera obscura in Giovanbattista della Porta’s *Magia Naturalis* (1558) in which reality was not only to be recovered and appropriated through the mechanics of the gaze but also to be transferred to another surface different from the original on which reality was already located, to then be appropriated by the human gaze, from that second place where reality stood mediated. This process, as described by della Porta, was achieved with the help of lenses and a mirror attached to the projecting device that would help to make the transference of the reflected image onto a flat, distinct surface, as natural and nitid as it is in its reality [2].

The mechanisms of transferring reality from its original place to the gaze and the brain — to another surface or another device, and every time adding instruments to adjust the image more and more, have become part of how one participates in the reality he or she inhabits. It is a way to relate to one’s mediated environment. Thus, manipulating, reversing, and inverting the reflected image of the real becomes a (second) human nature being part of how the subject deals with and explores reality, trying to change and manipulate it according to one’s thoughts, judgments, and desires.

Reality, the environment, and the media that enclose and mediate it elsewhere, where it is not, have also become of interest to postmodern studies and theories. The subject, referring to what is seen, adapts to it and dwells elsewhere — in the place of the environment in front of one’s gaze, whatever the surface, whatever the space.

The problem of representation

The Frankfurt School is one of the most remarkable movements that has explored how the subject relates to the already mediated environment, what the subject becomes when it identifies with one’s perceived surroundings in a Lacanian way, and subsequently, how one reads oneself in this mediated, modified, and adapted reality — a reality that in turn shapes one’s thinking [3]. This becomes a way of life as soon as one tries to adapt to it — reifying the individual based on an

ideology — a hypostasized worldview. Similarly, Louis Althusser saw the materialization of ideology in the world through how it is mediated elsewhere and anywhere to ultimately assert that “ideology represents the imaginary relation of individuals to their real conditions of existence” [4. P. 109]. Thus, according to Althusser, ideology is one’s understanding of reality and his/her mediation process of actual reality — one’s meaning of reality according to their conditions of existence, instead of being the actual reality of anything itself, as ideology conceals the basis of the real. Hence, it can be asserted that ideology reflects society’s idea about itself.

Nevertheless, Guy Debord, the founder of the *Situationist International*, published a manifesto-like book in 1967, criticizing a society that dwells in an altered reality — one that has completely lost its place of origin. Using the term “spectacle,” Debord defines a society reified by a mediated and artificial reality governed by invisible economic laws. Through a tautology, he asserts that “[w]hat appears is good; what is good appears” (Thesis 12) [5]. The spectacle is thus the other side of reality, or, to use a Lukàcsean term, a “second nature” for a society that adapts to a mediated vision of reality itself [6]. In Debord’s vocabulary and frame of reference, the “spectacle” is another definition for a society that identifies with its environment until both become the same — the still image of consumer society — without movement and with a single goal, which is itself.

As a matter of fact, in some translated versions of Marx’s *German Ideology* (1846), the terms “environment” and “life” are used to denote the same concept. Thus, for Marx, it is not consciousness that shapes the environment but the environment that determines consciousness [7. P. 47]. Similarly, and simultaneously conversely, the Situationist concept of ‘psychogeography’ considers the observation of one’s feelings evoked by the environment in which one finds oneself to create an ‘emotional map’ of the physical space and the space of contemplation. This ‘map’ is meant to shape an authentic human subject, as the environments selected from the whole city are chosen as places (signifiers) of pleasure — which, in turn, produce a similar (pleasant) subject. Likewise, what the Situationists denounce throughout their theoretical texts is an impoverished existence, an existence plundered by the spectacle, where once again, it is not life that is determined by consciousness, but consciousness delineated by life — “The spectacle <...> is specifically the sector which concentrates all gazing and all consciousness. Due to the very fact that this sector is separate, it is the common ground of the deceived gaze and of false consciousness...” (Thesis 3) [5].

Thus, it can be asserted that how one sees also shapes one’s subjectivity. Hence, if life and environment are the same things, then Vaneigem’s suggestion to create a passionate life is equivalent to creating a passionate environment — which is implied in the technique of the Situationist *dérive* in the sphere of psychogeography [8. P. 103]. Nevertheless, for Marx, ‘life’ also means one’s social conditions. Life, then, is the environment as a product of human labor within a particular ideology that reflects a particular moment in historical time, i.e., the time

of human consciousness and thought at a very particular moment in history, and the conditions, that is, the way one experiences one's physical survival and the comfort and ease with which one maintains one's survival within it.

Similarly, Alexander Gungov's theory of an already post-consumer society reflects conditions that have developed through the reification of other visual means that serve to make reality visible to be able to dwell in it [9. P. 124–125]. This, according to Gungov, is reflected by the means of statistics. As for the author, society is visualized through statistical diagrams in which individuals are its units. Consequently, this process makes it harder for individuals to become active subjects in a reality that they shape or to act on an element that does not exist in the diagram of reality. This mechanism "blocks the dialectic of becoming conscious" [10. P. 283]. As a result, the individual becomes a "real" number in the diagram, representing that which is perceived as real and fulfilling the task of being one: to be reflected and to recognize oneself in the graphs, which stand for the entire selfhood — the personality, choices, and one's uniqueness — thus indicating the position of the individual. As Baudrillard notes, "Instead of strengthening agency and democracy, statistical visualization and representation prevent certain elements from being preserved" [10. P. 279]. In this way, the real disappears to make way for an image [9. P. 138].

Following Gungov's introduction of the concept of a post-consumer society, one can see that the individual is not only the passive body who is susceptible to manipulation by the environment to which they are exposed but also a subject who already perceives and recognizes themselves in the mirror of a statistical environment, recognizing one's place (significance in the social context) in the diagram representing them [11]. As Ken Knabb points out, ideology is a conscious recognition, but the world it refers to is false. To further explain this metaphorically, Jacques Rancière suggests that one's position in the environment is also one's ideological position [12]. However, if viewed as a compliant statistical unit, the individual's only role is to be the symbol of one's choices and lifestyle in numerical units that hypostatize his or her being, existential meaning, and values. Thus, as Vaneigem explains, the individual's ability of "reversal of perspective" should become a permanent condition — because this is the authentic position of a human being in the world — and the "radical subject" is the one that establishes the common ground and prepares the terrain of the battlefield [8. P. 88–103].

The tools of ideology

As aesthetics erect barriers that serve to identify and recognize the supporting structures of society, through which one can think, relate, act, create, and live — in a tautological direction, reality and meaning are the tokens of meaning and reality — their *raison d'être* and the exact reason for maintaining such an eternal cycle. In this sense, the creation of any object, in reality, is the creation of the object's reality and the confirmation of this reality within the object itself. Guy Debord's *Society of the Spectacle* launched such a claim, specifically noticeable in his thesis 69,

in which he states that “another object already carries the justification of the system and demands to be acknowledged” (Thesis 69) [5]. At the same time, it is a statement of the fact that every kind of communication is, sooner or later, appropriated by the objects of reality and the language that absorbs everything. Language is always political and always real. Thus, reality, or social reality, is incorporated and represented by the subjects acting in it through language, which is accurate insofar as it is understood and shared by others.

In this sense, statistics can be likened to the Orwellian Newspeak language (1984), which was purposefully “designed to diminish the range of thought” rather than to see better and understand the invisible elements that make up society, becoming the concrete numbers of an abstracted reality instead. Soon, things are excluded from the reality of the world, so they cease to exist and are forgotten, with no hope of being remembered through the abstract universality of concrete numbers — similarly, any transmission of reality in a place where it is not. As Baudrillard notes [10. P. 283], deprives the original movement of its rhythm and its meaning” [10. P. 282]. Moreover, as Althusser points out, “the individual is always already a subject, even before he [sic] is born, (and this) is <...> the plain reality accessible to everyone and by no means a paradox” [4. P. 119].

Nevertheless, to exist in a situation where getting access to the unaltered reality seems impossible, the Situationists offer two options: To speak the language of nothingness¹. Alternatively, to use the familiar (dominant) language in an inverted way to devalue its meaning.

However, one of the most commonly proposed Situationist techniques for escaping such circularity is the “reversal of perspective” described in another seminal Situationist text by Raoul Vaneigem in *The Revolution of Everyday Life*, 1967. In this case, the inversion of perspective would do nothing but straighten up the inverted image of the world and put it back on its feet, rendering the mediating device redundant. It can be asserted that the Situationists’ excessive use of the word revolutionary in their theories is not accidental — considering that the words revolution and revolt, even etymologically, anticipate the desire for a reroute — a change of direction. The same is true of the word catastrophe, which has a similar meaning to revolution². Baudrillard has noticed that ‘catastrophe’ does not refer to destruction but to the curvature of one such event — downward — rerouting into another direction from what is supposed to be, naturally [13. P. 83]. Similarly, to gain consciousness can always be interpreted as an apocalyptic event that etymologically involves lifting the veil off of the things of the world as they are. In their unveiling, every act of criticism, judgment, or commentary on a present

¹ Baudrillard made a similar statement later in the years with his concept of *silence* as a subversive strategy (*Fatal Strategies*, 1983). Silence, as the opposite of the continuous self-praising and unbroken monologue of the media, can reverse the ongoing narrative of the established order. Also (Thesis 24) [5].

² In the former case, it is in archaic Greek (kata-over and strophein — to turn. Similar composition has the Latin word “revolve”).

situation is a *kata-strophein* (down/over-turn). In this sense, the literal meaning of re-revolution presupposes that there is a central point, an axis, around which the rotation takes place: This central point, both in the Situationist view and in the perspective of the historical avant-gardes, is the subject itself so that it can shift and reverse its view of the world — act consequently in its opposite environment, or to change it according to the newly adopted perspective it now has.

Visualizing agency

Thus, the spectacle in its immateriality is “the materialization of ideology,” but on the other hand, for Debord, a commodity is the spectacle itself, and the spectacle is a commodity — in a twist in which idealism and materialism are subsumed by the lenses and mirror of the spectacle (Theses 212–213) [5]. To reiterate, the Althusserian claim, “ideology has a material existence,” and it is reflected in common social practices [4. P. 212]. For this reason, the Situationists’ decision to refuse to produce or communicate through works of art that they identify with the language and means of capitalism to feed and sustain its existence is an exciting proposition. However, their methods of radicalism and their language have nonetheless been appropriated and co-opted by capitalism. In this sense, any cultural product — art — is the material existence of ideology — the superstructure that sustains the base. As Althusser notes, “what apparently takes place outside ideology takes place inside ideology <...>. Therefore, those inside the ideology believe, by definition, that they are outside the ideology. One of the effects of ideology is the practical denial by ideology of the ideological character of ideology: ideology never says, “I am ideological” [4. P. 118].

According to Marc Augé, the world of the spectacle is a universe of recognition rather than a universe of knowledge [14. P. 33]. In other words, that which is familiar to all: a symbolic totality composed of “collections of codes” and “signifying spaces” and transpires in the entire “organization of space” in order to constitute “closed universes in which everything is a sign” and as a matter of fact, the organization of space in the world of the spectacle is designed to create a sense of familiarity and recognition for the audience. Augé argues that this act of recognition, rather than actively seeking knowledge, deprives the individual of their agency, leaving them in a contemplative and docile state. This emphasis on symbolic codes and signifying spaces also highlights how the organization of space within the spectacle serves to reinforce its status as a closed universe where everything is imbued with meaning that is indisputable and inaccessible to questioning or any critical analysis.

Accordingly, and paradoxically, the Situationist attempt, in its rejection of the dominant culture, creates a new ideology with which it combats the dominant ideology, thus constituting a new language that is eventually absorbed by the dominant ideology, takes it over, in turn, and perhaps undergoes a (minimal) transformation toward its opposition. However, as Fredric Jameson points out, “even overtly political interventions <...> are all somehow surreptitiously disarmed

and absorbed by a system of which they might themselves be considered part since they cannot achieve any distance from it” [15. P. 49].

Similarly, following Gungov, it can be stated that with his introduction of the concept of post-consumer society, the individual is not only a docile body subject to manipulation by the environment to which one is exposed, but such a subject already perceives and recognizes oneself in the mirror of a statistical environment. To mix two theories: Lacan’s mirror phase and Foucault’s concept of heterotopia as a mirror in which the subject recognizes oneself where he or she is not, in another place in front of the subject’s gaze. In Lacan’s case, the subject recognizes itself and its role in the environment by recognizing one’s environment [3; 12; 16]. However, suppose one considers the individual as a compliant statistical unit. In that case, the individual’s only role is to symbolize one’s choices and lifestyle in numerical units that hypostatize his or her being, existential meaning, and values. Therefore, as Vaneigem explains, the “inversion of perspective” should become a permanent condition — because this is the authentic position of the individual acting and interacting in the world [17].

Thus, a camera obscura projects an inverted image — its mirror and lenses turn the projected image upside down and straighten the image: the first is the device that captures reality, the second is the means to bring it to its “natural” state and direction. The concept of the camera obscura is complemented by Debord’s metaphor of the mirror, using the concept of the “spectacle.” But perhaps Baudrillard’s allegory of the Moebius strip [18. P. 18] suggests that no revolution is possible, no reversal of the situation, since the side that remains visible is always the same — suggesting that there is no real verse of reality since everything has already been absorbed into the camera obscura.

In conclusion

As argued above, the appropriation of the visible reflects one’s relationship to one’s surroundings — the reversal takes place on the terrain of the visible — the knowable, the shareable, and the desirable. Thus, the immediately visible intervention in the digital space, following Baudrillard, depends on the factor of “the lowest common culture” [19], or the most recent element of popular culture, substituting and serving not only as casual and independent cultural signs but as whole language systems. Currently, as units of digital culture, memes are the means of communication reflecting the most immediate and globally comprehensible means of expression.

Memes circulate on the web as a means of communication, and their aesthetics often reflect a reversal of perspective as they use the expedients of the familiar cultural element (the lowest common culture) to counteract culture itself. In this case, the use of culture to combat culture in the organization of society echoes the Situationist “parodic-serious” — a technique of devaluation explained in *Détournement as Negation and Prelude*, published in the third issue of the Situationist bulletin (IS, 1959). The technique of the “parodic-serious” undermines

the element's relationship between context and language — through an inversion of that which is familiar, making it mean the exact opposite. However, it is still a matter of using the same language of oppression to oppress it with the same means — an actual *reversal of perspective*, organizing the same old elements in an ever-new way — constituting a new structure through recombining the same elements.

In this sense, if “(t)he language of the spectacle consists of signs of the ruling production, which at the same time are the ultimate goal of this production” (Thesis 7) [5], to the extent that societies and technologies are co-produced through the digital, the digital offers new possibilities of being and interaction to create new lifestyles and social existences, just as culture has always sought to transform its subjects and their world.

Another view is possible

McKenzie Wark is among the first scholars to have connected the digital world with a Situationist theory (*A Hacker Manifesto*, 2004). Drawing on Marx's *Communist Manifesto*, the author analyzes, in a Debordean fashion, the digital world of capital and the world-building capabilities of algorithms. The assertion that “hackers produce new perceptions and sensations” (Thesis 002) [20] — suggests the individual's ability as a creator of worlds — the creator of one's reality according to one's skills and knowledge. Wark specifies that “the slogan of the hacker class is not the workers of the world united, but the workings of the world untied” (Thesis 006) [20].

Accordingly, in an information society, where information forms consciousness [14. P. 92–100], the same way all other environments do, Wark shares Vaneigem's optimism about the emancipatory potential of technology if applied for the benefit of society and praises the multidisciplinary character of the digital realm, where programmers could finally take possession of the means of control and sustenance and make them their own.

As the Situationists advocated for a decentralized, anti-authoritarian society and sought to subvert dominant cultural and political systems, the blockchain, as a decentralized digital ledger, can potentially disrupt centralized systems of control and power by enabling direct, peer-to-peer transactions without intermediaries. In this sense, the use of blockchain in contemporary political culture is a form of Situationist-inspired intervention.

Nonetheless, the blockchain offers some revolutionary aesthetics: by creating new spaces of social interaction based on constructing new values as a counter-spectacular basis for new kinds of relations, contrasting “the spectacle” which presents itself as something enormously positive, indisputable, and inaccessible. The access to the inaccessible (Thesis 12) [5]. Lyotard has envisioned the importance of access—especially in a cybernetic future where bureaucratization is remotely controlled by (pre)programmed programs and their inherent platforms of use [21. P. 14]. Similarly, as culture and its products have shifted to the digital world,

hackers and programmers could suggest new ways of thinking³ [12. P. 39] by directly manipulating perceptions of the livable world — offering multiple possible experiences that can be lived in these places, changing the nature of social interactions [12]. Hence, a new empirical dimension becomes a plethora of meaningful data, codes, and signs that are thus an inseparable part of the social reality everyone experiences in their everyday lives.

In this sense, manipulating digital signs and logos is as vital as manipulating signs in the physical environment. Not only are social relationships dictated by the digital, but the arrangement and rearrangement of its signs open up new possibilities for relationships and exchange (even communication as an exchange). In this sense, as Rancière points out, thinking the social is thinking of the world so that to disrupt or destroy a feature on which the social is based is also to destroy that world and end it⁴ [12. P. 38]. To reiterate in a Situationist way, “the destruction of contemporary conditioning” must occur “simultaneously with the construction of situations,” which is now happening mainly in the field of digital space [22. P. 111].

Thus, the “organization of appearances” (For the Situationists, this is another way to refer to culture), or in other words, “the distribution of the sensible,” requires an act similar to taking a standpoint — taking a position and acting according to one’s desire to inscribe oneself in the world.

Individuals can actively shape and challenge existing cultural norms by embracing the “inversion of perspective” as a permanent condition. This radical subjectivity establishes a common ground for collective action and lays the groundwork for transformative change in society.

References

- [1] Mirzoeff N. *How to See the World*. Pelican Books; 2015.
- [2] Della Porta GB. *Magia Naturalis, sive de miraculis rerum naturalium*. Edizione ampliata in 20 volumi. Lib. XVII. Napoli; 1589.
- [3] Lacan J. *The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed at Psychoanalytic Experience* (1949). New York, London: Ecrits: The First Complete Edition in English; 2006.
- [4] Althusser L. *Lenin and Philosophy and Other Essays*. Brewster B, transl. New York: Monthly Review P; 2001.
- [5] Debord G. *The Society of the Spectacle*; 1967. Available from: <https://www.marxists.org/reference/archive/debord/society.htm> (accessed: 22.07.2023).
- [6] Lukàcs G. *The Phenomenon of Reification*. In: *History and Class Consciousness*. Livingstone R, transl. Massachusetts: The MIT Press; 1971. P. 83–110.
- [7] Marx K. *The German Ideology Part One with excerpts from Parts Two and Three and Marx’s Introduction to a Critique of Political Economy*. New York: International Publishers; 2001.

³ For Rancière, artists who work with cultural materials can be subversive, not by presenting an aesthetically relevant product per se, but by “suggesting (to the viewer) new ways of thinking.”

⁴ This paper claims that the spectacle is a model — a model of social relations and a model of an objectified worldview.

- [8] Vaneigem R. *The Unitary Triad: Self-Realisation, Communication And Participation*. In: *The Revolution of Everyday Life: Selected Writings*. The Anarchist Library Press; 2009.
- [9] Baudrillard J. The Remainder. In: *Simulacra and Simulations*. Galilee Press; 1981. Available from: <https://0ducks.files.wordpress.com/2014/12/simulacra-and-simulation-by-jean-baudrillard.pdf> (accessed: 01.08.2023).
- [10] Baudrillard J. *Requiem for the Media*. In: *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Levin C, transl. Saint Louis: Telos Press; 1981.
- [11] Gungov A. *Circularity in the Philosophical Logic of the Continental Tradition*. Sofia: University Press, St. Kliment Ohridski; 2023. (In Bulgarian).
- [12] Rancière J. *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. London: Continuum; 2004.
- [13] Baudrillard J. *The Implosion of Meaning in the Media*. In: *Simulacra and Simulations*. Galilee Press; 1981. Available from: <https://0ducks.files.wordpress.com/2014/12/simulacra-and-simulation-by-jean-baudrillard.pdf> (accessed: 14.07.2023).
- [14] Augé M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Howe J, transl. London: Verso Press; 1995.
- [15] Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke UP; 1991.
- [16] Foucault M. Heterotopias: Of Other Spaces. *Architecture, Mouvement, Continuité*. 1984;(5):46–49.
- [17] Vaneigem R. *The Revolution of Everyday Life: Selected Writings*. The Anarchist Library Press; 2009.
- [18] Baudrillard J. *Möbius — Spiraling Negativity*. In: *Simulacra and Simulations*. Galilee Press; 1981.
- [19] Baudrillard J. *Consumer Society*. In: *Selected Writings*. Poster M, editor. Stanford University Press; 2001.
- [20] Wark M. *A Hacker Manifesto*. Harvard University Press; 2004.
- [21] Lyotard JF. *The Postmodern Condition: Report on Knowledge*. Geoff Bennington G, Massumi B, transl. Manchester University Press; 1983.
- [22] Home S. *What is Situationism: A Reader*. AK Press; 1996.

About the author:

Атанасова Наталиа — PhD Candidate in Philosophy, Sofia University, Sofia, Bulgaria (e-mail: nataliya.atanasova@protonmail.com). ORCID: 0009-0008-8022-6208

Сведения об авторе:

Атанасова Наталья — кандидат философских наук, Софийский университет, София, Болгария (e-mail: nataliya.atanasova@protonmail.com). ORCID: 0009-0008-8022-6208

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-869-877>

EDN: RATEEQ

Research Article / Научная статья

The Lack of Consciousness of the Presence of the Other in Contemporary Society in the Era of Mass Digitalization

Alexandra Anastasia Miliatzidou

Sofia University,
115 Tsar Osvoboditel Blvd., Sofia, 1504, Bulgaria
 miliatzidou@hotmail.com

Abstract. This study discusses how the substantial development of technology, especially of social media platforms, in the past decades has altered the conditions that determine human relationships radically. It provides an overview of how emerging technologies have affected interpersonal human relationships by creating a new environment in which communication takes place, which could be exclusively virtual in the future. Then, it touches on the Levinasian theory regarding the self and its constant consciousness of the Other and aims to explore how Levinas's theory relates to modern society. It highlights the process of how each person strives to find the Other during his/her existence but is often unable to do that and how, in this process, contact with the Other is essential. It is explained that Levinas stresses the importance of meeting with the Other but indicates that we often fail to do so and end up meeting with the Third, an unoriginal form of the Other. Lastly, it is hypothesized that the inability to find the Other in the modern world can be linked to the development of digitalization because new media are often responsible for creating distance in human relationships and, therefore, cannot be the sole medium of creating relationships with others as face-to-face communication and meeting the other are essential components of developing a meaningful relationship with them.

Keywords: self, human relationships, Emmanuel Levinas

Article history:

The article was submitted on 20.07.2023

The article was accepted on 06.09.2023

For citation: Miliatzidou AA. The Lack of Consciousness of the Presence of the Other in Contemporary Society in the Era of Mass Digitalization. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):869—877. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-869-877>

© Miliatzidou A.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Неосознанность присутствия Другого в современном обществе в эпоху массовой цифровизации

А.А. Милициду

Софийский университет,
Болгария, София, 1504, б-р Царя Освободителя, д. 115
 miliatzidou@hotmail.com

Аннотация. Обсуждается, как существенное развитие технологий, особенно платформ социальных сетей, в последние десятилетия радикально изменило условия, которые очень сильно влияют на человеческие отношения. Представлен обзор того, как новые технологии повлияли на межличностные человеческие отношения, создав новую среду, в которой происходит общение и которая в будущем может стать исключительно виртуальной. Затем рассматривается теория Левинаса о личности и ее постоянное сознание Другого с точки зрения того, как теория Левинаса связана с современным обществом. В этой теории освещается процесс того, как каждый человек в течение своего существования стремится найти Другого, но часто не может этого сделать, и насколько важен в этом процессе контакт с Другим. Объясняется, что Левинас подчеркивает важность встречи с Другим, но указывает, что мы часто не делаем этого и в конечном итоге встречаемся с Третьим, неоригинальной формой Другого. Наконец, выдвигается гипотеза, что невозможность найти Другого в современном мире может быть связана с развитием цифровизации, поскольку новые медиа часто несут ответственность за создание дистанции в человеческих отношениях и, следовательно, не могут быть единственным средством создания отношений с другими людьми. Поскольку личное общение и встречи друг с другом являются важными компонентами развития значимых межличностных отношений.

Ключевые слова: Я, человеческие отношения, Эммануэль Левинас

История статьи:

Статья поступила 20.07.2023

Статья принята к публикации 06.09.2023

Для цитирования: *Miliatzidou A.A. The Lack of Consciousness of the Presence of the Other in Contemporary Society in the Era of Mass Digitalization // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 869—877. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-869-877>*

Introduction

In this study, my main goal is to address how the development of technology has affected human relationships by creating new digital spaces that have altered the framework in which communication occurs. I will start by addressing the changes that have occurred over the last few decades, many of which have positively affected our lives. I will continue by addressing the challenges brought to human relationships because of social media platforms, such as the uneasiness of communicating face-to-face with other individuals or the underdevelopment of an understanding of reading social cues. I will then move on to emphasize key

points in the theory of Emmanuel Levinas, as presented in his book *Entre Nous*, regarding the need of the self to seek the Other and communicate with him. Lastly, I will link these ideas to the challenges in modern-day relationships and how social media. At the same time, helpful at many times, is often counterproductive in the effort to connect with others.

Social Networks: Benefits and Challenges

One of the most exceptional changes humans have faced in the light of technological advancements is the effect of mass digitalization on their interpersonal relationships. It would be naive to believe that human relationships can remain unaffected by the growth of technology. Modern devices, gadgets, and social media are gradually reshaping how we communicate and interact with others. They create new concepts of friendship and intimacy that would have been unimaginable a few decades ago. Nevertheless, while technology creates new opportunities and possibilities for relationships, digitalized relationships can in no way act entirely as a substitute for conventional face-to-face interpersonal relations. This study will explore how the new media have affected our relationships, how they can be used to aid them, and why they cannot become the sole medium through which human interactions occur.

Social networking sites have now existed for almost two decades. They have become an established mode of communication worldwide. To name just a few of the networking platforms, Facebook¹, Twitter, and Instagram² are used by millions worldwide to interact with people worldwide. Facebook³, e.g., states that it “helps you connect and share with the people in your life.” Deborah Chambers claims that it is believed that social networks result in an increase in the number of friends people have and that they are strengthening the ties between friends and families [1. P. 2].

Social networks and technology manage something that even public means of transport cannot offer in a way: they break down communication barriers because of physical proximity. It is possible to have a conversation with a friend who lives in a different city and then, the very next moment, proceed to have an international meeting with people from all over the world through a group video chat. This can be especially true in the cases of immigrants whose only medium of communication with their loved ones is such platforms or in those who have moved to different places for either professional or educational purposes. Technology and social networks can significantly assist people because they permit them to maintain their bond with others who live miles away. This concept would have been unfathomable before. In the last two decades, a significant amount of studies have focused on the role of technology in romantic relationships that are maintained over long distances,

¹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

² Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

³ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

and they have indicated that generally, couples positively view social networks and technology as they allow them to maintain their relationship. A good example would be Kirk Allie's research on undergraduate students who, at large, seemed to associate direct communication channels, such as Skype, with relational satisfaction [2. P. 4—6].

This is per Tsai and Tsai, who suggested that video conferencing makes face-to-face communication possible. In that way, it facilitates feelings of connectedness while at the same time effectively reducing the feeling of loneliness and the possibility of presenting signs of depression [3. P. 1538—1539]. This would explain why, even though long-distance communication has been possible through telephone calls and, later on, emails, it is now that further technological leaps have occurred that sustaining relationships over a long distance is a realistic option.

At the same time, technological evolution has proven to be highly significant for human relationships in times of crisis. The recent COVID-19 global crisis, which affected hundreds of countries around the world during 2020, confirmed that the use of technology in order to communicate with family members who are in poor health and therefore at possible risk of being visited in person may indeed be the answer as to how one can maintain interpersonal relationships when face-to-face communication is not a viable option. Even in cases of younger people or family members who were not at immediate risk but still preferred to stay safe by self-isolating, digital interactions became far more common. By surveying Italy during the March 2020 lockdown, psychologists found that the increased number of interactions was related to decreased feelings of anger/irritability and loneliness by increasing the sense of belongingness for many people [4. P. 2]. In this case, digital technologies are seen as having a substantially positive role in a particularly challenging situation for human relationships.

All of the above are most likely why adherents support the idea that social networks and technology positively impact our lives. Yet, at the same time, network sites are constantly accused of promoting isolation and relationships that are not “deep” or “honest”. Nancy Baym suggests the belief that digital relationships are inferior to those based on face-to-face interaction [5. P. 22, 24]. Thus, digitalized relationships are often blamed for a deterioration in morals, family values, and, most significantly, traditional modes of socializing. Sarvamangala supports this idea by explaining how, in the modern world, it is not uncommon to find people who feel more closely connected to their mobile phone devices than to actual humans [6. P. 2—3].

Indeed, teenagers and young adults raised during those immense technological leaps have often been accused of being overly focused on their digital lives and relationships and not committed enough to their physical surroundings and interactions. Valkenburg, Peter, and Schouten have indicated that teenagers often seem to have trouble communicating their thoughts and feelings as their social skills are underdeveloped and their self-esteem is affected; as a result, they show a tendency to prefer to relate to other people through social media [7. P. 589]. This

virtual environment, which feels foreign and strange to older generations, has become a safer space for younger ones, who feel more capable of interacting through it than in real-life social situations where communication is more direct.

The present-day reality would seem like a science-fiction movie scenario a couple of decades ago, but the truth is that the Internet has radically reshaped the world we live in. In an article published in 2011, Arnold Brown explored the possibilities of online dating, an industry that at the time was worth billions of dollars in the United States of America and is still thriving a decade later [8. P. 29—30]. These online dating services can range from the most basic ones that match people based on their online profiles and a list of their preferences and interests to sites that allow people to go on actual online dates where they can “meet” without actually meeting in person or leaving the safety of their own homes. This mode of interaction allows flexibility, ease, and, in most cases, anonymity. However, two of the most critical aspects of the appeal of online relationships are the lack of commitment and the awareness of a plethora of available options on the spot. Platforms that are used by millions of users create the illusion that one does not need to compromise in any way when it comes to a relationship—you can always abort the mission at any time and look for someone who is a much better fit for you.

Does the possibility of this new normal mean that human relationships could become exclusively virtual in the not-so-distant future, and mass digitalization leads to eliminating immediate interpersonal relations? The present situation would indicate that, albeit sounding like a movie scenario, it is entirely possible as we have the means to achieve it. The most important question, however, is, should we? Modern philosophy indicates that we should not.

Trying to find the Other in the modern world

In his book *Entre Nous (Essays on Thinking-of-the-Other)*, Emmanuel Levinas, working with Edmund Husserl’s and Martin Heidegger’s phenomenological method, tries to prove that philosophy does not rely on ontology [9. P. 6—8]. Instead, he proposes that ethics act as the power that orients philosophy. For him, ethics’ origin lies in face-to-face communication with other people. He suggests that when we interact with another human being, we view him or her not as a possible threat or a reflection of himself or herself; instead, we see him/her as something superior to the self. Levinas insists that it is impossible for a human being to be singled out and remain indifferent to the interactions between himself/herself and other human beings [9. P. 229]. He explains that the I cannot simply withdraw to itself and its solidarity [9. P. 229].

Levinas also addresses the excellence of the multiple, which he claims explicitly does not entail the degradation of the one. According to him, even in theology, a human being has not been created to exist on his/her own. A person needs someone to love and to be loved by and, in a way, a reason to exist [9. P. 20—21, 103]. For Levinas, the human being always seeks another human being to connect with and to be united. He admits that this idea resembles the idea

expressed by Plato in the Symposium in which Love is a demigod because of the separation he has experienced and the constant desire to be reunited with his other half [9. P. 113].

In *Sociality and Justice: Toward Social Phenomenology*, Maria Dimitrova also discusses the responsibility toward the Other as the primary human attitude. It is clarified that by “responsibility toward the Other,” the author does not speak of responsibility individually, from one person to the other. Rather, she is addressing responsibility on a level of totality [10. P. 11]. Dimitrova explains how the relationship between the I and the Other starts with a silent call from the Other [10. P. 12]. Therefore, as Levinas also pointed out, it is in our nature to seek the Other. The interaction is initiated with words but does not stop on the verbal level; it also occurs through deeds, as words motivate actions. However, it is through the conversation that we come to know the Other. Before interacting with him, we have certain expectations regarding his abilities, interests, and motivations; after engaging in a conversation with him, we actively learn things about him, and his expressions usually surprise us because the Other exceeds our expectations [9. P. 32]. Levinas characterizes our encounter with the Other as an encounter with infinity and true experience [9. P. 227].

Responsibility lies in the foundations of our relationship with the Other [9. P. 107]. Dimitrova reminds us of Levinas’ argument that I always have one more responsibility [10. P. 11]. Yet, she also indicates that in modern societies, we constantly feel that someone else has to assume the responsibilities around us [10. P. 104—105]. We know of starving people in third-world countries, children working for a few cents in sweatshops, or rainforests burning down every year. However, we always assume that those are issues that should be dealt with by the government or some institution. In any case, it is never we who have to do something. A lot of this denial to accept responsibility and act on it has to do with our proximity to the problem. If something is happening on the other side of the world, why should I care about it when I am safe and sound in a different part of the world? However, the notion of proximity is not entirely limited to location. It is also related to the “who” is being affected by the problem. Dimitrova suggests that we tend to believe that if someone else is suffering from something and we are not directly affected by it, we assume that this suffering is that person’s business and indeed not our own [10. P. 11—12]. This indifference is characteristic of modern societies and anonymous relations where we expect an anonymous force to fight the battles of others and often our own. However, it is directly opposite to the empathy we have viewed in Levinas’s theory. Levinas claimed that personal responsibility is something that no human being can escape because even if we ignore the Other completely, this is an answer that inevitably connects us to him [9. P. 57—58]. This approach to human relations would explain Levinas’ negation to accept that human relationships could cease to exist. For him, humans cannot stop searching and reaching for each other. While it is impossible for the I to ignore the awareness of itself and escape from the relationship it has itself, it is equally impossible to avoid the Other. The awareness of his existence is ever-present, and

so is the need to reach for him. Thus, the I and the Other are destined to engage in this primordial search of each other.

Dimitrova's reading of Levinas suggests that while the I constantly tries to establish contact with the Other, it can never reach him. Instead, all I can manage is to find the Third one, which, as she says, "is the Other but in the quality of an entity" [10. P. 124]. While the I and the Other have a direct connection and relationship between them, the Third one is not involved in it. In reality, the Third one acts as an observer watching everything from the outside without participating. Dimitrova explains that the position of the Third one can be assumed by anyone regardless of his/her identity, as long as they are not within the face-to-face relation between the I and the Other. Precisely because the Third one is not involved in this interaction, he/she is there, and he/she perceives what is taking place, judging, thinking, describing, and evaluating all the time. Dimitrova also suggests that the appearance of the Third, who is always lurking behind the Other, raises a crucial question regarding our feeling of responsibility [10. P. 141]. Upon its appearance, the I has to compare the Other and the Third one inevitably and with them the Fourth, the Fifth, the Sixth, and every Other that comes after them [10. P. 141]. The I has then to decide upon their priority, the relations between the others and itself with them. The primordial feeling of responsibility that Levinas suggested resides within humans urges us to care and be attentive towards the Other. Still, this inevitable comparison between the Other and the Third one and the decisions that must be made regarding the interpersonal relationships between them and requires the measuring and ranking based on the personal preferences of the I leads to a violation and an abandonment of the moral responsibility.

Levinas's theory of the I and its relationship to the Other, as well as Dimitrova's analysis regarding its implications, are applicable to our effort to understand the changes in human relationships given the mass digitalization in modern societies. While Levinas' book was written a few decades before this discussion could take place, it is easy to imagine his attitude toward the issue. Many people certainly see modern technologies and social networks as valuable tools to maintain relationships with family, friends, and loved ones when physical distance is involved. However, the keyword that should be stressed here is *existing*. The relationships we are talking about here pre-exist the use of technology as a means of communication between the people involved.

Moreover, the very use of modern technology, especially in the mode of video chatting, reveals that the participants who engage in the call desire to be close to one another, and it is due to external factors that they are not. Even the preferred mode of communication in long-distance relationships (Skype calls) reveals that human beings crave face-to-face communication because actual physical proximity is not possible for people to engage in maintaining digital relationships. Even in those cases, though, they prefer to see the person they are talking to instead of opting for another way of communicating, even though, at present, there is a plethora of them available to us.

All of the above do not apply in cases where a relationship is exclusively created in a digital environment without face-to-face communication. As we saw, Levinas stresses the importance of physical proximity in interpersonal relationships. He highlights that face-to-face interaction is essential to create a relationship between the I and the Other [9. P. 32]. A relationship created in a virtual environment lacks that physical contact even if interaction through video takes place at some point because it is not only the mere image of someone that facilitates the connection with him/her. All of the other non-verbal cues that enhance communication, like body language, are difficult to interpret during an interaction that takes place virtually. Moreover, essential aspects of human relationships, such as touch, are missing.

The mere existence of digital relationships is a case that supports Levinas' argument: it is truly impossible to eliminate human interaction because whatever happens, we always seek communication with other people. Whether we are aware of the existing gaps in our social lives or not, we try, in many cases, to cover those holes through modern technologies by creating illusions of human relations. Due to our inability to address the problem directly, many substitutes have been created that provide us with crutches upon which we can lean as we proceed with our lives. Nonetheless, the issue that Levinas proposed is still present. The I is constantly searching for the Other, but it fails to connect with it in the modern world. It does, however, connect with the Third and every other. This jeopardizes the relationship with the Other and, consequently, the sense of fulfillment the I and the Other gain from their relationship as both need the live, face-to-face meeting. Mass digitalization deprives us of our connection with the Other. It redirects us to forced contact with the Third because as we do not interact directly with the Other, we do not interact with the essence of it but an image or representation of him in our mind (the Third). This results in two things: the becomes alienated from the Other and mistakes the contact with the Third for real, honest interaction while it is not. At the same time, the Other is left on his own, forgotten.

As we mistake the Third, the impression of the Other, for the Other himself, we reduce human relationships to something superficial without any depth. Instead of embracing truth and ripping the benefits of our interaction with the Other, we get stuck in a loop of something that is just a mere illusion, and modern media enhance this illusion. By setting real, face-to-face interpersonal relations aside and favoring communication via modern technology, we choose to connect with the idea of the Other and not with the Other himself.

As Levinas claimed, it is truly in the nature of humans to seek the other. Even at a time of mass digitalization, when we know that a massive part of our digital life is nothing more than a façade, we still try to reach for the Other through whichever means we have. At the same time, though, as we know the truth about the digital world, convenient as it is at times, it has not entirely replaced our reality. I believe that Levinas is correct, and human beings always reach for other humans because it is in their nature to do so. Hence, while it could seem that humans are abandoning interpersonal relations in favor of genuine, face-to-face contact, I

believe this is not entirely true. Precisely because the need that Levinas described exists and makes itself apparent to humans through a sense of deprivation of human contact, people become aware that they are missing something and know what it is. Humans' overreliance on digital means of communication, especially social network platforms, is actually the result of that need. However, the more they rely on them for their interactions, the more ground they gain over physical encounters because the circumstances of digital communication are radically different. So, a seemingly endless circle begins where our inability to interact successfully with other people is explained by our constant use of digital means of communication, and we turn to them even more because we feel uncomfortable with face-to-face interactions because we have grown more comfortable with them. Still, ominous as this may sound, I believe that interpersonal human relations will never be entirely replaced by digital substitutes even when faced with such a seemingly unbeatable opponent.

References

- [1] Chambers D. *Social Media and Personal Relationships: Online Intimacies and Networked Friendship*. Macmillan Studies in Family and Intimate Life; 2013.
- [2] Kirk A. The effect of Newer Communication Technologies on Relationship Maintenance and Satisfaction in Long-Distance Dating Relationships. *Pepperdine Journal of Communication Research*. 2013;1(2):3—7.
- [3] Tsai HH, Tsai YF. Older nursing home residents' experiences with videoconferencing to communicate with family members. *Journal of Clinical Nursing*. 2010;19(11—12):1538—1543. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2010.03198>
- [4] Gabbiadini A, Baldissarri C, Durante F, Valtorta RR, De Rosa M, Gallucci M. Together Apart: The Mitigating Role of Digital Communication Technologies on Negative Affect During the COVID-19 Outbreak in Italy. *Frontiers in Psychology*. 2020;11. doi:<https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.554678>
- [5] Baym N. *Personal Connections in the Digital Age*. Polity Press; 2010.
- [6] Dr. Sharmista Dr Sarvamangala, editors. Effects of Social Media. *International Journal of Scientific Research and Education*. <https://doi.org/10.18535/ij sre/v4i06.5>
- [7] Valkenburg PM, Peter J, Schouten AP. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem. *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2006;9(5):584—590. <https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9.584>
- [8] Brown A. Relationships, Community, and Identity in the New Virtual Society. *The Futurist*. 2011;45(2):29—34.
- [9] Levinas E, Smith MB, Harshav B. *Entre Nous: Thinking-of-The-Other*. Continuum; 2006.
- [10] Dimitrova M. *Sociality and Justice: Toward Social Phenomenology*. Ibidem Press; 2016.

About the author:

Miliatzidou Alexandra Anastasia — PhD Candidate in Philosophy, Sofia University, Sofia, Bulgaria (e-mail: miliatzidou@hotmail.com). ORCID: 0009-0009-4281-513X

Сведения об авторе:

Милиациду Александра Анастасия — кандидат философских наук, Софийский университет, София, Болгария (e-mail: miliatzidou@hotmail.com). ORCID: 0009-0009-4281-513X

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-878-887>

EDN: SVNHWH

Research Article / Научная статья

“Common Denominator” in Solving Multi-Factory Problems by Intelligent Systems

Artem S. Adzhemov¹ , Alla B. Denisova²

¹Moscow Technical University of Communications and Informatics,
8a Aviamotornaya St., 111024, Moscow, Russian Federation

²National Research University MPEI,
14/1 Krasnokazarmennaya St., 111250, Moscow, Russian Federation

 asa@mtuci.ru

Abstract. The most important property, a distinctive feature of any intelligent system, is its decision-making ability. In this case, the more complex the problem to be solved, the more and more diverse the initial data, and the more critical it is that the decision to be made was comprehensively considered and evaluated. In many cases, simultaneously arriving various initial data, if considered separately, and decisions based on such consideration lead to completely different results, often contradicting each other. Therefore, in the process of development and implementation of artificial intelligence (AI), it is especially important to investigate the “mechanism” of decision-making in conditions of the inconsistency of incoming initial data and the need to establish some generalizing rule, according to which it is possible to find a harmonizing solution taking into account various influencing factors. It is evident that when establishing the rules of decision-making, it is necessary to strive for a “positive” result from the point of view of the problem being solved. This undoubtedly requires analyzing the consequences of the decision made in a set time scale, which can be provided by appropriate feedback that will allow us to make the necessary corrective actions. Artificial intelligence in modern forms of practical realization has, as a rule, a digital embodiment. It should be taken into account that the digital representation of data inevitably shows an inaccurate display of initial values when processes of a continuous nature are considered and analyzed. Since a digital model has certain limitations and characteristic properties when analyzing and processing initial data, it is logical to assume that for this reason, there can be some general approach, some general rule, according to which a decision is made in the conditions of diverse initial data and the need to take into account the relevant consequences after the decision is made. This paper attempts to find a decision-making mechanism, harmonizing it according to the incoming external and available internal input data.

Keywords: artificial intelligence, sensory perception, basic emotions

© Adzhemov A.S., Denisova A.B., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

The article was submitted on 20.08.2023

The article was accepted on 16.09.2023

For citation: Adzhemov AS, Denisova AB. “Common Denominator” in Solving Multi-Factory Problems by Intelligent Systems. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):878—887. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-878-887>

«Общий знаменатель» в решении многофакторных задач интеллектуальными системами

А.С. Аджемов¹, А.Б. Денисова²

¹Московский технический университет связи и информатики,
Российская Федерация, Москва, 111024, ул. Авиамоторная, д. 8а

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»
Российская Федерация, Москва, 111250, ул. Красноказарменная, д. 14, с. 1

asa@mtuci.ru

Аннотация. Важнейшим свойством, отличительной чертой любой интеллектуальной системы является ее способность принимать решения. При этом чем сложнее задачи, чем больше и разнообразнее исходные данные, тем важнее, чтобы принимаемое решение было всесторонне рассмотрено и оценено. Во многих случаях одновременно поступающие разнообразные исходные данные, если их рассматривать в отдельности и принимать на основе такого рассмотрения решения, приводят к совершенно различным результатам, часто противоречащим друг другу. Поэтому в процессе разработки и внедрения искусственного интеллекта (ИИ) особенно важно исследовать «механизм» принятия решения в условиях противоречивости поступающих исходных данных и необходимости установления некоего обобщающего правила, согласно которому можно найти гармонизирующее решение с учетом различных влияющих факторов. Совершенно очевидно, что, устанавливая правила принятия решения, необходимо стремиться к тому, чтобы оно имело «положительный» результат с точки зрения решаемой задачи. Это, несомненно, требует анализа последствий принимаемого решения в установленном масштабе времени, что может быть обеспечено за счет соответствующих обратных связей, которые позволят вносить необходимые корректирующие действия. Искусственный интеллект в современных формах практической реализации имеет, как правило, цифровое воплощение. Следует учитывать, что при цифровом представлении данных неизбежна погрешность отображения исходных значений, когда рассматриваются и анализируются процессы, имеющие непрерывную сущность. Поскольку цифровая модель обладает определенными ограничениями и характерными свойствами при анализе и обработке исходных данных, то логично предположить, что по этой причине может существовать некий общий подход, некое общее правило, согласно которому принимается решение в условиях разнообразных исходных данных и необходимости учета соответствующих последствий после принятия решения. В данном исследовании проведен поиск такого механизма принятия решения, гармонизирующего его согласно поступающим внешним и имеющимся внутренним исходным данным.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чувственное восприятие, базовые эмоции

История статьи:

Статья поступила 20.08.2023

Статья принята к публикации 16.09.2023

Для цитирования: Adzhemov A.S., Denisova A.B. “Common Denominator” in Solving Multi-Factory Problems by Intelligent Systems // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 878—887. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-878-887>

Introduction

In numerous literature sources, the definition of an intelligent system is based on the concept of artificial intelligence (AI), which in turn, having different editorial interpretations, is reduced to the fact that whether it is a program for a computer, some device or apparatus, the result of the work of which will be what a person is traditionally engaged in [1—3]. The question of artificial intelligence and its definition can have various, sometimes controversial, and debatable interpretations. At the same time, the fundamental concepts — *thinking*, *consciousness*, *intelligence* — do not have unambiguous definitions. At the same time, the sharply increased complexity of AI creates fundamentally new threats in the sphere of cybersecurity. The danger of unethical use of AI appears [4]. Concerns about the autonomy of artificial systems in a self-developing reflexive-active environment are growing, the consideration of the subjective factor in the creation and use of AI systems [5—7], the possibility of providing AI with justifications for its decisions in natural language [8] are becoming increasingly relevant.

In this paper, we will consider a narrower problem — how, in the conditions of diverse tasks and the availability of multiple and often contradictory initial data, AI can make certain decisions. It is not important whether these decisions are correct or not since the very concept of “correctness” requires a separate consideration and definition. What is of interest is the very mechanism of how a decision can be made, how a particular decision variant is chosen from possible alternatives. In this context, AI is of particular interest with the range of problems and tasks that *Homo Sapiens* has to solve.

Some Problems Solved by a Person and a Calculator

Consider examples of what a person faces daily and what problems he must solve. Quite a wide range of tasks, especially for adults with certain knowledge and life experience, are solved as if by themselves. Their solution is obvious and does not cause any difficulties. At the same time, problem-solving is a process occurring in time and culminating in some action. For instance, accidentally, having put his hand on a hot object, a person will instantly solve this problem and pull his hand away so as not to get burned, obeying the corresponding received signal.

Based on our common sense, the decisions made and the resulting actions are logical and correct. However, suppose that a result of a sharp and not very careful movement, trying to avoid burns, a person breaks an object worth 10 million rubles.

How can we now assess the correctness of the decision made as a result of which this happened?

The provided example shows that when making a decision, as a process is unfolding in time, it is only sometimes possible to take into account all the consequences of it. Therefore, the correctness of the decision can be assessed not only as the result of processing the set of initial data available at the moment but also as an assessment of the consequences of the decision. Artificial intelligence, which is formed based on some rules, including those that allow it to change and improve, should consider this fact and be able to predict. However, let us return to the problem of how the decision itself can be formed.

Suppose you ask any modern person what is more than one second of something whole, for example, of an apple or one-fifth of the same whole. In that case, the answer will be received immediately, and the person will look at you with astonishment with an expression: “What a strange question? It’s obvious!”. However, suppose a similar problem is formulated with other initial data, for example, what is greater than $245787/159393$ or $27010/17516$. In that case, the correct solution will require some time and, most likely, a simple AI called a calculator.

The solution of the calculator, as a representative of the simplest AI, will be obtained much faster than it will be done by a human unless, of course, we take into account the unique talents of notable people who have developed in themselves the ability of super-fast counting. Moreover, here, the calculator will still come out the winner.

The explanation of such a result in the competition between a human and the most straightforward AI is clear — the calculator solves one strictly formalized task and is incapable of anything else. Nevertheless, a human, or rather his biological intelligence (BI), must solve many other tasks besides arithmetic calculations. That is why BI is organized in a completely different way, considering the need to find solutions in conditions of the multifactor nature of solved tasks and often considerable uncertainty. Besides, in its physical embodiment, BI has certain peculiarities, and it is not just an arithmetic device solving strictly defined formalized tasks according to a given unchanging algorithm. BI can not only solve but also set itself a variety of tasks, as well as anticipate the consequences of this.

It is known that the large hemispheres of the human brain are functionally asymmetric. As a rule, the left hemisphere is an analog of a counting and analytical device. The right hemisphere provides the emotional and sensual perception of a person of a set of initial data coming from the external environment due to the available opportunities — to see, hear, smell, taste, and touch with the help of corresponding “peripheral devices” working according to specific protocols with the internal BI, as well as due to the “internal” work of the BI, based on the information resources accumulated earlier, as well as on the work carried out by the internal BI.

Besides the named five senses, which have been formed in a human being during a long historical period, in some publications, it is possible to meet the

indications of human intuition and also several other sensual sensations of a human being, e.g., on feelings of thermoception (feeling of heat), equibrioception (feeling of balance), nociception (feeling of pain) and others, including additionally feelings of hunger, thirst, danger, and others.

Depending on genetic features, as well as the influence of external factors, each person’s sense organs may be developed differently in the process of formation and subsequent changes in their work in combination with BI. As a result, some people will have the same sensual sensations. In contrast, others will have completely different sensations at the same initial data, which is realized in the emergence (formation) of corresponding emotions. A simple example — the same musical work will cause a rapturous emotional reaction in one person and boredom in another.

Many works are devoted to research on feelings and emerging human emotions. Paul Ekman, for instance, singles out seven basic emotions [9], Carroll Izard — ten [10]. Table 1 shows a comparison of known classifications.

Table 1. Basic emotions

Robert Plutchik (1927–2006)	Paul Ekman (1934–present)	Carroll Izard (1923–2017)	Silvan Tomkins (1911–1991)
Joy	Joy	Enjoyment	Enjoyment-joy
Trust			
Anticipation		Interest	Interest-excitement
Surprise	Surprise	Surprise	Surprise-startle
Disgust	Grossness	Disgust	Disgust
Sadness	Sadness	Sadness	Sadness
Fear	Fear	Fear	Fear-terror
Anger	Wrath	Anger	Anger
	Disdain	Disdain	Disdain
		Remorse	
		Shame / shyness	Shame-humiliation
			Guilt

One can also find a more extensive list listing dozens of gradations of one basic emotion, both conditionally positive and negative (ref., e.g., Table 2). There are studies on the influence of various emotions on human health [11] etc.

The strength of emotion manifestation is influenced by temperament, which, according to most psychologists, is innate (Table 3). Since temperament, differences are formed that influence BI’s decision to choose one or another variant of behavior in a given situation.

Why is one person shy, afraid of appearing impolite, incompetent in some way, and maybe even ridiculous in the company of his good acquaintances, and another person, regardless of the people around him, both acquaintances and strangers, behaves in a completely different way? However, he may be incompetent and rude compared to the first one. Analyzing this distinction, a researcher cannot help but wonder how to take into account the multitude of such diverse influencing factors to determine how a BI, in all this diversity, makes certain decisions.

Table 2. Table of emotions

Joy		Sadness		Anger		Fear	
	Pleasure Vigor Revitalization Satisfaction Calm		Sadness Sadness Loneliness Bitterness		Dissatisfaction Irritation Annoyance Agitation		Confusion Indecision Uncertainty
	Fun Joy Excitement Cheerfulness Admiration		Despondency Spleen Sadness Suffering Helplessness		Anger Anger Hostility Aggression		Fear Stiffness Fear Anxiety Anxiety
	Jubilation Delight Triumph Ecstasy		Depression Depression Hopelessness Grief Despair		Fury Rage Hatred Anger		Panic Terror Numbness Nightmare

Table 3

Features	Temperament			
	Choleric	Sanguine	Phlegmatic	Melancholic
Poise	Bad	Good	Very good	Very bad
Mood	Unstable	Sustained	Sustained	Unstable
Emotions	Strong, short-lived	Weak, short-lived	Weak, prolonged	Strong, prolonged
Speech	Loud, uneven	Loud, smooth	Quiet, smooth	Quiet, uneven
Patience	Low	Moderate	High	Low
Adaptation	Good	Excellent	Slow	Bad
Contactability	High	Moderate	Low	Low
Attitudeto criticism	Aggressive	Calm	Indifferent	Offensive
Attitude towards new things	Positive	Indifferent	Negative	Uncertain
Behavior in difficult situations	Uncalculated	Calculating	Cold-blooded	Confused
Self-esteem	Significantly overestimated	Somewhat overestimated	Real	Underestimated
Exposure to influence	Moderate	Weak	Weak	High

How Certain Decisions Are Made

Let us identify the general rules of decision-making on the part of the BI to find answers to why, e.g., experiencing seemingly intolerable suffering, a captive does not betray his comrades. Why does an airplane pilot sacrifice himself, crash into an enemy column, etc?

Before formulating a hypothesis of how this can happen, let us pay attention to the peculiarities of expressions contained in a number, and maybe in all languages of human communication (at least in the languages known to the authors — English, French, and German). What expressions can mean: “I terribly

love,” “I like terribly,” “I apologize wildly,” “I am terribly happy,” etc. Understanding the individual meanings of the words *scary*, *terrible*, *wild*, and *creepy*, it seems illogical to use them in combination with the words *love*, *like*, *apologies*, and *happy*. Nevertheless, we say so and assume it is natural.

The explanation, apparently, may be that it is a particular form of strengthening one’s emotional reaction. Therefore, the words *scary*, *horrible*, *wild*, and *creepy*, besides their direct meaning, are the highest form of emotional evaluation. That is, it turns out that the scarier it is, the brighter and more vital it is, and so it can serve as the primary motivation for making an appropriate decision. Consequently, it is logical to assume that the decision is made depending on what is scarier. Fear becomes the common denominator we need to compare different alternatives, as in the above example of suitable fractions. A prisoner of war, while undergoing torture, does not betray his comrades because he is afraid of becoming a traitor, and that is scarier than his imminent death. So is a pilot who directs his airplane to ram enemy equipment. It is emotionally scarier for him not to fulfill a combat mission than to die.

There are many examples of such behavior when the decision leads to death, which is determined by what is scarier. Romeo and Juliet were afraid of losing each other, and they chose to go into the next world together. At the same time, of course, the concept of fear should be understood in an extended interpretation as some common denominator for comparison and making an appropriate decision.

There are a lot of examples, in reality, surrounding us on how to make a necessary decision. Appropriate information flows are directed at a person, emotionally intimidating him. The method of carrot and stick in its extended interpretation is applied everywhere. The figures of speech mentioned above (“I like terribly,” etc.), although Charles de Talleyrand’s aphorism “Language was given to a man to conceal his thoughts” is well-known, still prove that when making a decision, it is very likely that generalized fear is the common denominator that allows to make a comparison and develop an appropriate decision.

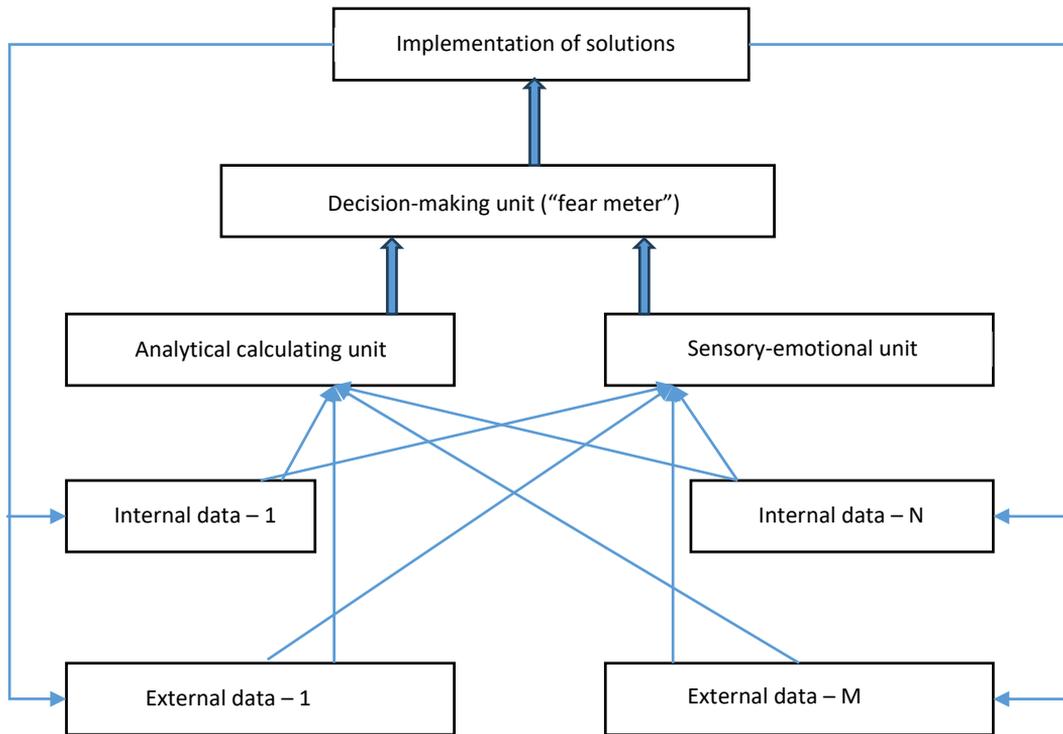
Let us represent the actions of BI in the form of the following flowchart (Figure) and use technical terms to designate individual blocks, thus emphasizing that similar blocks should contain AI.

BI works with internal and external data, which appear both due to a person’s sensory capabilities (vision, hearing, etc.) and as a result of internal conscious, analytical activity. N internal data sources and M external data sources are indicated on the flowchart. Note that, moving on to a discussion of what an AI might have as input data, these lists, compared to BI, may differ.

The internal and external data are fed into a counting and analytical device and a sensory-emotional device, which in BI is realized through the available brain hemispheres. The results of the work of these devices come to the decision-making unit, where a decision is made based on comparison using the principle of “common denominator,” i.e., it is necessary to do what is more terrible.

According to the decision made, appropriate commands are formed for its fulfillment. For instance, to drop everything and run away, to bow politely and

shake hands, to order a pizza, to start doing physics homework, and so on. Realizable decisions are linked by feedback to blocks of internal and external data, which again becomes the initial data for subsequent decisions and their implementation. It is this feedback that can serve as the source of data necessary for predicting and evaluating the consequences of decisions.

BI Flowchart

Considering human behavior, management of a team, company, or even a state, one can everywhere meet the principle of “common denominator,” which is fear. In this case, the term *fear* should be understood as a generalized concept, although in its direct meaning, it is also present as a special case, one of the types of fears. There are many fears: fear for one’s life, of the new, of loneliness, of responsibility, of the dark, water, heights, beetles, spiders, mice, cockroaches, fear of the future, of losing a job, being late for a train, fear of the boss, of coming to power of this or that politician, and many others.

Each personality’s formation is formed based on genetic features, upbringing, and accumulated experience, and certain fear amplifiers are obtained based on counting-analytical and sensual-emotional activity. At that, one personality may have a lot of such lines, and another personality may have few, e.g., desires only to eat, drink, and sleep. Then, fears can influence only these lines. It is possible to characterize such personality as primitive and, at the same time, to understand that influence on it can be rendered only on these actual lines. Everything else is of little importance and will not work. Personalities with a more extensive range of fears,

on the other hand, make decisions from a much wider range of influencing factors. These people can be expected to demonstrate decisions when disregarding the fear of death, apparently one of the most “powerful” fears for obvious reasons. They perform heroic deeds in the name of more significant and higher goals.

Conclusion

The proposed decision-making model is an attempt to indicate an approach to the development of a general principle based on a set of initial data, often contradicting each other, taking into account not only their importance at a given time but also the available experience and the ability to predict the consequences, since all these processes unfold in time.

This model can be useful in the development of AI and in analyzing the behavior of real-life individuals, as well as collectives of people.

Of course, it is much easier to manage a primitive personality by forming a limited circle of influence along the lines of influence. However, this is the reason for degradation, as the mentioned limited BI does not favor the emergence of new ideas, new developments, or creative solutions. Therefore, the rigid command and control system should have limited application.

The proposed model allows us to develop reasonable methods of forming a personality that will be afraid of being uneducated, rude, deceitful, etc., which will eventually develop creativity, non-standardization, and creativity of solutions without harsh coercion and compulsion.

References

- [1] Timofeev AV. Essence and problems of artificial intelligence in the context of modern scientific and philosophical conceptions. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences*. 2020;(2):127—133. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-127-133>
- [2] Ioseliani AD, Tskhadadze NV. Artificial intelligence: socio-philosophical comprehension. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. 2019;(2):196—202. (In Russian).
- [3] Zabezhailo MI, Borisov VV. On the interpretation of the concept of "artificial intelligence". *Speech Technologies*. 2022;(1):5—18. (In Russian).
- [4] Abramova AV. *Ethics in the field of artificial intelligence - from discussion to scientific justification and practical application: an analytical report*. Moscow: MGIMO-University; 2021. (In Russian).
- [5] Raykov AN. Subjectivity of explainable artificial intelligence. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2022;65(1):72—90. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90>
- [6] Dubrovsky DI. The Task of the Creation of Artificial General Intelligence and the Problem of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(1):13—44. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44>
- [7] Lepskiy VE. Artificial Intelligence in Subject-Oriented Control Paradigms. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(1):88—101. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101>
- [8] Heaven WD. *Why asking an AI to explain itself can make things worse*. MIT Technology Review. Available from: <https://www.technologyreview.com/2020/01/29/304857/why-asking-an-ai-to-explain-itself-can-make-things-worse/> (accessed: 03.08.2023).

- [9] Ekman P. *Psychology of emotions*. Peter; 2019. (In Russian).
- [10] Izard Carroll E. *Psychology of emotions*. Peter; 2006. (In Russian).
- [11] Ermakova AA, Tumasyan TA. The influence of negative emotions on the human body. *Vestnik nauki*. 2019;3(12):9—11. (In Russian).

Список литературы

- [1] Тимофеев А.В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 127—133. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-127-133>
- [2] Иоселиани А.Д., Цхададзе Н.В. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 196—202.
- [3] Забежайло М.И., Борисов В.В. Об интерпретациях понятия «искусственный интеллект» // Речевые технологии. 2022. № 1. С. 5—18.
- [4] Абрамова А.В. Этика в области искусственного интеллекта — от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад. Москва : МГИМО-Университет, 2021.
- [5] Райков А.Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 72—90. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90>
- [6] Дубровский Д.И. Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 13—44. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44>
- [7] Лепский В.Е. Искусственный интеллект в субъектных парадигмах управления // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 88—101. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44>
- [8] Heaven W.D. Why asking an AI to explain itself can make things worse // MIT Technology Review. Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/2020/01/29/304857/why-asking-an-ai-to-explain-itself-can-make-things-worse/> (дата обращения: 03.08.2023).
- [9] Экман П. Психология эмоций. Питер, 2019.
- [10] Изард Кэррол Э. Психология эмоций. Питер, 2006.
- [11] Ермакова А.А., Тумасян Т.А. Влияние негативных эмоций на организм человека // Вестник науки. 2019. Т. 3. № 12. С. 9—11.

About the authors:

Adzhemov Artem S. — Dr. Sciences, Professor, President-Chairman of the Board of Trustees of MTUCI; Head of Department of General Theory of Communications, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia (e-mail: asa@mtuci.ru). ORCID: 0000-0002-1616-323X

Denisova Alla B. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Sociology, National Research University “МФЭИ”, Moscow, Russia (e-mail: den-alla@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-4934-5267

Сведения об авторах:

Аджемов Артем Сергеевич — доктор тех. наук, профессор, президент-председатель попечительского совета МТУСИ; зав. кафедрой общей теории связи, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия (e-mail: asa@mtuci.ru). ORCID: 0000-0002-1616-323X

Денисова Алла Борисовна — канд. филос. наук, доцент, доцент, кафедра философии, психологии и социологии, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия (e-mail: den-alla@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-4934-5267

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-888-900>

EDN: SZGRLD

Research Article / Научная статья

Human and Non-Human Consciousness: Do They Share Common Characteristics?

Evangelos Koumparoudis

Sofia University,

115 Tsar Osvoboditel Blvd., Sofia, 1504, Bulgaria

 vkoumparoudis@phls.uni-sofia.bg

Abstract. This study examines the possible common characteristics between human and non-human consciousness. It mainly addresses animal consciousness and, to a certain extent, intelligent AI. It provides an overview of the main theories regarding consciousness, more specifically those of neuroscience and cognitive science, and also their materialistic base at a neuroanatomical and neurophysiological level, emphasizing the role the prefrontal cortex plays, both in humans and animals. Then, it considers particular aspects of consciousness, such as emotion, and presents the three broad traditions considering human emotions, which are emotions as feelings, evaluations, and judgments, as well as studies on animal emotions. Then, it continues with the proposed models of metacognition and memory to deepen the analysis regarding common characteristics of human and non-human consciousness. It also touches on the platform theory, which may bridge human, animal, and AI consciousness, although this theory is under consideration. It ends with references to animals' social behavior, their interactions with humans, their possible ontogenic proximity as expressed in biolinguistics, and the findings of computational ethology, which help to establish models of mental human disorders. The study concludes that findings support proximities between humans and animals, consciousness at the level of neurophysiology, and emotion and metacognition. Contrary to animals and AI, human consciousness is more complicated and far from cybernetic and computational models since it is linked with various kinds of malleability, reconsolidation, neural plasticity, different conceptions of emotions, and certain mental pathologies.

Keywords: neuroscience, emotion, metacognition, memory, platform theory, biolinguistics, computational ethology

Article history:

The article was submitted on 29.08.2023

The article was accepted on 20.09.2023

For citation: Koumparoudis E. Human and Non-Human Consciousness: Do They Share Common Characteristics? *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):888—900. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-888-900>

© Koumparoudis E., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Человеческое и нечеловеческое сознание: имеют ли они общие характеристики?

Евангелос Кумпарудис

Софийский университет,
Болгария, София, 1504, б-р Царя Освободителя, д. 115
 vkoumparoudis@phls.uni-sofia.bg

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются возможные общие характеристики человеческого и нечеловеческого сознания. В основном статья направлена на анализ сознания животных и, в определенной степени, разумного искусственного интеллекта (ИИ). Представлен обзор основных теорий, касающихся сознания, в частности теорий нейробиологии и когнитивной науки, а также их материалистической основы на нейроанатомическом и нейрофизиологическом уровне, подчеркивается роль, которую играет префронтальная кора как у людей, так и у животных. Затем рассматриваются отдельные аспекты сознания, такие, в частности, как эмоции, и представлены три широкие традиции, анализирующие человеческие эмоции, а именно такие, как чувства, оценки и суждения, а также исследующие эмоции животных. Затем предложенные модели метапознания и памяти используются для углубления анализа общих характеристик человеческого и нечеловеческого сознания. Это также затрагивает теорию платформ, которая имеет возможность соединить сознание человека, животного и искусственного интеллекта. Хотя эта теория находится еще в стадии обсуждения. Исследование заканчивается ссылками на социальное поведение животных, их взаимодействие с людьми, их возможную онтогенетическую близость, выраженную в биолингвистике, а также на открытия компьютерной этологии, которые помогают создавать модели психических расстройств человека. Результаты исследования подтверждают близость между людьми и животными, их сознания на уровне нейрофизиологии, эмоций и метапознания. Однако, в отличие от животных и искусственного интеллекта, человеческое сознание более сложное и далекое от кибернетических и вычислительных моделей, поскольку оно связано с различными видами податливости, реконсолидации, нейронной пластичности, с различными концепциями эмоций и некоторыми психическими патологиями.

Ключевые слова: нейронаука, эмоции, метапознание, память, теория платформ, биолингвистика, вычислительная этология

История статьи:

Статья поступила 29.08.2023

Статья принята к публикации 20.09.2023

Для цитирования: Koumparoudis E. Human and Non-Human Consciousness: Do They Share Common Characteristics? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 888—900. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-888-900>

Introduction

In this paper, my main goal is to present the possible common characteristics of human and non-human consciousness, mainly focused on animal consciousness. However, some brief mention of AI will be incorporated as parallel to the structure. I will start with the various types of consciousness as proposed by philosophers and

cognitive scientists to better conceive what consciousness, in general, is and what differentiates human and animal consciousness. Then, I will consider the neuroanatomy and neurophysiology of consciousness to establish the materialistic basis of the phenomenon. After that, I will address in greater detail certain aspects such as emotion, metacognition, and memory. I will thereby address the question as to whether animals share common characteristics with humans as regards cognition and if this could be a basis for the understanding of their particular traits.

Additionally, I will present a theory under consideration, the so-called digital platform theory, which tries to bridge human, animal, and AI consciousnesses. Finally, I will proceed to a more concrete basis concerning recent findings in animal social behavior and interaction with humans, their possible ontogenic proximity and the impact of those findings on biolinguistics and the theory of evolution. Lastly, I will refer to computational ethology and how, by examining complex, high-dimensional behaviors generated in animals, we can construct models of humans, mainly of their psychiatric disorders.

Types of Consciousness

Consciousness has had diverse meanings through the years. Aristotle, for example, believed that the center of the soul is the heart; therefore, the center of human reason of the *zoon logon exon* (animal with Reason) could be found somewhere in the chest. Many years later, Rene Descartes placed the soul in the pineal gland; therefore, the center of human reason was now our brain. This assumption created the mind-body problem, Cartesian interactionism, the interplay between our *res extensa* and *res existensa*. These today may seem antiquated, although they are essential in the establishment of the Western philosophical canon. Consciousness ordinarily means not being asleep or in a coma and, more profoundly, perceiving the characteristics of an environment [1; 2]. Ned Block, in 1995 [3], introduced the notion of access consciousness. This is connected with the capacity to action or speech as interpretations of mental representations. Animals, according to this point of view, may have consciousness since language is not a prerequisite, but from another point of view, this capacity of animals is different from function consciousness and from a qualitative and phenomenal feeling of what situations “are like,” which Thomas Nagel and David Chalmers describe in their *What Is It Like to be a Bat* [4] and *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* [5].

Phenomenal consciousness is deeply connected with the subjective experience a human may have. It remains a question of whether an animal has phenomenal consciousness, and, as regards AI, this is one of the mysteries in the era of intelligent AI. AI was started as a project in 1956 by Marvin Minsky, Claude Shannon, Ray Solomonoff, Nathaniel Rochester, John McCarthy, and others, who were the pioneers in the establishment of proto-AI theory [6]. Before them, Alan Turing introduced the terms binded and double-bindend Turing machine to describe the first forms of computers and, of course, the Turing Test to differentiate human and non-

human (computer) bits of intelligence. Many years later, Searle proposed the Chinese Room Test and made some propositions about AI as to whether it is superior or inferior to a computer. In brief, the criterion of superiority is the phenomenal consciousness. It refers to the qualitative, subjective, or phenomenological aspects of conscious experience, sometimes identified with qualia (experiences such as colors, tastes, noises, and other sensations) with their distinctive character [7]. Another main philosophical and technological achievement was the introduction of the notion of computational neuroscience in the late 1980s by Patricia Churchland, Christof Koch, and Terrence J. Sejnowski [8] and the creation of the first neuronal networks in computer science, today known as RNR (Recurrent Neuronal Networks), which are used in machine and deep learning processes. Today, though we may face some severe ethical and ontological dilemmas regarding AI, it should not scare us, for these technologies, even if they may have a very advanced form and capacities, have been developed over time. Cofrey and Smith [9] insist on this subjective experience, which only humans have, but unquestionably not animals or AI in a broader view.

As regards animal consciousness, what is it? Are animals conscious, and, as a result, should particular ethical theories and legislation be implemented, as well as strict rules regarding their well-being and welfare? The term sentience comes from the Latin *senti-em*, which is to feel, to be conscious of something. According to many authors, animals feel pain, suffering, and enjoyment [10—12]. In 2012, a Declaration of Consciousness was made in Cambridge, according to which all animals — mammals, birds, fish, octopuses, and cephalopods — have consciousness. At the European level, there were the first discussions for a new ethical and legal framework in 2014 in France, 2019 in the EU, and 2022 in the UK. Today, all of the EU state members, as well as the UK, define animals as living beings with sentience. We now proceed to two other theories of consciousness: higher-order thought theory and self-consciousness. According to the first, animals do not have consciousness since a conscious state is a state whose subject is, in some way, aware of being in it [13]. The second, as introduced by DeGrazia [11], distinguishes three forms of self-awareness: bodily, introspective, and social, and he argues that some animals may be self-aware in the bodily sense but not introspectively or socially; subsequently, they may have consciousness.

Neuroanatomy and Neurophysiology

Consciousness has a material base beyond its anthropological and historical context. For example, the understanding of everyday practices and cooperation between the members of a team or the understanding of history are indeed not strictly limited to the brain. On the other hand, many neuroanatomical and neurophysiological models have been proposed to grasp the phenomenon of consciousness; I will briefly refer to some of them. According to Endelman and Tononi [14], the parts of the brain that play an essential role in consciousness are the thalamocortical system and, more precisely, the prefrontal cingulate and parietal

cortices. Later, Nir and Tononi, Tononi, and Koch [15; 16] emphasized the function of connectivity in the cortical system and established a theory of information integration. A model that is close to theirs is that of Dehaene and Changeux [17], who propose that the phenomenon of consciousness is based on a global neuronal workspace, which is a group of cortical pyramidal neurons with an excitatory function with long-range cross-cortical axons. However, are there homologies between humans and animals? Researchers such as Baars [18] insist that the thalamocortical system is central to mammals, and similar functions can be found in EEG, NREM, and REM sleep.

Emotion

The definition of human emotions is epistemologically complicated. In order to proceed to a definition and modeling from the spectrum of philosophy of medicine and biology, we should follow a prescriptive definition far from generalizations. Three broad traditions try to define human emotions: those of evaluation, motivation, and feeling [19]. In order to clarify better the three traditions, I will analyze each category separately; before that, I will refer to two historical models of human emotions as possibly based on human-animal relations. The first is that of Charles Darwin, in his *The Expression of the Emotions in Man and Animals* [20], who gives us an evolutionist account of emotions. For him, human emotions are homologs to those of animals, and the basic emotions are anger, fear, surprise, and sadness, which are common among species and cultures. The second is the James-Lange theory, introduced around the late 1890s, which conceives emotions as feelings. According to it, emotions are feelings constituted by perceiving physiological changes; they are not eternal sacred psychic entities. These changes in physiological conditions are linked with autonomic and motor functions [21. P. 449; 22. P. 189–190]. The proposed model is summarized as **Stimulus → Autonomic Arousal → Conscious Feeling**. Cannon and Bard, in the 1920s [23], established a theory of emotions as feelings different than that of James and Lange. For them, if emotions are the perception of bodily changes, entirely dependent on intact sensory and motor cortices, they also revealed that removing the cortex does not eliminate emotions. They also explored the effects of brain lesions on the emotional behavior of cats, more precisely the sham rage, which is linked with sudden inappropriate, ill-directed anger attacks. Animal emotions are human homologs; the introductory part of the brain responsible for emotions is the hypothalamus, and the model consists of **Stimulus → Hypothalamus → Conscious Feeling + Autonomic Arousal**.

In the 1960s, CD Broad, Errol Bedford, Antony Kenny, and, more recently, Robert Salomon, Jerome Neu, and Martha Nussbaum proposed that emotions are evaluations or judgments. According to Kenny [24], “If emotions have intentionality ... there are internal standards of appropriateness of an emotion ... just in case its formal object is instantiated ... But feelings **are not the kinds of things** that can enter **conceptual relations with formal objects**. So, to be properly

embedded in conceptual relations, emotions need to be or involve **cognitive evaluation**". Judgementalism is based on the model of: **Is that an emotion *E* is a judgment that the formal object of *E* is instantiated (by some particular object *X*)**. Deigh [25] attacks judgmentalists, accusing them of a lack of motivation; he insists on a phenomenological approach and explores the emotions of animals and infants. Solomon [26. P. 105—106] responds to him by claiming that emotions have a core desire that makes them motivational (e.g., fear encloses the core desire to flee). Finally, Nussbaum [27. P. 45] supports animals and infants being phenomenologically salient since they involve pre-linguistic and non-linguistic acceptance of how the world seems. Additionally, some theories assert that emotions are motivations connected with appraisal and affective science; in short, they describe how significant a situation is for an individual. Arnold, in the 1960s, spoke about eliciting circumstances, good/bad, present/absent, and easy to attain/avoid [28]. Lazarus 1991 writes about six possible categories of appraisal: a) goal relevance, b) goal concurrence, c) type of ego-involvement, d) blame or credit, e) coping potential, and f) future potential. Scherer et al. [29] distinguished between sixteen dimensions of appraisal, labeled stimulus evaluation checks (SECs), which can be grouped into four classes: appraisals of relevance, appraisals of consequences, appraisals of coping potential, and appraisals of normative significance. The model, in short, is **Stimulus → Autonomic Arousal → Appraisal → Conscious Feeling**. Motivational theories are phenomenological and non-phenomenological. For Deonna and Teroni [30], emotions are feelings of action-readiness; an experience of the dog is dangerous insofar as it is "an experience of one's body being prepared" for avoidance. Contrary to them, Scarantino [31] argues that emotions are causes of states of action readiness, which may or may not be felt, and a general direction for behavior by selectively potentiating coherent behavioral options.

Two more proposed models of human emotions account for the intermediation of the whole body or at least try to reject Cartesian interactionism and the mind-body split or presuppose a high level of brain-body cooperation. The first is a single-system model, such as that of Cannon and Bard, proposed by Antonio Damasio, who criticized Rene Descartes' famous *cogito ergo Sum*. For Damasio, we are more emotional beings with reason than reasonable emotions. After the conduction of various fMRIs, he proposed a model that places the prefrontal cortex as central to emotion regulation. There is a somatic marker hypothesis in which there are physiological reactions like shifts in the autonomic nervous system activity that tag previous emotionally significant events. These feelings are important in decision-making.

Furthermore, there is an as-if loop through which the brain areas that evaluate a stimulus (the amygdala and the prefrontal cortices) can directly signal the somatosensory cortices instead of triggering bodily activity [32]. Contrary to Damasio, Terry Davinson et al. [33] propose a dual-system approach, the so-called valence asymmetry model. The prefrontal cortex has two systems, one of approach

and one of withdrawal. The first is responsible for facilitating appetite behavior and generating particular types of positive affect that are approach-related, emotion moving towards a desired goal. In contrast, the second facilitates the withdrawal of an organism from sources of aversive stimulation and/or organizes appropriate responses to threat cues. This system also generates withdrawal-related negative emotions such as disgust and fear.

To conclude, there is no universal definition but three broad traditions: emotions as feelings, as evaluations/judgments, and as motivation. There are conflicting theories, such as Cannon-Bard, James-Lange, Deigh, and those of judgmentalists. Finally, concerning modeling, there are single-system and dual-system, e.g., Cannon-Bard and Damasio and Davinson.

Experiments have been performed in sheep and rats that reveal a specific background for animal emotions. Sheep not only have emotion-related responses, which could be considered depending on stimulus-response processes, but they also experience complex emotional states. Furthermore, they may experience a wide range of emotions, including fear, rage, despair, and boredom, via their sensitivity to suddenness, unfamiliarity, unpredictability, and discrepancy from expectations, controllability, and social norms [34]. Finally, rats suggest that the anticipatory behavior of an animal to a positive event is linked with positive emotional states [35].

Metacognition, Memory, and Platform Theory

One of the other equally important issues of animal consciousness is whether they have metacognition. Experiments have been performed in dolphins and monkeys whose evidence is supportive, but other experiments show various criticisms of animal metacognition. For dolphins, we classify low and high-frequency tones — similar to humans through a paddle [36], and for monkeys, there is a classification of visual stimulus and memorization [37]. Criticism comes from the hide-and-seek play of baboons, as the repeat key used in the experiment did not improve their performance. Consequently, they could not use any extra information in performing their task. This capacity has not been confirmed in other animal species. [38; 39]. Additionally, Hampton [40] proposes that during animal training, we do not necessarily have high-level metacognitive processes.

Concerning how human memory works, we refer to Hebb and his idea of “neuronal assembly,” in which the trace is presented as the increase of connective strength between populations of interconnected neurons and parallel cell co-activation. According to the positivist accounts of the 1940s, the term *memory* was replaced by the term *learning*; the cybernetic theory of that age appealed more to the way information is transmitted between humans (and animals). Atkinson and Shiffrin proposed the “modal model” in which we find terms such as sensory memory (SM), short-term memory (STM), and long-term memory (LTM); the last, seen as autobiographical memory, is closer to the “trace.” In 1997, Nadel and Moscovitch gave us the “multiple trace theory”; they highlight that the episodic character of

memory trace is placed in the linked ensembles of the hippocampal complex. The existence of the trace depends on semantic assemblies at the time of trace reactivation. In recent years, we have the emergence and broadening of this model in the so-called “reconsolidation hypothesis,” which suggests the malleability of the trace. It emphasizes the plasticity of the human brain and, thus, the approach of the trace as not overdetermined by its inscription, giving rise to a subject who acts in an autopoietic way by creating new traces from the inaugural traces. Finally, as for phenomenological approaches, the debate within this perspective revolves around Merleau-Ponty and his considerations on the subject, who always participates in the act of perceiving. The perceptual object is a product of the encounter with the world. This led many scientists to explore brain function during information assimilation experimentally. They found that the energy consumption of the brain is only 5% when perceiving. The other 95% is linked with the so-called “default mode of the brain,” or the amount of the information that the retina can handle, and, therefore, the brain ascribes a certain coherence to the information we perceive so this coherence can be linked with perceptual traces. In phenomenology, there are the “bottom-up” and “top-down” theories. In the first, the trace is seen as an impression that remains in the mind; in the second, previously inscribed traces shape our perception [41].

Animals, for some researchers, do not have episodic memory. Therefore, they are incapable of mental time travel; they are stuck in the present [42]. According to others, various breeding and mating behaviors may reveal a time travel [43; 44]. The debate concerns whether they can make future projections and whether future projections exist in infants and other non-verbal humans [45]. The latter is the central debate of the platform theory that we will briefly address. The platform theory, although it is new and under much consideration, may propose a bridge between human and non-human consciousness, even AI.

In the platform theory proposed by Zlomuzica and Dere [46], the phenomenon of consciousness is connected with an effortful action; therefore, we do not have consciousness when we, for example, drive a car. The model requires a confident presence of alert and responsive waking; conscious cognitive operations require the preservation of mental representations, so this theory is close to the representational theory of mind. The consciousness starts and ends with this kind of conscious cognitive operation. Animals do not have that capacity and are incapable of future time travel. Experiences, sensations, and mental time travel may be the content of consciousness but are not the consciousness itself. Rather than searching for human-like consciousness in animals, they suggest a series of behavioral tasks (the main experiments were done with rats in mazes of a certain complexity) to demonstrate conscious cognitive operations in animals. The definition of consciousness should apply to humans, animals, and artificial intelligence.

Social Behavior, Interaction, and Computational Ethology

Social behavior in animals is expressed in the formation of teams. Here, it is important to distinguish between automation and integration. Simply, it is different

for a part of an animal team to be a simple automaton following the other team members than to be conscious and cooperate in an integrated form. Additionally, it is important to have individual recognition and not solely be a part of a total [47; 48]. As for their interactions with humans, we tend to attribute human-like emotions and characteristics to our pets, especially dogs. For example, my dog is sad, or my dog is clever like a human, etc. [49]. Another model is that of symbiotic exchanges, for example, infant and mother; this exchange may have a positive or negative impact on the relationship [50]. Nagasawa et al. (2015) [51] revealed that the hormone oxytocin is produced when we have an intimate relationship with a dog. Finally, there may be an ontogenic proximity between humans, animals, and birds. The FOXP2 gene is common between species and is responsible for verbal capacity. According to the domain of biolinguistics, this verbal capacity may be common so that we could shape an integration hypothesis of a common ontogenic verbal proximity. Today, we know that the gene mutation in humans is connected with developmental verbal dyspraxia and childhood apraxia of speech [52; 53]. A different pathway is continuity and discontinuity theories; during evolution, humans co-evolved with animals, or they followed a different evolution separately from animals.

Recent findings in the domain of computational ethology try to establish bridges between human and animal behavior. Experiments use AI technologies, advanced video recording and monitoring, and VR technologies. They deal with how complex high-dimensional behaviors are generated by neural systems, temporal dynamics, and neural activity. They then proceed to quantifying free naturalistic movements of decision-making in complex naturalistic scenarios [54]. This modeling leads to possible explanations of human, mainly mental, disorders. For example, thigmotaxis in animals is a defensive animal measure of anxiety where they stay close to walls rather than maneuver in open spaces, which is possibly connected with social phobia and autism in humans [55]. Furthermore, transdiagnostic models of psychiatric disorders, which deal with dysfunction in learning and decision-making, have also been explored [56]. Finally, research domain criteria lead to frameworks of mental disease classification [57] and the development of new drugs [58].

Conclusions

Human consciousness has been analyzed thoroughly through the years concerning its anthropological and philosophical dimensions and neuroscientific and developmental aspects. In animals, things follow a possible parallel way; at a neuroanatomical level, the thalamocortical system plays a central role in humans and animals. We refer to mammals and those animals with a fully developed prefrontal cortex. However, in humans, the suggested models require a more complex modeling, that of information integration. As for AI, the fundamental dilemma is whether it is capable of a kind of consciousness far from computational modeling and requires the ability of “what is like” situations, namely phenomenal consciousness. The platform theory, briefly analyzed above, belongs to a representational theory of mind. The central argument is of working memory and the reaction of humans,

animals, and AI in alert states; it also highlights animals' incapability of future time travel. When we drive or perform different tasks we may as humans be unconscious, but, as we elaborated, human memory is very complex and cannot be reduced to simple cybernetic or computational models since the notion of the trace is connected with various kinds of malleability, reconsolidation, and neural plasticity, as well as some instances of mental pathologies. The latter is also connected with the philosophy and biology of emotions. Human emotions have at least three discrete traditions: they can be conceived as feelings, evaluations or judgments, and motivations. Animals may also have feelings, for example, sheep and rats. We could say that they can fit the conception of emotions as feelings since they feel pain, enjoyment, etc.; this is also the reason for defining animals as sentient beings and for the changes in well-being and welfare legislation, protocols, and regulations. As for the second category, evaluations, and judgments, their capability of metacognition is under much consideration; some findings may support animal metacognition and some others that do not verify such an assertion. As for the last, motivation, their social behavior and interaction with other members of an animal team or humans may be a basis for creating some further assumptions, but we still may be at a very preliminary level of claiming that animals have emotions which may be motivations, at least as occur in humans.

Furthermore, from the findings of biolinguistics and computational ethology, they preserve a common place of understanding rather than distancing our interrelation. In any case, we are different species that may share common characteristics. This also goes for AI, but a harmonious co-existence presupposes an asymmetrical mutual understanding. The relation could be Other-directed. I may introduce an ethical dimension here, concerning Emmanuel Levinas, but even for the philosophy of biology and medicine, we could see ourselves not as the dominant We, I, etc., but the animals and AI as the Other, permanently withdrawing from the third, and placing animal and AI ethics as fundamental in our relationship, far from anthropomorphic and zoomorphic fallacies.

References

- [1] Damasio AR, et al. *Somatic markers and the guidance of behavior: Theory and preliminary testing*. In: Levin HS, Eisenberg HM, Benton AL, editors. *Frontal lobe function and dysfunction*. New York: Oxford University Press; 1991. P. 217—229.
- [2] Dennett DC. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown and Company; 1991.
- [3] Block N. How many concepts of consciousness — authors' response. *Behavioral and Brain Sciences*. 1995;18(2):272—287.
- [4] Nagel T. What is it like to be a bat? The Language and Thought Series. Available from: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.4159/harvard.9780674594623.c15/html> (accessed: 01.07.2023).
- [5] Chalmers DJ. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York and Oxford: Oxford University Press; 1996.
- [6] Vesisdal J. *The Birthplace of AI*. Available from: <https://www.cantorsparadise.com/the-birthplace-of-ai-9ab7d4e5fb00> (accessed: 20.07.2023).

- [7] Müller VC. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/ethics-ai/> (accessed: 20.07.2023).
- [8] Sejnowski TC, et al. Computational Neuroscience. *Science*. 1988;(241):1299—1306. <https://doi.org/10.1126/science.3045969>
- [9] Godfrey-Smith P. *Complexity and the function of mind in nature*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996.
- [10] Singer W. Synchronization of cortical activity and its putative role in information-processing and learning. *Annual Review of Physiology*. 1993;(55):349—374. <https://doi.org/10.1146/annurev.ph.55.030193.002025>
- [11] DeGrazia D. *Self-awareness in animals*. In: Lurz R, editor. *The philosophy of animal minds*. New York: Cambridge University Press; 2009. P. 201—217.
- [12] Varner GE. *Personhood, ethics, and animal cognition situating animals in Hare's two-level utilitarianism*. New York: Oxford University Press; 2012.
- [13] Seager W. *A cold look at HOT theory*. In: Gennaro R, editor. *Higher-order theories of consciousness: An anthology*. Philadelphia: John Benjamins; 2004. P. 255—275.
- [14] Edelman GM, Tononi G. *A Universe of Consciousness*. New York: Basic Books; 2000.
- [15] Nir Y, Tononi G. Dreaming and the brain: from phenomenology to neurophysiology. *Trends Cogn Sci*. 2010;14(2):88—100. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.12.001>
- [16] Tononi G, Christof K. The neural correlates of consciousness: an update. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2008;(1124):239—261.
- [17] Dehaene S, Changeux JP. Experimental and theoretical approaches to conscious processing. *Neuron*. 2011;70(2):200—227.
- [18] Baars B. Subjective experience is probably not limited to humans: The evidence from neurobiology and behavior. *Consciousness and Cognition*. 2005;14(7):21.
- [19] Scarantino A., Sousa R. Emotion. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/emotion/> (accessed: 25.07.2023).
- [20] Darwin C. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. Melbourne Press; 2018.
- [21] James W. What is an Emotion? *Mind*. 1884;9(2):188—205. <https://doi.org/10.1093/mind/os-IX.34.188>
- [22] James W. *The Principles of Psychology*. New York: Holt; 1890.
- [23] Cannon WB. *Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage*, 2nd edition. New York: Appleton; 1929.
- [24] Kenny A. *Action, Emotion and Will*. London, New York: Routledge and Kegan Paul; Humanities Pres; 1963.
- [25] Deigh J. Cognitivism in the Theory of Emotions. *Ethics*. 1994;104(4):824—854. <https://doi.org/10.1086/293657>
- [26] Solomon RC. *The Passions*. New York: Doubleday Anchor; 1976.
- [27] Nussbaum M. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511840715>
- [28] Lazarus RS. Progress on a Cognitive-Motivational-Relational Theory of Emotion. *American Psychologist*. 1991;46(8):819—834. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.8.819>
- [29] Scherer KR, Schorr A, Johnstone T, editors. *Appraisal Processes in Emotion: Theory, Methods, Research*, (Series in Affective Science). Oxford: Oxford University Press; 2001.
- [30] Deonna AJ, Teroni F. *The Emotions: A Philosophical Introduction*. London: Routledge; 2008.

- [31] Scarantino A. How to Define Emotions Scientifically. *Emotion Review*. 2012;4(4):358—368. <https://doi.org/10.1177/1754073912445810>
- [32] Meyer K, Damasio A. Convergence and divergence in a neural architecture for recognition and memory. *Trends Neurosci*. 2009;32(7):376—382. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2009.04.002>
- [33] Davidson TL, Jones S, Roy M, Stevenson RJ. The Cognitive Control of Eating and Body Weight: It's More than What You "Think. *Front Psychol*. 2019;(10):62. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00062>
- [34] Veissier I, Boissy A, Nowak R, et al. Ontogeny of social awareness in domestic herbivores. *Applied Animal Behaviour Science*. 1998;57(3—4):233—245.
- [35] Harst JVE. Standard housed rats are more sensitive to rewards than enriched housed rats as reflected by their anticipatory behavior. *Behavioral Brain Research*. 2003;142(1—2):151—156.
- [36] Smith JD, Schull J, Strote J, McGee G, et al. The uncertain response in the bottle-nosed-dolphin (*tursiops-truncatus*). *Journal of Experimental Psychology-General*. 1995;124(4):391—408.
- [37] Morgan G, Kornell N, Kornblum T. Terrace, HRetrospective and prospective metacognitive judgments in rhesus macaques (*Macaca mulatta*). *Animal Cognition*. 2014;17(2):249—257.
- [38] Brauer J, Call J, Tomasello M. Visual perspective taking in dogs (*Canis familiaris*) in the presence of barriers. *Applied Animal Behaviour Science*. 2004;88(3—4):299—317.
- [39] Basile BM, Hampton RR, Suomi SJ, Murray EA. An assessment of memory awareness in tufted capuchin monkeys (*Cebus apella*). *Animal Cognition*. 2009;12(1):169—180.
- [40] Hampton RR. Multiple demonstrations of metacognition in nonhumans: Converging evidence or multiple mechanisms? *Comparative cognition and behavior reviews*. 2009;(4):17—28.
- [41] Escobar C, Ansermet F, Magistretti P. A Historical Review of Diachrony and Semantic Dimensions of Trace in Neurosciences and Lacanian Psychoanalysis. *Font.Psychol*. 2017;(8):734.
- [42] Suddendorf T, Corballis MC. New evidence for animal foresight? *Animal Behaviour*. 2008;(75):E1—E3.
- [43] Clayton NS, Dickinson A. Episodic-like memory during cache recovery by scrub jays. *Nature*. 1998;395(6699):272—274.
- [44] Raby CR, Clayton NS. Prospective cognition in animals. *Behavioural Processes*. 2009;80(3):314—324.
- [45] Hayne H, Imuta K. Episodic Memory in 3-and 4-Year-Old Children. *Developmental Psychobiology*. 2011;53(3):317—322.
- [46] Zlomuzica A, Dere E. Towards an Animal Model of Consciousness Based on Platform Theory. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0166432821005830?via%3Dihub> (accessed: 25.07.2023)
- [47] Aron S, Passera L. *Les sociétés animales évolution de la coopération et organisation sociale*. 2nd ed. Brussels: De Boeck université; 2009.
- [48] Campan R, Scapini F. *Éthologie*. Paris: De Boeck Supérieur; 2002.
- [49] Konok V, Nagy K, Miklosi A. How do humans represent the emotions of dogs? The resemblance between the human representation of the canine and the human affective space. *Applied Animal Behaviour Science*. 2015;(162):37—46.
- [50] Estep DQ, Hetts S. Interactions, relationships, and bonds: the conceptual basis for scientist-animal relation. In: Davis H, Balfour D, editors. *The Inevitable Bond: Examining Scientist-Animal Interactions*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. P. 6—26.

- [51] Nagasawa M, Mitsui S, En S, et al. Social evolution. Oxytocin-gaze positive loop and the coevolution of human-dog bonds. *Science*. 2015;348(6232):333—336. <https://doi.org/10.1126/science.1261022>
- [52] Marcus GF, Fisher SE. FOXP2 in focus: what can genes tell us about speech and language? *Trends Cogn Sci*. 2003;7(6):257—262. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00104-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00104-9)
- [53] Turner SJ, Hildebrand MS, Block S, Damiano J, Fahey M, Reilly S, Bahlo M, Scheffer IE, Morgan AT. Small intragenic deletion in FOXP2 associated with childhood apraxia of speech and dysarthria. *Am J Med Genet A*. 2013;161A(9):2321—2326. <https://doi.org/10.1002/ajmg.a.36055>
- [54] Mobbs D, et al. Promises and Challenges of Human Computational Ethology. *Neuron*; 2021;14(109):2224—2238. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2021.05.021>
- [55] Walz N, Muhlberger AP, Human PA. Open Field Test Reveals Thigmotaxis Related to Agoraphobic Fear. *Biol. Psychiatry*. 2016;(80):390—397.
- [56] Sharp C, Nelson J, Lucas M, et al. Schools' Responses to COVID-19: The Challenges Facing Schools and Pupils in September 2020. *ERIC*. 2020. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED608738> (accessed: 28.07.2023).
- [57] Insel T, Cuthbert B, Garvey M, et al. Research domain criteria (RDoC): toward a new classification framework for research on mental disorders. *Am. J. Psych*; 2010.
- [58] Brady LS, Potter WZ, Gordon JA. Redirecting the revolution: new developments in drug development for psychiatry. *Expert Opin. Drug Discov*. 2019;(14):1213—1219.

About the author:

Koumparoudis Evangelos — PhD in Philosophy, Post-Doctoral Researcher in Philosophy of Medicine and Biology, Faculty of Philosophy, Sofia University, Sofia, Bulgaria (e-mail: vkoumparoudis@phls.uni-sofia.bg). ORCID: 0000-0002-1068-4376

Сведения об авторе:

Кумпарудис Евангелос — кандидат философских наук, пост-докторант в области философии медицины и биологии, философский факультет, Софийский университет, София, Болгария (e-mail: vkoumparoudis@phls.uni-sofia.bg). ORCID: 0000-0002-1068-4376

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-901-914>

EDN: SOKBBK

Научная статья / Research Article

Квантовая концепция сознания: за или против?

В.Н. Князев^{1,2} , Г.В. Паршикова³

¹Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Российская Федерация, 111250, Москва, ул. Красноказарменная, д. 14

³Брянский государственный технический университет,
Российская Федерация, 241035, Брянск, б-р 50 лет Октября, д. 7

kvn951@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается проблемная гипотеза возможных подходов к выявлению квантово-физических оснований функционирования сознания. Авторы исходят из того, что в современных условиях ни одна наука, ни все науки вместе взятые не дают окончательного ответа на вопрос о «механизме» происхождения мысли. Однако это совершенно не означает того, что исследования в этом направлении необходимо остановить. Авторы выражают уверенность в том, что современные и последующие исследования «квантовой концепции сознания» приведут к выявлению ранее неизвестных закономерностей, открывающих путь к формированию новых принципов и подходов. В качестве примера рассматривается соответствующая концепция Пенроуза — Хаммероффа. Квантовая механика дополняет инструментарий нейробиологии и других отраслей нейронауки, которые в совокупности формируют междисциплинарную область знаний, динамически растущую и развивающуюся. Авторы не являются апологетами всеислия квантовой физики. Квантовые корреляты сознания фактически означают, что не сама по себе сегодняшняя квантовая механика объясняет возникновение ментальных состояний, а то, что в рождении этих состояний существенно то, что в самом процессе становления нейродинамических импульсов в нейронах коры головного мозга, порождающих ментальные состояния, лежат процессы квантовой природы. Следует также признать, что квантово-молекулярный уровень (наноразмер) процессов в нейронах головного мозга реально существует, и именно он является истоком протосознания. Наука стремится идти вперед, появляются новые исследовательские программы в рамках квантовой биологии, квантовой психологии, квантовой информатики, которые в свою очередь могут проливать свет на гипотезу «квантовой концепции сознания».

Ключевые слова: ментальные состояния, теоретическая гипотеза Пенроуза — Хаммероффа, концепция Менского

© Князев В.Н., Паршикова Г.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 13.07.2023

Статья принята к публикации 05.09.2023

Для цитирования: Князев В.Н., Паршикова Г.В. Квантовая концепция сознания: за или против? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 901—914. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-901-914>

The Quantum Concept of Consciousness: For or Against?

Victor N. Knyazev^{1,2}, Galina V. Parshikova³

¹Moscow State Pedagogical University,

1 Malaya Pirogovskaya St., 119991, Moscow, Russian Federation

²National Research University MPEI,

14 Krasnokazarmennaya St., 111250, Moscow, Russian Federation

³Bryansk State Technical University,

7 blv. 50 years of October, 241035, Bryansk, Russian Federation

kvn951@inbox.ru

Annotation. The study examines a problematic hypothesis of possible approaches to identifying the quantum physical foundations of the functioning of consciousness. The authors proceed from the fact that in modern conditions, not a single science, nor all sciences taken together, gives a final answer to the question of the “mechanism” of the origin of thought. However, this does not mean at all that research in this direction needs to be stopped. The authors express confidence that modern and subsequent research into the “quantum concept of consciousness” will lead to the identification of previously unknown patterns, opening the way to the formation of new principles and approaches. As an example, the corresponding Penrose — Hameroff concept is considered. Quantum mechanics complements the tools of neurobiology and other branches of neuroscience, which together form an interdisciplinary field of knowledge that is dynamically growing and developing. The authors are not apologists for the omnipotence of quantum physics. Quantum correlates of consciousness actually mean that it is not today’s quantum mechanics itself that explains the emergence of mental states, but the fact that in the birth of these states it is essential that in the very process of the formation of neurodynamic impulses in the neurons of the cerebral cortex that generate mental states, there are processes of quantum nature. It should also be recognized that the quantum-molecular level (nanolevel) of processes in the neurons of the brain really exists and it is this that is the source of proto-consciousness. Science strives to move forward, new research programs are emerging within the framework of quantum biology, quantum psychology, quantum information science, which in turn can shed light on the hypothesis of the “quantum concept of consciousness.”

Key words: mental states, Penrose — Hameroff theoretical hypothesis, Mensky concept

Article history:

The article was submitted on 13.07.2023

The article was accepted on 05.09.2023

For citation: Knyazev VN, Parshikova GV. The Quantum Concept of Consciousness: For or Against? *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):901—914. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-901-914>

Введение

Все профессиональные исследователи, как специалисты в области нейронаук, так и философы, признают чрезвычайно сложный характер проблемы сознания. На макроскопическом уровне уже довольно давно сложился спектр разных подходов к психофизической (психофизиологической) проблеме. Разумеется, в многовековой философской традиции в решении вопроса о взаимоотношении «души» и «тела» явный приоритет отдавался примату души по отношению к телу, ибо подавляющее число мыслителей признавали творца. Ситуация существенно изменилась за последние несколько веков. Авторы этой статьи исходят из представления об этой проблеме в духе психофизического параллелизма, ибо сегодня невозможно утверждать совершенно определенно, что первично, а что вторично. При этом мы учитываем существование на современном этапе как материалистических, так и нематериалистических подходов к природе сознания, в том числе в рамках концепции панпсихизма. Однако наука и сегодня не способна однозначно ответить на вопрос о том, как мозг на макроскопическом уровне порождает мысль. Нобелевский лауреат Р. Аксел подчеркивает, что еще не раскрыта логика порождения мысли активностью нейронов мозга [1. Р. 1110]. Есть немало философов и ученых, занимающихся нейронаучными исследованиями и считающих, что «трудная проблема сознания» (Д. Чалмерс) как макроскопического феномена должна быть разрешена посредством дальнейших лишь макроскопических подходов и гипотез.

В определенном контрасте к этому мы признаем, что существующие уже два-три десятка лет квантовые подходы к объяснению соотношения «сознание — мозг» на микроуровне имеют свои «за» и «против». В обсуждении этой трудной проблемы принимают участие многие современные мыслители: Р. Пенроуз, С. Хамерофф [2], Г. Степп [3], А. Шимони, Н. Картрайт [4], Р. Курцвейл [5], Д. Чалмерс [6], М.Б. Менский [7] и др. Кто более определенно, кто с большим сомнением высказываются по проблеме квантовых оснований функционирования сознания на наномолекулярном уровне. Так, например, в 1994 году выдающийся исследователь работы головного мозга, лауреат Нобелевской премии Дж. Экклс выдвинул предположение, что квантовая физика может иметь отношение к пониманию взаимодействия нейротрансмиттеров и синапсов [8. Р. 145—165]. Поиск квантовых эффектов в процессах высшей нервной деятельности [9] — чрезвычайно выраженное направление в современных исследованиях мозга в рамках квантовой биологии [10. Р. 272—274]. Уважая взгляды каждого из авторов, мы в большей степени обратим внимание на гипотетическую концепцию Пенроуза — Хамероффа, ибо, хотя пока никто не создал достаточно убедительную квантовую

концепцию сознания, все же нам представляется, что эти авторы предложили более привлекательную гипотезу.

Значимость этой злободневной проблемы такова, что, например, И.В. Черепанов рассуждает в этом отношении следующим образом: «...аналогия между особенностями ментального опыта и свойствами квантовых систем не доказывает с необходимостью, что сознание рождается на квантово-механическом (или квантово-полевым) уровне активности нейронных сетей головного мозга» [11. С. 784]. Мы склоняемся к тому, что гипотетически дальнейшие исследования в поиске квантово-молекулярных истоков мыслительной деятельности не являются бессмысленными. Область деятельности человеческой психики, включающей в себя сознание, предсознание (подсознание) и бессознательное, настолько глубока, нелинейна и многозначна, что ее загадочность с годами не исчезает, и здесь возможны некие подсказки со стороны квантово-молекулярного уровня функционирования нейронов мозга. При осмыслении этих вопросов мы не занимаем позицию сторонников какого-то «жесткого физикализма», суть которого подчас проявляется в том, что физика обуславливает и объясняет почти всё в окружающем мире. Примером такого взгляда является подход К. Смита [12. Р. 415]. Для нас это явно излишняя экстраполяция, ибо мы сторонники значимого статуса любой науки, вносящей свой вклад в принципиально междисциплинарный подход к проблеме сознания человека.

О проблемах макроскопического проявления сознания

Д. Чалмерс, определяя себя как дуалиста, создал собственную концепцию сознания, исключаящую редукцию мысли к работе мозга: «Долгое время я сопротивлялся дуализму сознания и тела, но теперь я одобряю его, и не только в качестве единственной позиции, которую можно защитить, но и удовлетворительной самой по себе... Я также рассуждал о возможности панпсихизма. Подобно дуализму сознания и тела, он поначалу контринтуитивен, но эта контринтуитивность исчезает со временем» [6. С. 442].

Ментальность, эмоции, интуиция — субъективные категории, которые сами по себе и их объяснение свидетельствуют о «трудной проблеме сознания». Образ собственного «я» обусловлен утверждениями, основанными на самости, качественных состояниях, личных переживаниях и представлениях [13. С. 72]. В каждый момент времени сознание выбирает, как человек будет действовать при определенных обстоятельствах и какую мысль из потока мыслей, потока сознания он выберет. Следующая мысль — это та в общем потоке мыслей, которую мозг, сознание выбирает посредством либо достаточно строгой логики рассуждения, либо благодаря спонтанной ассоциации, что, наоборот, уведет мысль в сторону. Всё понятное и давно знакомое, и воспринимаемое нами как признание традиций, является нашей субъективной реальностью, проекцией качественной составляющей и ментального опыта. Изложить смысл передаваемой информации возможно только потому, что

участник коммуникации имеет сформированный в сознании первообраз смысла этих слов, основанный на личностном опыте (то есть имеет сформированный паттерн сознания), поэтому даже минимальных пояснений достаточно для того, чтобы человек смог уловить в главном смыслы, подтексты и значения. В этой связи Р. Курцвейл пишет: «В мозгу нет картинок, видео или звуков. Все наши воспоминания хранятся как последовательности паттернов... Неиспользуемые воспоминания угасают со временем» [5. С. 35].

При исследовании человеческой ментальности часто выявляются такие ее состояния, которые имеют «специфическую качественную сторону (поэтому их часто так и называют — *qualia*, т. е. «качества»), которую сложно свести к функциональным параметрам и которая очевидно отлична от данности нейронных процессов» [14. С. 33]. Это свидетельствует о том, что подчас невозможно последовательно описать сознание в качестве некоторой функциональной сущности, развертывающей мысль как продукт его детерминированного функционирования. Современные попытки осмысления феномена сознания зачастую приводят лишь к отдельным результатам, позволяющим говорить декларативно о его системно-синергетической природе.

В частности, в настоящее время появились новые достижения в биологических и психоневрологических науках, достижения в биомолекулярных механизмах функционирования отдельных нейронов и их сетей. Психоневрология не стоит на месте и по-своему дает объяснения таким явлениям, как воображение, восприятие, мышление, речь, память — совокупность сложно-организованных психических процессов. Объединить в единую концепцию эти последние достижения невозможно из-за методологического разрыва. Единственное решение этой проблемы — обращение к междисциплинарному подходу при интеллектуальном и экспериментальном взаимодействии ученых из разных областей научного знания.

Исследования в области искусственных нейронных сетей начались в 1943 г. (У. Маккалок и У. Питтс), однако всеобщее распространение и общепризнанность они получили позднее [15]. В дальнейших исследованиях по этой тематике прослеживается корреляция с возникновением инновационных вычислительных устройств, на базе которых могут функционировать нейроструктуры. В 90-х гг. новые достижения нейронных сетей состояли в том, что они могли динамически модифицировать свои соединения, определяя качество работы нейросети во время итерационного обучения и посылая их обратно через составные уровни при последующих итерациях. Вышесказанное стало импульсом для дальнейшего развития искусственного интеллекта, способного к навыкам, подобным мыслительному процессу.

В свою очередь, усовершенствования, происходящие в области нейронаук, увеличение мощности и производительности вычислительных систем за последние несколько десятилетий обусловили возникновение нового поколения нейронных сетей, разработанных для имитации и моделирования некоторых интеллектуальных функций мозга и когнитивной деятельности,

в том числе посредством апперцепции рекуррентных синоптических связей между нейронами и моделирования импульсных нейросетей наиболее достоверных с точки зрения нейробиологии. Интерактивность нейробиологии, нейровизуализации, нейроинформатики и последних достижений в области искусственного интеллекта достигли значительных высот, а недавние модели на основе рекуррентных нейронных сетей (RNN) участвуют в упрочнении новых теорий о механизмах функционирования сознания [16. С. 30]. Инновации в области комплексных фундаментальных исследований организации мозга человека и его высших психических функций: мышления, воли, эмоций, внимания, речи, памяти, творчества, которые были реализованы с учетом последних достижений возможностей компьютерного моделирования, симуляции биологического эксперимента, повлекли за собой новые гипотезы о механизмах функционирования сознания.

Однако у классических компьютеров существуют достаточно выраженные ограниченности, преодоление которых возможно в рамках квантовых систем. Последние разработки показывают, что квантовые симуляторы вполне способны создавать самообучающиеся нейросети и выполнять алгоритмы. В настоящее время происходит становление исследований о квантовых нейронных системах. Эти исследования [17. Р. 59—68] являются квинтэссенцией для дальнейших исследований в области моделирования интеллектуальных функций мозга, когнитивной деятельности, некоторых функций сознания. На сегодняшний день всё больше оснований полагать, что анализ и экстраполяция квантовых явлений будут служить квинтэссенцией в моделировании сознания. Однако нам понятно, что современные нейронные сети, квантовые симуляторы и прогресс в исследованиях ИИ при всех их значимости и полезности в качестве «теней разума» создают лишь некоторые аналоги естественного интеллекта, творческого человеческого разума. В своей работе «Тени разума: в поисках науки о сознании. Часть I. Понимание разума и новая физика» Р. Пенроуз посредством анализа понятий «осознание», «понимание», «сознание» и «интеллект» обосновывает свою точку зрения о «невычислимости» (неалгоритмизуемости) естественного сознания, порождающего «qualia» и «свободную волю» [18. С. 16]. Тем более вопрос о невычислимости относится к феномену озарения и интуиции. Неалгоритмизируемость усиливает проблему поиска адекватного осмысления человеческой ментальности, что позволяет нам ставить вопрос о стремлении исследовать эту проблему с учетом серьезных трансформаций современных квантовых технологий.

Причины трансформации проблемы сознания в период второй квантовой революции

Как известно, начало первой квантовой революции произошло во второй половине 20-х гг. XX в., и управление коллективными квантовыми эффектами было положено в основу некоторых современных технологий. Основные достижения первой квантовой революции — это лазеры,

солнечные панели и кремниевая микроэлектроника. Технологии на основе лазерных принципов нашли повсеместное применение в практической деятельности человека — от промышленных резаков, DVD-дисков, транзисторов и лазерного автофокуса в телефонах до сканеров штрихкодов, светодиодных ламп, МРТ-сканеров, сканирующих туннельных микроскопов, коррекции зрения и лазерной хирургии, к которым мы успели привыкнуть. Благодаря технологиям, которые открыла человечеству первая квантовая революция, стало возможным повсеместное распространение Интернета, сетей передачи данных, телефонной мобильной связи. Преобразования техносферы, научно-технический прогресс, длившийся несколько последних десятилетий, сделал возможным дефиницию и наблюдение за квантовыми системами, а также создание и контроль объектов при рассмотрении их квантовых свойств в наномасштабе. Основное назначение нанотехнологий, применительно к квантовым объектам, заключается в регулировании характера поведения отдельных наночастиц при создании нанокластеров, наноструктур и наноустройств.

Начало XXI в. характеризуется «второй квантовой революцией» [19. Р. 7], которая отражает стремление поставить новейшие достижения на службу человечеству, а ее последствия будут существенно более обширными и глубокими, чем результаты первой квантовой революции в первую половину XX в. Роль второй квантовой революции неоценима в качестве инструмента актуального научно-технического прогресса, ибо развитие современных технологий реализуется в сфере новых квантовых технологий: квантовых телекоммуникаций, квантовых вычислений, квантовой телепортации, разработки квантовых компьютеров и др. Высокоразвитые страны объявили программы исследования в этом направлении: в США в декабре 2018 г. разработан и подписан закон о национальной квантовой инициативе *National Quantum Initiative Act*, в Европейском Союзе реализуется крупномасштабный инновационный проект *Quantum Flagship* («Квантовый флагман»). Современное развитое общество достигло уровня цифровой революции, реализующей создания квантовых компьютеров, квантовой криптографии и различных уровней искусственного интеллекта. Эти вроде бы прикладные задачи на самом деле стимулируют новые постановки фундаментальных вопросов в рамках «квантового Ренессанса» [20. Р. 22—28].

В частности, в последние годы применение инструментов квантовой физики к объектам исследований нейронауки и биотехнологий перешло от этапа теоретических изысканий к фазе проведения экспериментов и оценки их результатов. Философское осмысление результатов экспериментов существенно продвигает нас на пути понимания сущности квантовых процессов и даже их роли в исследованиях не только искусственного интеллекта, но и человеческого разума. Подходы, применяемые к управлению квантовым компьютером, находят свое отражение в исследованиях квантовой сущности сознания человека (*Quantum cognition*) [21. Р. 161—170]. В свою очередь квантовая биология уже обсуждает вопросы о существовании нейронных кубитов как «кубитов памяти» [22. Р. 593—602].

Невозможно не учитывать и Гарвардский эксперимент как один из шагов, реализующих наступление второй квантовой революции. Речь идет не о квантовом компьютере, а так называемом квантовом симуляторе. Отличие квантового компьютера и симулятора состоит в том, что квантовый симулятор представляет собой аналоговую вычислительную машину, то есть вычислительную машину непрерывного действия, которая способна эмулировать более сложные физические системы, непрерывно представляя числовые данные при помощи аналоговых физических параметров (скорость, длина, напряжение, сила тока, давление). Необходимо создать условия для симуляции и после этого запустить процесс. Появляется возможность наблюдения за квантовыми процессами, взаимодействиями отдельных элементов и конечным результатом. Квантовый симулятор позволяет с высокой точностью оперировать отдельными атомами, вплоть до выстраивания их в строгие фигуры, которые могут изменять свою форму подобно анимированному изображению. Подобные эксперименты продемонстрированы исследователями и опробованы на практике.

Квантовый симулятор обладает возможностью моделирования полного спектра квантовых состояний, их количество так велико, что превышает число атомов в Солнечной системе. Взаимодействие квантово-механической системы с окружающей средой в процессе обмена информацией приводит к неконтролируемым изменениям состояний кубитов, потере квантовой информации, сбою системы. Речь идет о времени жизни или времени декогеренции, что является важным параметром, так как это время жизни кубита, одного из множества составляющих квантово-механической модели. Для совершения большего количества операций важна продолжительность жизни кубитов. Необходимо упомянуть о возможности создания более совершенного, логического кубита, который будет отслеживать ошибки на каждом этапе работы схемы, тем самым сохраняя квантовую информацию (См. более подробно: [23. С. 130—143]).

Квантовая концепция сознания в качестве теоретической гипотезы

Прежде чем вести речь о возможностях влияния квантовых процессов на процесс рождения ментальных состояний в психике человека следует напомнить ряд гипотетических подходов в этой области. Само появление квантовой механики (КМ) почти 100 лет тому назад своей новизной принципиально поставило вопросы о понимании квантово-механической реальности в аспектах квантовой вероятности, неопределенности, дополненности, природы волновой функции, редукции волнового пакета (коллапс волновой функции) и др. В конечном счете, главное стало аккумулироваться вокруг вопроса соотносительности квантовой реальности и человеческого сознания. Скажем, господствующая в КМ копенгагенская интерпретация в варианте фон Неймана — Вигнера еще в середине XX в., по существу, провозгласила

примат сознания в квантово-механическом измерении. В последующем возникло множество гипотетических моделей роли сознания в квантовой физике. Для нас важно само обстоятельство существования целого спектра подходов к применению квантовых идей при изучении психофизических истоков человеческого сознания. В этом отношении М.Б. Менский чрезвычайно смело заявляет, что сознание «является общей частью психологии и квантовой физики. Появляется возможность взглянуть на этот предмет, сознание, с двух сторон, из различных по своему характеру сфер знания: со стороны физики и со стороны психологии» [7. С. 215]. В другой своей публикации он уточняет: «...чтобы идентифицировать понятие “сознание” с некоторым понятием из квантовой теории, мы должны интерпретировать сознание шире, как что-то способное к охвату всего квантового мира, а не только одной его классической проекции» [24. С. 108]. Более общая постановка вопроса о проблеме сознания в контексте квантово-механического знания звучит так: «Должно ли сознание включаться в квантовую механику? Вопрос бессмысленный, ибо квантовая механика и есть сознание, точнее, сознание человека, имеющего дело с квантовыми явлениями как онтическими объектами» [25. С. 139].

М.Б. Менский сравнивает свою концепцию осмысления сознания, основанную на расширенной интерпретации концепции Эверетта, с подходом Р. Пенроуза и С. Хамероффа и подчеркивает: «В теории, к которой склоняется Пенроуз, существенную роль играет редукция состояния квантовой системы (коллапс волновой функции). Согласно Пенроузу, «редукция состояния в мозге происходит спонтанно, и последовательность редукций вызывает состояние ума, которое называется сознанием»» [26. С. 48].

Соотнося вышеуказанные подходы, хочется отметить, что в гипотезе, к которой склоняется Пенроуз, речь идет о механизме происхождения сознания, как квантового процесса, именуемого «организованной (оркестрированной) объективной редукцией» (Orch OR) [2. С. 517], который координируют клеточные структуры, называемые микротрубочками в структуре нейронов.

Пенроуз и Хамерофф, первоначально каждый со своей точки зрения, проанализировав принципы функционирования мозга, пришли к общему выводу о возможности на основе применения постулатов квантовой физики выявить особенности поведения нейронных структур, применив их к организации сложной архитектуры системы нейронных связей и протекающих по ним импульсов в процессе мыслительной деятельности. Общесистемные подходы Хамерофф дополнил закономерностями, выведенными в рамках анатомии, анестезиологии и молекулярной биологии, что позволило с физиологической точки зрения подойти к исследованию основ функционирования мозга и работы сознания на наноуровне. С точки зрения данных подходов существенное влияние на нейронные связи оказывают формирующие их структурные компоненты — микротрубочки, составляющие цитоскелет нейронов. Микротрубочки сформированы из волокон димеров белка тубулина и могут

рассматриваться как полые полярные цилиндры, с положительными (+) и отрицательными (-) концами. При этом допускается возможность, что в микротрубочках некоторое число тубулинов может создавать квантовую когерентность, которая имеет важное значение в проводимости ионов через каналы нервов. Подобные дискретные процессы в микротрубочках нейронов вызывают трансформации в волокнах как за счет протекания процессов квантовой когеренции, так и «объективной декогеренции».

По мнению Пенроуза и Хамероффа, белки, характеризующиеся поляризационными свойствами, модифицируют микротрубочки в устройства, действующие по алгоритму, которые способны аккумулировать кубиты и производить более сложные расчеты помимо тех, которые происходят в нейросети. Интересно заметить, что коррелированность или согласованность движения микрочастиц присущи также биологическим системам, речь идет о фотосинтезе бактерий, магниторецепции птиц и механизме обоняния. Разумеется, аргументы Пенроуза и Хамероффа не представляют однозначных доказательств неоспоримости квантовой концепции сознания, но все же подобные концептуальные гипотезы необходимо выдвигать и проверять на практике [5. С. 239].

О критическом отношении к концепции Пенроуза — Хамероффа

Как мы уже говорили выше, к «квантовой концепции сознания» есть немало претензий и критических замечаний. Одну из наиболее отрицательных оценок выразил отечественный специалист по философии сознания Д.И. Дубровский. Будучи прекрасным исследователем сознания как субъективной реальности, проблемы идеального и в более широком плане психофизической проблемы как таковой, профессор Дубровский опубликовал две статьи, непосредственно посвященные критике концепции Пенроуза — Хамероффа [27. С. 125—136; 28. С. 89—102]. При этом во множестве своих собственных работ он, как правило, характеризует сознание в качестве субъективной реальности, проявляющейся в макроскопической (земной) жизни человека, характеризуя сознание как способность к познавательной деятельности, как феномен информационной виртуальной реальности, имеющий ценностно-смысловое и интенционально-целеполагающее значение. Все эти аспекты исследования сознания не решают вопрос о строгом определении сознания с точки зрения разрешения «трудной проблемы сознания». У разных авторов (как философов, так и специалистов в конкретных науках) есть собственные подходы и понимания. Пенроуз откровенно признается: «Так чем же является сознание? Разумеется, я не знаю, как определить сознание, и даже не считаю, что стоит пытаться найти такое определение (поскольку мы не понимаем, что оно означает)... Поэтому вместо определения я попытаюсь дать вам описание сознания, насколько это возможно» [4. С. 101].

Пенроуз совершенно не скрывает свои мировоззренческие представления о реальности в качестве платоника, который в своих рассуждениях

о сознании на квантовом уровне (протосознание, протоментальность) подчас сближает платонизм с панпсихизмом. Но ему не свойствен радикальный физикализм, как об этом явно пишет Дубровский. Да, Пенроуз не профессиональный философ, а профессиональный физик (нобелевский лауреат по физике 2020 г.), который, как и любой ученый, может увлекаться в своих конкретных научно-гипотетических исследованиях. Он и сам не рассматривает концепцию Пенроуза — Хамероффа (Orch OR) как что-то окончательное. Поэтому он частично солидарен с оценкой С. Хокинга в том, что их концепция не является пока достаточно убедительной. Однако Пенроуз подчеркивает: «Многие процессы, происходящие в мозгу при мышлении, остаются весьма таинственными, странными и лежащими вне рамок и привычных нам понятий современной физической картины мира (в этом со мной солидарен и Абнер Шимони)... для понимания реальных процессов сознания нам предстоит намного глубже и серьезнее исследовать нейрофизиологию и другие биологические характеристики мозга» [4. С. 178—179]. В этих рассуждениях явно просматривается здоровая самокритичность Пенроуза.

Заключение

Все вышеизложенное является попыткой авторов осмыслить сознание с учетом современного состояния квантово-физических знаний. Авторы осознанно исходят из признания дальнейших перспектив использования квантовых представлений при изучении биофизических граней функционирования сознания. Совершенно не разделяя позицию физического редукционизма (в виде радикального физикализма), мы считаем возможным предполагать, что на квантово-молекулярном уровне могут порождаться протоментальные состояния, которые наука будущего сможет открыть как истоки и возможно основу макроскопической ментальности. Вот уже более 20 лет развиваются идеи в аспекте гипотез о связи квантовых представлений с истоками протосознания, в том числе концепция Пенроуза — Хамероффа Orch OR, к которой разные ученые и философы относятся по-разному. Авторы этой статьи не являются специалистами в области нейробиологии и, более широко, биофизики, но, размышляя о природе сознания в русле современной философии науки и технологий, мы выступаем в поддержку существующих авангардных научно-гипотетических поисковых исследований квантовых истоков протоментальных процессов. Мы уверены, что в обозримом будущем само развитие квантовой теории в рамках второй квантовой революции приведет к новому этапу не только в достижениях искусственного интеллекта, в исследованиях квантовой информатики и квантовых компьютеров, но и в продвижении процесса раскрытия тайн «трудной проблемы сознания», в том числе в выявлении квантовых истоков в становлении протоментальных состояний в коре головного мозга, которые лежат в основе интегрально сложной деятельности человеческого мозга. Об этом свидетельствуют и становление квантовой психологии и биологии, и развитие

квантовой информатики. Исследования в рамках обсуждаемого направления будут направлены на выявление принципиально новых интегральных закономерностей в современной нейронауке в целях формирования целостной концепции системно организованного подхода к пониманию сознания.

Список литературы

- [1] *Axel R.* Q&A // *Neuron*. 2018. Vol. 99. P. 1110.
- [2] *Hameroff S., Penrose R.* Consciousness in the Universe: A Review of the «Orch OR» Theory // *Biophysics of Consciousness: A Foundational Approach*. Singapore : World Scientific, 2016. P. 517—630.
- [3] *Stapp H.P.* Mind, matter and quantum mechanics. 3rd Edition. Berlin : Springer, 2009.
- [4] *Пенроуз Р., Шимони А., Карптрайт Н., Хокинг С.* Большое, малое и человеческий разум. СПб. : Амфора, 2008.
- [5] *Курцвейл Р.* Как создать разум: секрет человеческого мышления раскрыт. М. : Эксмо, 2015.
- [6] *Чалмерс Д.* Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС, Книжный дом «Либроком», 2013.
- [7] *Менский М.Б.* Человек и квантовый мир. Фрязино : Век2, 2007.
- [8] *Eccles J.* How the self controls its brain. Berlin : Springer, 1994. P. 145—165.
- [9] *Wang H, Sun Y.* On Quantum Models of the Human Mind // *Topics in Cognitive Science*. 2014. Vol. 6. N 1. P. 98—103. <https://doi.org/10.1111/tops.12064>
- [10] *Ball P.* Physics of life: The dawn of quantum biology // *Nature*. 2011. № 474. P. 272—274. <https://doi.org/10.1038/474272a>
- [11] *Черепанов И.В.* Роль квантовой механики в понимании феномена сознания // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2022. Т. 26. № 4. С. 770—789. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-770-789>
- [12] *Smith Q.* Why Cognitive Scientists Cannot Ignore Quantum Mechanics? // *Consciousness: New Philosophical Perspectives*. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 409—447.
- [13] *Паршикова Г.В.* Лингвистический концепт и качественное содержание ментальных состояний в объективизации природы сознания // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2015. Т. 2. № 1. С. 70—79.
- [14] *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
- [15] *McCulloch W.S., Pitts W.* A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // *Bull. Math. Biophys.* 1943. Vol. 5. P. 115—133. <https://doi.org/10.7551/mitpress/12274.003.0011>
- [16] *Аксенов С.В., Новосельцев В.Б.* Организация и использование нейронных сетей: (методы и технологии) / под общ. ред. В.Б. Новосельцева. Томск : Изд-во науч.-технической лит., 2006.
- [17] *Guzik V., Gushanskiy S., Polenov M., Potapov V.* Architecture and Software Implementation of a Quantum Computer Model // *5th Computer Science On-line Conference (CSOS)*. Czech Republic, 2016. P. 59—68.
- [18] *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. Часть I. Понимание разума и новая физика. М., Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2003.
- [19] *Jaeger L.* The Second Quantum Revolution. From Entanglement to Quantum Computing and Other Super-Technologies. Copernicus, 2018.
- [20] *Aspelmeyer M., Zeilinger A.* A quantum renaissance // *Physics World*. 2008. Vol. 21. N 7. P. 22—28. <https://doi.org/10.1088/2058-7058/21/07/34>

- [21] *Wichert A.* Quantum Cognition and the Mind // *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness*. 2021. Vol. 8. N 1. P. 161—170. <https://doi.org/10.1142/s2705078521500016>
- [22] *Fisher M.* Quantum Cognition: The Possibility of Processing with Nuclear Spins in the Brain // *Annals of Physics*. 2015. № 362. P. 593—602. <https://doi.org/10.1016/j.aop.2015.08.020>
- [23] *Князев В.Н., Паришкова Г.В.* Об особенностях функционирования сознания в контексте квантовой информатики // *Метафизика*. 2022. Т. 4. № 46. С. 130—143.
- [24] *Менский М.Б.* Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности). Фрязино : Век2, 2011.
- [25] *Канке В.А.* Философия математики, физики, химии, биологии. М. : КНОРУС, 2011.
- [26] *Менский М.Б.* Интуиция и квантовый подход к теории сознания // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 48—57.
- [27] *Дубровский Д.И.* Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа. Часть 1 // *Философия науки и техники*. 2017. Т. 22. № 1. С. 125—136.
- [28] *Дубровский Д.И.* Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа. Часть 2 // *Философия науки и техники*. 2017. Т. 22. № 2. С. 89—102.

References

- [1] Axel R. Q&A. *Neuron*. 2018;99:1110.
- [2] Hameroff S, Penrose R. *Consciousness in the Universe: A Review of the «Orch OR» Theory*. In: *Biophysics of Consciousness: A Foundational Approach*. Singapore: World Scientific; 2016. P. 517—630.
- [3] Stapp HP. *Mind, matter and quantum mechanics*. 3rd Edition. Berlin: Springer; 2009.
- [4] Penrouz R, Shimoni A, Kartrayt N, Khoking S. *The big, the small and the human mind*. Saint Petersburg: Amfora publ.; 2008. (In Russian).
- [5] Kurtsveyl R. *How to create a mind: the secret of human thinking revealed*. Moscow: Eksmo publ.; 2015. (In Russian).
- [6] Chalmers D. *The conscious mind. In search of a fundamental theory*. Moscow: URSS, Librokom publ.; 2013. (In Russian).
- [7] Menskiy MB. *Man and the quantum world*. Fryazino: Vek2 publ.; 2007. (In Russian).
- [8] Eccles J. How the self controls its brain. Berlin: Springer; 1994. P. 145—165.
- [9] Wang H, Sun Y. On Quantum Models of the Human Mind. *Topics in Cognitive Science*. 2014;6(1):98—103. <https://doi.org/10.1111/tops.12064>
- [10] Ball P. Physics of life: The dawn of quantum biology. *Nature*. 2011;(474):272—274. <https://doi.org/10.1038/474272a>
- [11] Cherepanov IV. The role of quantum mechanics in understanding the phenomenon of consciousness. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(4):770—789. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-770-789>
- [12] Smith Q. *Why Cognitive Scientists Cannot Ignore Quantum Mechanics?* In: *Consciousness: New Philosophical Perspectives*. Oxford: Oxford University Press; 2003. P. 409—447.
- [13] Parshikova GV. Linguistic concept and qualitative content of mental states in objectification of the nature of consciousness. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;2(1):70—79. (In Russian).
- [14] Vasilyev VV. *The difficult problem of consciousness*. Moscow: Progress-Traditsiya publ.; 2009. (In Russian).
- [15] McCulloch WS, Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. *Bull. Math. Biophys.* 1943;5:115—133. <https://doi.org/10.7551/mitpress/12274.003.0011>

- [16] Aksenov SV, Novoseltsev VB. *Organization and use of neural networks: (methods and technologies)*. Novoseltseva VB, editor. Tomsk: Izd-vo nauch.-tekhnicheskoy lit. publ.; 2006. (In Russian).
- [17] Guzik V, Gushanskiy S, Polenov M, Potapov V. Architecture and Software Implementation of a Quantum Computer Model. *5th Computer Science On-line Conference (CSOS)*. Czech Republic; 2016. P. 59—68.
- [18] Penrouz R. *Shadows of the Mind: in Search of the Science of Consciousness. Part I. Understanding the Mind and the new Physics*. Moscow, Izhevsk: Institut kompyutornykh issledovaniy publ.; 2003. (In Russian).
- [19] Jaeger L. *The Second Quantum Revolution. From Entanglement to Quantum Computing and Other Super-Technologies*. Copernicus; 2018.
- [20] Aspelmeyer M, Zeilinger A. A quantum renaissance. *Physics World*. 2008;21(7):22—28. <https://doi.org/10.1088/2058-7058/21/07/34>
- [21] Wichert A. Quantum Cognition and the Mind. *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness*. 2021;8(1):161—170. <https://doi.org/10.1142/s2705078521500016>
- [22] Fisher M. Quantum Cognition: The Possibility of Processing with Nuclear Spins in the Brain. *Annals of Physics*. 2015;(362):593—602. <https://doi.org/10.1016/j.aop.2015.08.020>
- [23] Князев В.Н., Паршикова Г.В. Об особенностях функционирования сознания в контексте квантовой информатики. *Metaphysics*. 2022;4(46):130—143. (In Russian).
- [24] Menskiy MB. *Consciousness and Quantum Mechanics: Life in Parallel Worlds (Miracles of Consciousness — from Quantum Reality)*. Fryazino: Vek2 publ.; 2011. (In Russian).
- [25] Kanke VA. *Philosophy of mathematics, physics, chemistry, biology*. Moscow: KNORUS publ.; 2011. (In Russian).
- [26] Menskiy MB. Intuition and the quantum approach to the theory of consciousness. *Voprosy filosofii*. 2015;(4):48—57. (In Russian).
- [27] Dubrovskiy DI. Critical analysis of the Penrose-Hameroff theory of Consciousness. Part 1. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2017;22(1):125—136. (In Russian).
- [28] Dubrovskiy DI. Critical analysis of the Penrose-Hameroff theory of Consciousness. Part 2. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2017;22(2):89—102. (In Russian).

Сведения об авторах:

Князев Виктор Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Московский педагогический государственный университет, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия (e-mail: kvn951@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1956-7229

Паршикова Галина Васильевна — кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (e-mail: parshikovagalina@yandex.ru) ORCID: 0009-0003-9700-2853

About the authors:

Knyazev Victor N. — DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, National Research University MPEI, Moscow, Russia (e-mail: kvn951@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1956-7229

Parshikova Galina V. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia (e-mail: parshikovagalina@yandex.ru). ORCID: 0009-0003-9700-2853

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927>

EDN: TMFJOI

Научная статья / Research Article

Философско-методологические проблемы современной нейротеологии

А.А. Лагунов , С.Ю. Иванова

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355000, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

 emaillag@mail.ru

Аннотация. В современной науке актуальны исследования, направленные на изучение функционирования головного мозга человека при воздействии на него различных факторов социально-природной среды, в том числе и религиозных практик — как личностных, так и общественных. Целью исследования является рассмотрение сложившегося состояния нейротеологии как новой области знания и анализ возможностей ее взаимодействия с уже существующими социально-гуманитарными дисциплинами; в качестве материала для исследования привлекаются обзорные, аналитические и критические публикации российских и зарубежных ученых. Обращается внимание на философско-методологические проблемы, которые нейротеологии требуется разрешить для того, чтобы определить свое место в современном когнитивном пространстве в качестве его органической составляющей. Прежде всего, по мнению авторов, представителям этой науки необходимо обогатить сформировавшийся эмпирический базис теоретическими обобщениями, для чего следует реализовать декларируемый ими принцип междисциплинарности и привлечь к общей работе специалистов из различных областей гуманитаристики. В выдвигаемых нейротеологами гипотезах вопрос об онтологическом существовании объектов религиозного опыта признается эпистемологически неразрешимым, однако при построении философско-мировоззренческой концепции невозможно ограничиваться подобными утверждениями, нужно тем или иным образом выразить отношение к внешней и внутренней для человека реальности. Отмечается, что разрабатываемая в нейротеологии идея о генетической трансляции качеств «мозга/сознания» в процессе «когнитивной эволюции» человечества возвращает нас к социально-детерминистическим и механистическим воззрениям, преодоленным современной наукой. Выражается надежда на то, что нейротеология, разрешив возникающие философско-методологические затруднения, сыграет немаловажную роль в развитии российской науки.

Ключевые слова: нейронауки, философская методология, эмпиризм, объективная реальность, механицизм, менталитет

© Лагунов А.А., Иванова С.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 06.07.2023

Статья принята к публикации 05.09.2023

Для цитирования: Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Философско-методологические проблемы современной нейротеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 915—927. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927>

Philosophical and Methodological Problems of Modern Neurotheology

Aleksey A. Lagunov , Svetlana Yu. Ivanova

North Caucasian Federal University,
1 Pushkina St., 355000, Stavropol, Russian Federation
emailag@mail.ru

Abstract. In modern science, research aimed at studying the functioning of the human brain under the influence of various factors of the social and natural environment, including religious practices, both personal and social, is relevant. The purpose of the research is to consider the current state of neurotheology as a new field of knowledge and to analyze the possibilities of its interaction with already existing social and humanitarian disciplines; review, analytical and critical publications of Russian and foreign scientists are used as material for the study. Attention is drawn to the philosophical and methodological problems that neurotheology needs to be resolved in order to determine its place in the modern cognitive space as its organic component. First of all, according to the authors of the article, representatives of this science need to enrich the formed empirical basis with theoretical generalizations, for which it is necessary to implement the principle of interdisciplinarity declared by them and involve specialists from various fields of humanities in the common work. In the hypotheses put forward by neurotheologists, the question of the ontological existence of objects of religious experience is recognized as epistemologically insoluble, however, when constructing a philosophical and worldview concept, it is impossible to limit oneself to such statements; It is noted that the idea developed in neurotheology about the genetic translation of the qualities of the “brain/consciousness” in the process of “cognitive evolution” of mankind returns us to the social deterministic and mechanistic views overcome by modern science. The hope is expressed that neurotheology, having overcome the emerging philosophical and methodological difficulties, will play an important role in the development of Russian science.

Keywords: neurosciences, philosophical methodology, empiricism, objective reality, mechanism, mentality

Article history:

The article was submitted on 06.07.2023

The article was accepted on 05.09.2023

For citation: Lagunov AA, Ivanova SYu. Philosophical and Methodological Problems of Modern Neurotheology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):915—927. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927>

Введение

В 1984 г. вышла статья Джеймса Эшбрука [1], в которой презентировалась нейротеология как новая междисциплинарная область исследований, направленная на изучение религии в аспекте нейронауки (сам термин был впервые употреблен писателем-фантастом Олдосом Хаксли в романе-утопии 1962 г. «Остров»). Новация оказалась удачной, и вот уже четыре десятилетия нейротеология, завоевав право на существование в научном поле, достаточно успешно развивается такими учеными, как Юджин д'Акили, Мэтью Альпер, Майкл Винкельман, Мэтью Дэй, Эндрю Ньюберг, Кэрол Олбрайт, Майкл Персингер и многими другими — правда, в основном на Западе, в отечественной науке она представлена весьма слабо (на сайте Высшей аттестационной комиссии нами не обнаружено ни одной диссертационной работы, специально посвященной анализу ее проблематики), что, по-видимому, можно объяснить существенным расхождением нейротеологической парадигмы с российскими традициями философского познания: в ней чересчур ярко проявляются методологические подходы, исторически свойственные английскому эмпиризму, почти всегда плохо воспринимавшемуся отечественными мыслителями, больше тяготевшими к континентальному рационализму. Однако это совсем не означает того, что нейротеология для нас неперспективна, напротив, есть все основания говорить о возможностях обогащения этой науки иными, до сих пор ей несвойственными концептами, открывающими новые пути развития. Для этого представителям нейротеологии необходимо решить ряд возникших в их исследовательском поле мировоззренческих и методологических проблем, на три из которых обращается внимание в данном исследовании.

Доминирование эмпирического базиса

Нейротеология как область научных исследований, претендующая на междисциплинарный характер, в своем религиозноведческом аспекте относится к психологии религии, и здесь в качестве объекта исследования она выделяет, прежде всего, религиозные состояния и чувства, чем существенно отличается от когнитивного религиозноведения, акцентирующего внимание на религиозных представлениях и идеях. В основном интерес нейротеологов в наши дни сводится к тому, чтобы с помощью технических средств «проследить изменения, которые происходят в мозге во время мистических состояний и понять, как эти состояния можно вызвать» [2. С. 149]. По нашему мнению, такое сужение исследовательского поля идет не на пользу самой нейротеологии, однако оно

вполне преодолимо. Достаточно часто в научной литературе появляются высказывания о необходимости расширения области интересов этой новой науки: изучение природы религии «с точки зрения особенностей нейробиологических структур» должно сопровождаться рассмотрением результатов взаимодействия этих структур с социально-культурным пространством, в свою очередь влияющим «на активность мозга — если иметь в виду угол зрения культурной нейронауки» [3. С. 120]. Иными словами, представителям современной нейротеологии при поиске «онтогенетических оснований религиозности» неплохо было бы обратить свое внимание на рассмотрение не только априорных особенностей человеческого мозга, но и особенностей апостериорных, надындивидуальных, обусловленных «социально-культурными и деятельностными факторами» [3. С. 122—123].

Многими современными учеными нейротеология воспринимается крайне скептически, важнейшей причиной чего является вышеуказанное сужение проблематики исследовательской деятельности, сведение ее к сугубо эмпирической плоскости, при этом справедливо обращается внимание, прежде всего, на то, что:

— линия демаркации между изучаемыми ею религиозно-мистическими состояниями человека и иными его переживаниями, фиксируемыми мозговыми структурами, весьма условна;

— выдвигаемые нейротеологией гипотезы не объясняют культурного многообразия исторически сложившихся религиозных традиций;

— сведение всех проявлений духовной жизни к патологической активности головного мозга является недопустимым упрощением проблематики.

Наконец, констатируется, что нейротеологи явно выходят за рамки своей научной компетенции, пытаясь «определить универсальные нейропсихологические механизмы, объясняющие все разновидности религиозных и мистических переживаний, и сформулировать своего рода “метатеологию”» [4. С. 41]. (Такая идея была высказана американскими учеными Эндрю Ньюбергом и Юджином д’Акили, предположившими, что нейротеология способна сконструировать «метатеологию», выявляющую всеобщие принципы, обуславливающие «строение каждой религиозной и теологической системы, независимо от ее теоретического содержания», а также «мегатеологию», описывающую общее теологическое содержание этих систем, «которое в свою очередь может стать основой новой и более универсальной теологии» [5. С. 74].)

Как мы видим, все претензии к нейротеологии связаны с тем, что она, собственно, изменила своим начальным принципам междисциплинарности, осознанно или нет отказавшись от привлечения экспертов из социогуманитарной области знания — философов, культурологов, религиоведов, социологов — и ограничившись работой узких специалистов-естественников. Мы вполне можем даже допустить, что к такому положению дел нейротеологи, во всяком случае некоторые, пришли вполне сознательно, ведь подключение к исследованиям профессиональных гуманитариев не позволило бы им вести

речь о возможности создания некой «научной теологии», способной объяснить все исторические религиозные феномены, тем более объединить их (подобные надежды во многом напоминают не свершившиеся чаяния прежних созидателей «синкретической религии»); тогда возможно было бы говорить о развитии нейротеологии в рамках сложившихся конфессиональных теологий как их важной, но все же части. Т.В. Малевич справедливо отмечает: «Безусловно, нейропсихологические и нейробиологические исследования различных проявлений религии имеют эвристическую ценность и могут в существенной мере обогатить наши знания об этих феноменах. Теории религии должны учитывать специфику архитектуры и функциональных возможностей человеческого мозга и те ограничения, которые они накладывают на религиозные представления и переживания» [5. С. 79—80]. Однако столь необходимый междисциплинарный диалог, по ее мнению, не может быть направлен на соединение нейронауки и теологии. О невозможности увлечь идеей формирования основанной на эмпирических обобщениях «метатеологии» специалистов, занимающихся религиозной проблематикой, пишет и исследователь из Германии Иштван Цахес: «...представляется маловероятным, что научное объяснение религиозного опыта когда-либо сможет удовлетворить религиозоведов, вдохновляемых феноменологическим или герменевтическим подходами» [6. С. 61].

Доминирование эмпирического базиса в современной нейротеологии является явной девиацией в реализации намеченной исследовательской программы, требующей своего исправления посредством привлечения к научной работе специалистов из различных областей знания, связанных между собой интересом к религиозоведческой проблематике. Выполнение данного условия позволит нейротеологии включить в область своего исследования все многообразие социокультурных факторов, обогащавших духовно-материальный опыт человечества и способствовавших структурированию его мыслительной деятельности.

Игнорирование реальности

О недостаточной мировоззренческо-философской взвешенности некоторых идей современных нейротеологов свидетельствует, к примеру, предложение упомянутых выше Эндрю Ньюберга и Юджина д'Акили принять в качестве основополагающей для нейротеологии гипотезу «мистического мозга», согласно которой все мистические опыты человека обусловлены функционированием «мозга/сознания». (Обращает на себя внимание написание авторами понятий мозга и сознания через дробь, что, надо думать, должно говорить об их тождественности, между тем такое допущение следует полагать, как минимум, плохо обоснованным даже для гипотезы, и допустимым лишь в контексте вульгарного материализма). Именно «мозг/сознание» или прямо производит мистические опыты, или же позволяет переживать чело-

веку мистические состояния. Разница между этими «или» весьма существенная, поскольку здесь перед нами ставится дилемма, требующая выбора — уподоблять деятельность мозга или генератору, или транмиттеру (ретранслятору), что давно уже стало «камнем преткновения» в нейропсихологии. Однако для авторов гипотезы, похоже, такой проблемы не существует, и это не очень удивляет, поскольку даже фундаментальный философско-методологический вопрос об онтологическом существовании «объектов религиозных опытов за пределами мозга/сознания они считают эпистемологически неразрешимым. Более того, ученые признают, что с нейропсихологической точки зрения невозможно доказать существование не только внешнего мира в том виде, как он воспринимается человеком, но и внешнего мира вообще» [5. С. 67].

Между тем эта философско-методологическая проблема должна так или иначе решаться, во всяком случае, тот или иной ответ на вопрос необходимо определить в качестве базисного при построении гипотезы, ведь от этого зависит очень многое. Известно, что Рене Декарт, которого нейротеологи склонны рассматривать в качестве одного из своих предтеч [5. С. 63], в III Правиле для руководства ума утверждал: «В предметах нашего исследования надлежит отыскивать не то, что о них думают другие или что мы предполагаем о них сами, но то, что мы ясно и очевидно можем усмотреть или надежно дедуцировать, ибо знание не может быть достигнуто иначе» [7. С. 25]. То, что мы воспринимаем отчетливо, по Декарту и есть истина, но такая ясность достигается непросто, ее нельзя сопоставлять с обыденно-эмпирической «очевидностью». По мнению М.К. Мамардашвили, «собранный субъект» Декарта «стоит и длится» над двумя пропастями: «Над пропастью материального, изменяющегося и порочного мира, как порочен всякий материальный мир, и вот этого высшего, идеального мира, который тоже пропасть, если мы приписываем ему какие-то неземные свойства недостижимого нами вечного существования» [8. С. 200]. Картезианское сомнение — это «уход в зазор, подвес и глядение оттуда» [8. С. 39], и результаты такого ухода должны быть обязательно, в их достижимости нельзя сомневаться, поскольку Декарт полагает абсурдным считать Бога обманщиком, а потому данный Им «естественный свет, или способность познания, ни в коем случае не может коснуться объекта, который не был бы истинным...» [9. С. 173].

Онтогносеология Р. Декарта стала причиной столь знакомой нам сегодня дифференциации наук на естественные и социогуманитарные — на науки о природе и науки о человеке, культуре, духе; при этом забылось то, что философ решительно разделял эти группы наук по предмету и методу, не допуская никакого их перемешивания по причине направленности на изучение различных, независимых и самодостаточных субстанций. С течением времени произошла непозволительная для картезианства подмена, и в науках о человеке (обществе, культуре) стала применяться естественнонаучная методология, понятие же духа было практически предано остракизму, — хорошей

иллюстрацией этого является состояние современной нейротеологии, даже не осознающей своего бессилия перед окружающей реальностью, проявляющегося в отказе от постижения ее сущности. Последствия такого отказа сказываются и на самом главном на сегодняшний день предмете этой науки — человеческом мозге, само существование которого немислимо без определенных представлений о его «носителе», человеке. Проблема же человека, как полагал Н.А. Бердяев, «совершенно неразрешима, если его рассматривать из природы и лишь в соотношении с природой. Понять человека можно лишь в его отношении к Богу. Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно лишь из того, что выше его» [10. С. 78].

Для того чтобы уяснить логику Рене Декарта и Николая Бердяева, не обязательно быть или становиться верующим человеком, достаточно соблюдать «дисциплину ума» и не воспринимать всерьез претензии нашего разума на конституирующую роль в мировой реальности. Человек — существо очень ограниченное и всецело относительное, зависящее от колоссального множества факторов, как внешних, так и внутренних, поэтому вполне разумно допустить, что существуют сферы бытия, неподвластные ему, и, что важно — именно существуют, а не кажутся таковыми. Стремиться к их постижению, конечно, нужно, но при этом четко осознавать свои возможности в этом деле, а при случае — и открывать новые когнитивные средства. Это и будет означать возвышение познания «по вертикали», не отрывающееся от «горизонтальной» перспективы, а напротив, обогащающее ее.

Представляется, что современной нейротеологии явно недостает философской компоненты, что, наверное, объяснимо стремительным ростом философско-мировоззренческого плюрализма и логически следующим из него формированием в научном сообществе недоверия к философской методологии. Как это часто бывало в истории, снова высказывается сомнение в пользу философии и утверждается уверенность в ее вредности. В этом смысле нейротеология не является каким-то исключением из общих правил, «дегуманитаризация» познания сегодня обнаруживается практически во всех сферах научной деятельности, и даже в самой философии — к счастью, пока лишь изредка. Но «гонения» на философию всегда прекращались тогда, когда приходило осознание того, что без нее когнитивное движение вперед невозможно, поскольку «в отличие от всякого частного знания, направленного на отвлеченно выделенные частные материальные элементы бытия, философия есть *рациональное преодоление ограниченности рациональной мысли*. Она есть умственная жизнь, питающаяся живой интуицией сверхрациональной реальности и улавливающая ее непосредственно непостижимое существо». Истинная философия, стремящаяся к осмыслению целостности мира, как и всякое другое знание, выражается в понятиях, стало быть, является знанием рациональным, вместе с тем она «по своей направленности на описание конкретной реальности... имеет возможность выйти за пределы отвлеченной мысли, интуитивно видеть и выразить сверхрациональное» [11. С. 195].

Реальность в философии, безусловно, может пониматься по-разному, далеко не всегда соответствуя принципам «гносеологического оптимизма»: известны примеры отрицания возможности познания объективного мира таким, как он есть «в себе», или рассмотрения мышления вне всякой связи с субъектом («бессубъектное мышление»), но во всех случаях реальность все-таки допускается, потому недостаточно ограничиваться утверждением о невозможности рационального доказательства существования как внешнего для человека мира, так и внутреннего, следует вербально выразить свое отношение к предмету исследования, без этого его просто не будет. Если все это верно для философии, то, тем более — для теологии, которая, как это хорошо показывает ее история, не может ограничиться лишь апофатикой, требуя также катафатических суждений, пусть и очень предположительных. Теолог с необходимостью обязан иметь представление о предмете своей веры, в случае же с современной нейротеологией «предметом веры» становится даже не разум, а человеческий мозг, при этом объективность результатов его деятельности не просто оспаривается, а «выносится за скобки».

Следует согласиться с мнением Али-Акбара Зияи, с которым наверняка солидаризируются представители как философского, так и теологического научных сообществ: «Ни один философ не отвергает связи физических аспектов религии с нервной системой, как и того, что повреждения мозга влияют на религиозные взгляды и поведение. Нейротеология может изучать лишь материальные аспекты религии, как и виды откровений, но не способна осветить духовный мир» [12. С. 87]. Если же претензии на такое освещение у нейротеологов остаются, тогда необходимо объединение их усилий со сторонниками уже существующих научных парадигм, или, как вариант, потребуется все же основательная разработка собственной онтологии нейротеологии, но тогда нужно быть готовыми к тому, что абсолютное большинство философов и теологов отнесутся к ней критично.

Ренессанс механицизма

У современной нейротеологии есть и еще одна затронутая ей существенная философско-методологическая проблема. Мэтью Альпер обратился к актуализированной К.-Г. Юнгом теме архетипов и предложил свести все содержание различно интерпретируемого понятия «коллективного бессознательного» к нейрохимическим процессам в человеческом мозге. С его точки зрения, это способствовало бы аргументации наличия у человека некоей генетически наследуемой «естественной религиозной функции», сформировавшейся у него в процессе «когнитивной эволюции». Ученый предполагает, что возникла эта функция как реакция на осознание человеком «экзистенциального одиночества», которое «разорвало» до того нерелефлексивную ткань его бытия, включенного в бытие универсума: «На этом этапе эволюция должна была найти компенсаторный механизм, позволяющий организму существовать дальше. В структурах мозга со временем была закреплена

функция, позволяющая пролонгировать жизнь в обещанном новом регистре бытия, ставшем виртуальной его основой (сознание), чтобы продолжать быть в регистре существующем, как бы это существование ни понималось на основе аппаратного обеспечения (мозга)» [13. С. 78]. Тезаурус здесь, как видим, кардинально отличается от классически-философского, но, не заостряя на этом внимание, попробуем беспристрастно разобраться, какие же общемировоззренческие выводы мы можем сделать из данного предложения?

Прежде всего, обращает на себя внимание концепт «когнитивной эволюции», требующий своего хотя бы частичного обоснования. Из него следует, что когнитивные способности людей с течением исторического времени изменяются в лучшую сторону. Для ученого, читавшего диалоги Платона, такое утверждение покажется абсурдным, для незнакомого же с философской классикой оно, как минимум, требует доказательств; но в лаборатории получить их мы не сможем ввиду отсутствия «материала» для эксперимента, то есть мозга человека из прошлого. Значит, концепт «когнитивной эволюции» совершенно бездоказателен в эмпирическом плане и неверен в теоретическом, его использование является не более чем ненаучной фантастикой (отметим при этом, что мы, разумеется, признаем, что в историческом времени качество и количество информации, обрабатываемой нашим мозгом, значительно разнится, однако речь ведем о допустимости сугубо физиологических улучшений в работе этого «аппаратного обеспечения»).

Вместе с тем сказанное выше можно отнести, в той или иной степени, ко всякой эволюционной концепции, по меткому замечанию Л.М. Лопатина имеющей «центр тяжести» в древнегреческой идее апейрона и вынужденной апеллировать к бесконечности для обоснования своих выводов: «...выдавая себя за правильное обобщение из опытных данных, эволюционистическое учение в действительности есть метафизическая гипотеза» [14. С. 107]. Предположим, что сознание у человека действительно появилось в невообразимо далекие времена как новый «регистр» его бытия в универсуме и развивается в социально-историческом времени за счет постепенных изменений в физиологии головного мозга. Отсюда, конечно, прямо следует то, что способность к когнитивной деятельности «накапливается» в человечестве и генетически передается от поколения к поколению — заметим, не посредством бережного хранения духовно-практического опыта и усвоения его каждым представителем человеческого рода, вступающим в жизнь с тем, чтобы совершенствовать культурные продукты далее, как это понималось в классических учениях о социокультурной традиции, а именно генетически, т.е. независимо от мест и ролей действующих в процессе «когнитивной эволюции» личностей. Такой взгляд возвращает нас не только к социальному детерминизму, но и к, казалось бы, успешно преодоленному механицизму в понимании природного и общественного бытия.

Почти три столетия усилий философов понадобилось для того, чтобы научиться мыслить об обществе в контексте его органического развития,

очень многоаспектного и порой трудно рационализируемого, и вот мы видим яркий пример очередной механистической редукции, сводящей «на нет» все с невероятным трудом собранные плоды вековых раздумий. Этот ренессанс механицизма непременно требует пересмотра достаточно устоявшихся в научном сообществе представлений как о сознании личности, так и об общественном менталитете. По поводу последнего, казалось бы, уже почти достигнут консенсус: все большее число ученых признает, что к компонентам такого сложного реифицированного образования как менталитет следует относить не качества представителей тех или иных общностей, а их свойства, приобретаемые в результате социализации и инкультурации. (Качества, по известной дистинкции Б.М. Кедрова, присущи «данной вещи как ее отличительная, только ей свойственная особенность, выделяющая ее из всех других вещей», оно «не может быть от нее отнято. Отнять у вещи ее качество — значит уничтожить саму эту вещь, превратить ее в другую» [15. С. 89]. Свойства же преходящи, они могут быть у данной вещи, а могут и исчезнуть, оставляя при этом вещь самой собой.) Для постоянного возобновления ментальных свойств личностей и формирования их идентичности по отношению к конкретному обществу нужно прилагать немало усилий и вкладывать средства — духовные и материальные — всем социальным структурам, не говоря уже о воспитательно-образовательной системе, в числе основных функций которой обязательно должно быть органическое воспроизводство результатов социокультурной деятельности, обуславливающее ее преемственность и совершенствование.

Нейротеологи же предлагают искать «коллективное бессознательное» в генетически транслируемой структуре человеческого мозга, при этом почему-то они не обращают внимания на тот уже «экспериментально» доказанный факт, что оторванные от «материнской» социокультурной среды младенцы полностью усваивают принимающую их культуру, совсем не воспроизводя при этом никаких прирожденных ментальных «качеств», — и это кажется весьма странным, если вспомнить о чрезмерном внимании, уделяемом современной нейротеологией эмпирическому базису.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, невзирая на высказанные критические положения, мы можем сделать вывод о том, что будущее у нейротеологии в российской науке все же есть. Опыт зарубежных коллег в исследовании мозговой деятельности при мистических переживаниях должен быть, конечно, соответственным образом учтен, однако при этом необходимо отказаться от претензий нейротеологии на самодостаточность и глобальную значимость, гораздо полезнее для общего дела будет понимание этой науки как органической части, включенной в систему религиоведческого знания. В России уже более двух десятилетий активно развивается университетская теология как научная отрасль и образовательное направление, и здесь

пришли к убеждению, что неконфессиональная теология, «теология вообще» невозможна в принципе в связи с разнообразием конкретно-исторических религиозных традиций, что отразилось в Федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения. Характерно: изначально теология в российских вузах планировалась в качестве внеконфессионального образовательного направления, что весьма показательно коррелирует с тенденциями религиоведения почти двухвековой давности, направленными на нахождение общих принципов всех традиционных религий; однако не получилось, поскольку религии эти оказались различными и во многих своих аспектах трудно сопоставимыми. Не чужды российские исследователи и экспериментальному изучению деятельности головного мозга человека во время мистических практик. Так, эксперты лаборатории нейро- и психофизиологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского института им. Бехтерева сделали настоящее открытие в этой области, выявив, наряду с известными состояниями сознания — бодрствованием, быстрым и медленным сном — еще и четвертое его состояние, названное ими «молитвенным бодрствованием», в котором замедляются ритмы биотоков¹. Поэтому с вполне достаточным основанием можно выразить надежду на то, что нейротеология, как и всякая другая наука, имеющая интернациональный характер, объединив усилия ученых из разных стран и реализовав декларированную ранее междисциплинарность исследований, найдет свое место в современном когнитивном пространстве в качестве его органической составляющей.

Список литературы

- [1] *Ashbrook J.B.* Neurotheology: The Working Brain and the Work of Theology // *Zygon*. 1984. Vol. 19. P. 331—350. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1984.tb00934.x>
- [2] *Михеев В.* Могут ли чувства и представления быть религиозными и секулярными? Критика современной психологии религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 3. С. 142—167. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-142-167>
- [3] *Бажанов В.А.* Нейротеология: религия в фокусе современной культурной нейронауки // *Религиоведение*. 2018. № 1. С. 118—125. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2018.1.118-125>
- [4] *Борисова О.А., Копейко Г.И., Малевич Т.В.* Нейробиологический подход к изучению религиозно-мистических переживаний // *Психиатрия*. 2015. № 1. С. 39—43.
- [5] *Малевич Т.В.* Нейротеология: теории религии и наука о мозге // *Религиоведческие исследования*. 2013. № 1—2. С. 62—83.
- [6] *Цахес И.* Нейронаука и религиозный опыт: на пути к построению интегративной модели // *Религиоведческие исследования*. 2013. № 1—2. С. 51—61.
- [7] *Декарт Р.* Правила для руководства ума // *Сомневайся во всем: с комментариями и объяснениями*. М. : АСТ, 2019. С. 18—148.

¹ Петербургские нейрофизиологи открыли четвертое состояние сознания — «молитвенное бодрствование». Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-9399.html> (дата обращения: 08.04.2023).

- [8] Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М. : ИГ «Прогресс», «Культура», 1993.
- [9] Декарт Р. Первоначала философии // Сомневайся во всем: с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2019. С. 149—315.
- [10] Бердяев Н.А. О назначении человека. М. : АСТ, 2006.
- [11] Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Сочинения: С нами Бог. М. : АСТ, 2003. С. 133—436.
- [12] Зияи А.А. Как теология понимает нейротеологию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия. Реферативный журнал. 2017. № 2. С. 79—87.
- [13] Борисов О.С., Еремеев С.Г. Культурные коды и виртуальная реальность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 1. С. 77—87.
- [14] Лопатин Л.М. Критика эмпирических начал нравственности // Статьи по этике. СПб. : Наука, 2004. С. 56—112.
- [15] Кедров Б.М. Беседы о диалектике. Шестидневные философские размышления во время путешествия. М. : КомКнига, 2007.

References

- [1] Ashbrook JB. Neurotheology: The Working Brain and the Work of Theology. *Zygon*. 1984;19:331—350. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1984.tb00934.x>
- [2] Miheev V. Can feelings and ideas be religious and secular? Criticism of the modern psychology of religion. *State, religion, church in Russia and abroad*. 2018;(3):142—167. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-142-167>
- [3] Bazhanov VA. Neurotheology: religion in the focus of modern cultural neuroscience. *Religious Studies*. 2018;(1):118—125. (In Russian). <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2018.1.118-125>
- [4] Borisova OA., Kopejko GI., Malevich TV. Neurobiological approach to the study of religious and mystical experiences. *Psychiatry*. 2015;(1):39—43. (In Russian).
- [5] Malevich TV. Neurotheology: theories of religion and the science of the brain. *Religious studies*. 2013;(1–2):62—83. (In Russian).
- [6] Cahes I. Neuroscience and religious experience: on the way to building an integrative model. *Religious studies*. 2013;(1–2):51—61. (In Russian).
- [7] Descartes R. *Rules for guiding the mind*. In: *Doubt everything: with comments and explanations*. Moscow: AST publ.; 2019. P. 18—148. (In Russian).
- [8] Mamardashvili MK. *Cartesian reflections*. Moscow: Progress, Kul'tura publ.; 1993. (In Russian).
- [9] Descartes R. *Pervonachala filosofii*. In: *Doubt everything: with comments and explanations*. Moscow: AST publ.; 2019. P. 149—315. (In Russian).
- [10] Berdjaev NA. *On the appointment of a person*. Moscow: AST publ.; 2006. (In Russian).
- [11] Frank SL. *Reality and man. Metaphysics of human existence*. In: *Essays: God is with us*. Moscow: AST publ.; 2003. P. 133—436. (In Russian).
- [12] Zijai AA. How theology understands neurotheology. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 3, Philosophy. Abstract journal*. 2017;(2):79—87. (In Russian).
- [13] Borisov OS, Eremeev SG. Cultural codes and virtual reality. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2020;(1):77—87. (In Russian).
- [14] Lopatin LM. *Criticism of empirical principles of morality*. In: *Articles on ethics*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2004. P. 56—112. (In Russian).

- [15] Kedrov B.M. *Conversations about dialectics. Six-day philosophical reflections during the journey*. Moscow: KomKniga publ.; 2007. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лагунов Алексей Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия (e-mail: emaillag@mail.ru). ORCID: 0000-0002-8498-6449

Иванова Светлана Юрьевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия (e-mail: isu-socf@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-2375-6348

About authors:

Lagunov Aleksey A. — DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: emaillag@mail.ru). ORCID: 0000-0002-8498-6449

Ivanova Svetlana Yu. — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: isu-socf@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-2375-6348

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-928-939>

EDN: TMOJFW

Research Article / Научная статья

The Problematic Area of Philosophical Discourses on the Application of Artificial Intelligence Systems in Society

Vladimir A. Tsvyk¹, Irina V. Tsvyk^{1,2}, Tatiana P. Pavlova²

¹RUDN University,

6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

²Moscow Aviation Institute (National Research University),

4 Volokolamskoe Hw., 125993, Moscow, Russian Federation,

 tsvyk-va@rudn.ru

Abstract. The study relevance lies in understanding strategic objectives' content concerning intelligent technologies' application. The development and application of artificial intelligence in various branches of human activity carry the potential for global changes in society, which, in methodological terms, increases the relevance of considering these problems. The study of ethical problems of artificial intelligence in the concept of sustainable development of society is connected with the dynamic development of innovative artificial intelligence (AI) technologies, which are considered a process of becoming a new technosubject in the context of neuroscience development. The article emphasizes that the development of artificial intelligence acts as an innovative form of technology development when a new kind of human-machine technosubject is formed. The authors identify social problems of artificial intelligence application as the digitalization of life becomes a global anthropological challenge. Innovations of artificial intelligence are directly related to a number of ethical problems, as they contribute not only to the sustainable development of society but also cause dehumanization of relations between people and society. Based on the analysis of qualitative changes in scientific and technological research, using human-machine devices is becoming inevitable. Humankind must develop ethical guidelines for the application of AI systems.

Keywords: information epistemology, neuroscience, neural networks, technosubject, innovative technologies, information security, ethics of artificial intelligence

Article history:

The article was submitted on 01.07.2023

The article was accepted on 30.08.2023

© Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Pavlova T.P., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Tsvyk VA, Tsvyk IV, Pavlova TP. The Problematic Area of Philosophical Discourses on the Application of Artificial Intelligence Systems in Society. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):928—939. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-928-939>

Проблемное поле философских дискурсов о применении систем искусственного интеллекта в социуме

В.А. Цвык¹ , И.В. Цвык^{1,2} , Т.П. Павлова²

¹Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),

Российская Федерация, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4

 tsvyk-va@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в необходимости понять содержание стратегических задач в отношении применения интеллектуальных технологий. Разработка и применение искусственного интеллекта в различных отраслях деятельности человека несут в себе потенциал глобальных изменений в обществе, что в методологическом плане повышает актуальность рассмотрения этих проблем. Исследование этических проблем искусственного интеллекта в концепции устойчивого развития общества связано с динамичным развитием инновационных технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые рассматриваются как процесс становления нового техносубъекта в контексте развития нейронаук. В исследовании подчеркивается, что развитие искусственного интеллекта выступает инновационной формой развития техники, когда формируется новый вид — человека-машинный техносубъект. Авторами выявляются социальные проблемы применения искусственного интеллекта, так как цифровизация жизни становится глобальным антропологическим вызовом. Инновации искусственного интеллекта напрямую связаны с целым рядом этических проблем, так как вносят не только положительный вклад в устойчивое развитие общества, но и являются причиной дегуманизации отношений между людьми и обществом. На основе анализа качественных изменений в сфере научных и технологических исследований можно сделать вывод, что использование человеко-машинных устройств становится неизбежностью, человечество должно выработать этические ориентиры применения систем ИИ.

Ключевые слова: информационная эпистемология, нейронауки, нейронные сети, техносубъект, инновационные технологии, информационная безопасность, этика искусственного интеллекта

История статьи:

Статья поступила 01.07.2023

Статья принята к публикации 30.08.2023

Для цитирования: *Tsyuk V.A., Tsyuk I.V., Pavlova T.P.* The Problematic Area of Philosophical Discourses on the Application of Artificial Intelligence Systems in Society // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 928—939. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-928-939>

Introduction

The relevance of this study is related to the need to identify a set of primary conditions for the use of artificial intelligence (AI) and the consequences of its application in society. Neurosciences and artificial intelligence research have a long, shared history. Advances in the field of neurosciences, along with a severe increase in the performance of computing systems over the past few decades, have led to the emergence of a new generation of neural networks, which was inspired by discoveries in the field of brain research and implemented through the possibilities of computer modeling [1. P. 36]. Most of the 20th-century technologies are model-based, which means that scientists study nature and assume scientific models to describe it, based on which the development of technologies takes place. For instance, understanding the principles of electromagnetic wave propagation is the basis of wireless communication technology. Modeling the human brain, however, is a challenge that is still far from the stage where cognitive machines will be model-based. Therefore, AI is realized based on a different approach — a data-driven approach.

The data-driven approach forms the core of machine learning, which is typically implemented based on artificial neural networks (ANNs). ANNs consist of a series of nodes conceptually similar to brain neurons and connected by links running through several layers. Nodes in the input layer receive information from the external environment, and each such node undergoes a nonlinear transformation of the data. Such systems learn to perform tasks by analyzing examples (labeled data) and usually do not have task-specific rules or models in their programs. Ultimately, deep learning is built on multi-layer ANNs, allowing the machine to recognize complex concepts such as human faces and bodies, understand spoken language, and classify images.

New artificial intelligence systems now possess many of biological systems' advanced perceptual and cognitive capabilities, including object recognition and decision-making functions. A key aspect of AI's ability to demonstrate human-like capabilities is scalability. The effectiveness of AI-based systems depends on the data they acquire, and to maximize effectiveness, access to relevant data must be unrestricted. There may be technical limitations on data access, but how data is selected and classified is also a sociocultural issue [2]. Classification is culturally dependent and developed through historical development, which may lead to biased decisions made by an algorithm. If that system accesses a different data set, the degree of this bias may be reduced, but it cannot be eliminated completely. Thus, in the context of modern technological turbulence and the

decreasing availability of technology, it is necessary to consider various aspects of artificial intelligence implementation to realize the sustainable development of society.

Methodological Aspects of Artificial Intelligence Research

The methods of comparative analysis, system approach, and philosophical reflection are applied in researching the influence of artificial intelligence on the development of the concept of sustainable development of society. Informatics greatly influences many areas of scientific research, transferring its scientific methodology to them. The works of N. Wiener, A. Turing, N. Moiseyev, and T. Chernigovskaya analyze the epistemological problems of artificial intelligence and reveal the role of such cognitive tools as categories, logical structures, previously accumulated technical knowledge, and specific semiotic systems.

Jürgen Habermas, a German philosopher and sociologist, in his work *Moral Consciousness and Communicative Action*, dividing communicative and technical rationality, sees the latter as a danger for individuals and society. Based on communicative reason, a personality emerges in man, capable of transforming society, which necessarily includes a moral and practical constant, which the machine does not have [3].

Sociologist D. Ivanov notes that the 20th-century man perceives the surrounding reality as a natural given in which he exists. However, due to various life situations, it ceases to satisfy him. He does not want to solve the arisen issues independently and finds peace of mind by immersing himself in virtual reality. The prospect that relations between people will take the form of relations between images is the prospect of virtualization of society. As D. Ivanov notes, we live and act in the era of simulations, which leads to the compensation of events missing in reality by simulacra [4. P. 131—134].

Many researchers agree with these conclusions and call it negative when personal life problems are virtualized and when a person is afraid to cope with the difficulties of real life, escaping from them.

Because of this, work in artificial intelligence parallels research in psychology, physiology, and ethics. Unlike the question asked in the 1960s by A. Turing—“Can machines think?”—today, this question sounds different: “Does a person understand well enough to transfer the thinking function to a computer?” [5].

Relevant in methodological terms of building a general theory of business is the problem of defining global corporations, criteria, and the environment of their activities in the economic field of society. Thus, the UN has repeatedly discussed the issue of a code of conduct for multinational corporations. In this regard, in their studies, T. Zsigmond, R. Machov, and E. Korcsmáro concluded that “Due to modern economic trends, ethics nowadays plays a key role in the life of companies. On the one hand, it contributes to production efficiency, but on the other hand, it also brings cybersecurity challenges” [6. P. 171—190].

Thus, there should be no doubt that today and in the near future, the entire global scientific community will be closely following the development of AI as it shapes the image of artificial intelligence, embodying in it all the most advanced developments in this field, as well as, for the most part, create the very culture of AI education for different needs of society. This is the essence of the fourth industrial revolution.

Theoretical Basis for General Ethical Principles for the Application of AI Systems

Technical civilization has a different picture of values and priorities. One of the main priorities of technical civilization is a new type of communication that facilitates the flow of information. This mobilization of the individual's creative capabilities, free from ideological, religious, and social barriers, raises the status of scientific activity and the acquisition of more information for research.

The problem of artificial intelligence technologies in recent years began to be realized as a mobilization resource for society's social or economic development and as a condition for future dynamic development. In the 21st century, we have entered the fourth industrial revolution (Industry 4.0), where one of the main areas of scientific research is the study of artificial intelligence and its impact on various spheres of life in modern society.

The discussion papers form a vector for the continuation of the research despite the numerous and diverse definitions of AI. The large number of AI definitions in the research literature can be reduced to the distinction of two main concepts, one of which is usually characterized as *theoretical* or *scientific* and the other as *pragmatic* or *technological*.

The theoretical, or scientific, approach (N. Wiener, N. Bostrom, D. Haraway, J. Habermas, David J. Gunkel, T. Chernigovskaya, N. Moiseyev, A. Nazaretyan) is carried out, e.g., within the framework of information epistemology, closely related to philosophy, logic, linguistics, psychology, and neurosciences. It is within the theoretical approach that the concept of *strong AI*, that is, genuine intelligence of the same type and level of universality as human intelligence, as opposed to *weak AI*, intelligence that only mimics human intelligence and can perform a limited number of narrowly defined tasks, is formulated. "Although such questions are theoretical or scientific in nature, they involve a number of metaphysical or spiritual issues (including those concerning human uniqueness or free will) that themselves have indirect but nonetheless serious social and ethical implications" [7. P. 60]. Thus, these discussions lead to the conclusion that digitalizing life is a global anthropological challenge. Strong AI is discussed in numerous philosophical works as a potential alternative to human intelligence, an *artificial consciousness* capable of self-learning and self-development, thus posing a real danger in competition with humans.

The pragmatic, or technological, concept of artificial intelligence (A. Turing, T. Zsigmond, G. Simondon, V. Ignatiev, E. Nikitina, Sven Nyholm) is focused on the technical side of the issue. It is related to the engineering development analysis of weak AI. It aims to build on various components of artificial intelligence, such as machine learning, deep learning, computer vision, and robotics, to create machines or programs that can independently perform tasks that usually require human intelligence and participation. Technologies such as machine translation of human languages, voice dialog systems such as Siri, algorithms that can create socially usable content, and social robots are all designed to communicate with users in a human-like manner [8].

At the same time, numerous discussions in the current research literature emphasize that these technological developments are directly related to the questions of what a human being is, and what is his difference on Earth. This understanding will determine what robotic algorithms are embedded in solving social, scientific, and military problems on which the future of humanity depends. One of the characteristics of AI is that it is “alien” to humans in the sense that the way this intelligence works seems strange and mysterious to us. At the heart of this foreignness is unconscious performance. Highly functional AI systems, such as AlphGo or Watson, can show impressive results without knowing what they are doing. For instance, the Watson system answered complex questions so quickly that it was difficult for most people to comprehend them in the allotted time. Still, Watson does not *answer* questions in the human sense of the word. The system *calculates* the probability of correctness of several possible answers based on automated analysis of the available database [9].

With the development of intelligent human-machine systems, the question will arise: who will lay down robotic algorithms and for what purpose? The subjectivism of developers, susceptibility to political conjuncture, and the complexity of the technologies themselves are inevitable, making it necessary to consider these problems through an ethical context.

Value Dimension of Social Consequences of AI Systems Application in Contemporary Society

The ethics of artificial intelligence is part of the ethics of technology characteristic of robotics and the new relationship between evolving new kinds of subjects — biocybernetic and technosubjects with artificial intelligence.

Usually, the ethics of AI is divided into roboethics, which addresses the issues of moral behavior of people in the design and construction of human-machine systems. The second direction is the ethics of artificial intelligence, which addresses the principles of ethical behavior in decision-making by artificial intelligence actors based on certain ethical principles.

Norbert Wiener drew attention to ethical problems that may arise with the development of computer technology in his works *Cybernetics: Or Control and*

Communication in the Animal and the Machine and *Creator and a Robot*. Speaking out against machine worshippers who gave excessive importance to computer technology, he, in his interview with the magazine *U.S. News & World Report* on the question: “Are machines smarter than men?” answered that the advantage of man is in his flexibility, in the ability to work with imprecise ideas and the advantage of machines — in speed and accuracy [10. P. 208]. N. Wiener defended the point of view that it is impossible to rely on computer technology for the sake of fear of making decisions in management activity. This carries the danger of reducing human mental activity. It is also unsafe for the whole society if the machine makes a decision that does not correspond to the ethical attitudes of man.

Gilbert Simondon (1924—1989) was a French philosopher and creator of the original philosophy of technology and the theory of individuation. He became widely known in the late 20th century, although his principal works were written in the second half of the 1950s. G. Simondon was one of the first popularizers of cybernetics in France. In *On the Mode of Existence of Technical Objects*, he justified the genetic laws governing the various stages of technical evolution. He criticized N. Wiener and sought to create a “general phenomenology of machines.” Simondon believed that technical objects evolve the same way as living organisms but differently, as there is a human beginning in creating technology. There is a misunderstanding between the user and the technical object when the user has yet to recognize the essence of the technique and its possibilities fully. He emphasized that it is not technology that alienates man, but the man himself, with his utilitarian approach and absurdity of all the benefits of consumption, gives it a negative character [11. P. 98].

Modern researchers J. Habermas, N. Bostrom, D. Haraway, T. Chernigovskaya, and A. Nazaretyan, despite different approaches to ethical assessments of the application of AI, note the importance of the problem in understanding the finding of analogies between artificial intelligence and human thinking, as this analogy can lead to significant social consequences. Innovative technologies such as the creation of “superintelligence” and nanotechnology will be the source of new changes.

The research of neurophysiological mechanisms, as T. Chernigovskaya emphasizes, is interesting for comparing natural and artificial languages. “Programming languages, unlike natural languages, are designed for communication between humans and computers” [12. P. 85]. At the same time, it should be noted that this language does not include ethical and moral norms.

In considering several approaches to the ethical evaluation of the application of artificial intelligence, we can distinguish an anthropological approach and a risk-oriented approach.

A.P. Nazaretyan most clearly expresses the anthropological approach in his work *Intelligence in the Universe: History, Formation, Prospects*. The critical approach of the author is that, in his opinion, the outstripping development of intelligence concerning the other two vectors of growth of human civilization —

technological potential and organizational complexity — is a general evolutionary law: “As other global problems are solved, a new one — the relationship between natural and artificial intelligence — will come to the forefront. Furthermore, if humanity grows up to the real emergence of the problem of “dual power of intellects,” then confrontational approaches to its solution will be immediately discarded, we can only talk about different variants of their synthesis” [13. P.195].

However, while AI has the potential to change the future of humankind for better and sustainable development, there is a growing awareness of the risks and challenges associated with AI, especially in terms of exacerbating existing inequalities and disparities. Information and communication technologies as an element of the fifth technological mode, have a defining impact on global processes. One of them, of course, is migration. Thus, one of the global migration trends was the mass and uncontrolled arrival of migrants from the Middle East and Africa to Europe in 2014—2016, called the “migration crisis.” This process is closely intertwined with technology and innovation.

Thus, it is evident that ethical issues related to the dynamic development of innovative technologies affect individuals and the entire human community as well. In his paper *Humans and Robots*, Sven Nyholm, Professor at the Ludwig Maximilian University of Munich (LMU München), states that creating new types of information technology will affect the future of human development. Developments in artificial intelligence, allowing the transmission and processing of information in digital form, are not just auxiliary means for solving various applied problems but a change in the cardinal values of culture. Digitalization of life is a global anthropological challenge [14].

The second risk-oriented approach includes transhumanist research. In 1998, the World Transhumanist Association (now — Humanity+) was founded, advocating technologies related to enhancing human intelligence, developing the human body, and improving the quality of life. Much attention was paid to the development of quantum technologies, with the help of which it will be possible to integrate not only technical but also biological systems, which allows strengthening the human brain. The founders of this organization were futurologist philosopher Nick Bostrom and British philosopher David Pearce. N. Bostrom, in his work *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, defines superintelligence as intelligence that surpasses the best minds of humankind in all areas, including scientific activity, ingenuity, common sense, and social skills. The concept of *transhuman* speaks to the possibility of transformation of both the individual and his or her consciousness. This gives a qualitatively new meaning to the ontological constants of man himself, the problem of personality, its identification, and values. The problem of defining and establishing the limits of using scientific and technical capabilities of new technologies in this area becomes urgent [15].

Russian philosopher E.A. Nikitina, a specialist in the theory of cognition, notes: “In the everyday and professional information-technological environment of human life, the combination of human thinking and machine computing, human

biological memory and external memory on information carriers, “face-to-face” communication and communication mediated by information technologies, bodily experience in the real-life environment and virtual environment, human and machine vision has become habitual” [16. P. 114].

Studying the interaction between technology and society, sociologist B. Sivirinov poses the question of the ratio of technology and society in the future. Technique, being an element of society in the process of relative autonomization and alienation in the 21st century, acquires a new quality. These innovations are directly related to the problems of ethics, as they produce *the cyborgization* of the new society. Humans and society are functionally connected to cybermechanical systems of automata in production, everyday life, politics, and culture. “Technics — cybernetic devices can have a negative impact, deforming social and interhuman relations. The contradictory nature of this interaction gives rise to two tendencies: *symbiosis* and *cyborgization*” [17. P. 93].

Russian scientist in applied mathematics Moiseyev N.N. emphasizes that robotization of production changes not only the nature of labor but also relations in many social structures. This poses a danger if one fully entrusts the solution of these issues to computer systems. These concerns range from possible criminal acts to the spread of misinformation.

Comprehending the social, intellectual, and cultural implications of the mass adoption of information technologies, especially AI, depends on the quality of training of professionals in various fields of human endeavor [18]. To outline possible scenarios and harness the potential of AI to realize development opportunities while maintaining control over risks, it is vital to develop a more comprehensive understanding of how society is changing under the impact of revolutionary technologies such as AI. Such work must be accompanied by ethical analysis since AI tech, as noted above, is not neutral but is described by intrinsic biases due to the data that are used in their training and the decisions that are made in the training process using that data, and because AI decisions cannot be entirely predictable. Additionally, since AI is a distributed technology that is now managed in practice by multiple actors — institutions, organizations, and companies — a pluralistic, interdisciplinary, multicultural, and multistakeholder approach is needed to analyze the responsible management of AI systems to stimulate discussion about what kind of future for humanity, we are striving for [19]. This analysis needs to address the significant challenges in the development of AI technologies regarding the biases embedded in algorithms, including the risks of creating new forms of exclusion and dehumanization, as well as issues of equitable distribution of benefits and risks, accountability, responsibility, evolution of work, human dignity, safety, and dual-use risks.

Conclusions

This research topic is highly relevant, as the informatization of society and the dynamic development of artificial intelligence technology has the potential for

qualitative changes in society as a whole and the individual separately. As a result of using comparativist methods, the following conclusions are made:

- Artificial intelligence is an innovative technology that requires effective and ethical management by actors.
- Equipping various human activities with computer systems changes the whole structure of cognition.
- An interdisciplinary political, cultural, and multilateral approach is needed to analyze artificial intelligence's ethical and responsible management.
- Innovations of artificial intelligence are directly related to many ethical problems, starting with the elimination of traditional jobs and responsibility for possible physical or psychological damage to humans and ending with the general dehumanization of relations between people and society as a whole, as the digitalization of life becomes a global anthropological challenge.
- There is a need to create a state-national code of ethics for artificial intelligence, which will develop common principles and standards of behavior that can guide actors in their activities.

References / Список литературы

- [1] Kvon DA, Pavlova TP, Tsvyk IV. *Philosophy and methodology of artificial intelligence*. Moscow: MAI publ.; 2021. (In Russian).
Квон Д.А., Павлова Т.П., Цвык И.В. Философия и методология искусственного интеллекта. М. : Изд-во МАИ, 2021.
- [2] Crawford K. *Artificial Intelligence's White Guy Problem*. The New York Times, Opinion. 25 June 2016. Available from: <https://www.nytimes.com/2016/06/26/opinion/sunday/artificial-intelligences-white-guy-problem.html> (accessed: 05.06.2023)
- [3] Habermas Yu. *Moral consciousness and communicative action*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2003. (In Russian).
Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.
- [4] Ivanov DV. *Virtualization of society. Version 2.0*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie publ.; 2002. (In Russian).
Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002.
- [5] Turing A. *The Imitation Game: about ciphers, codes and artificial intelligence*. Moscow: Rodina publ.; 2019. (In Russian).
Тьюринг А. Игра в имитацию: о шифрах, кодах и искусственном интеллекте. М. : Родина, 2019.
- [6] Zsigmond T, Machov R, Korcsmáro E. The Ethics and Factors Influencing Employees Working in the Slovak SME Sector. *Acta Polytechnica Hungarica*. 2022;18(11):171—190. <https://doi.org/10.12700/aph.18.11.2021.11.10>
- [7] Tsvyk VA, Tsvyk IV. Social problems of development and application of artificial intelligence. *RUDN Journal of Sociology*. 2022;1(22):58—69. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69>
Цвык В.А., Цвык И.В. Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 58—69. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69>

- [8] Ashley KD. *Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
- [9] Frankish K, Ramsey WM. *The Cambridge handbook of artificial intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
- [10] Wiener N. *Machines are more inventive than people?* Available from: http://grachev62.narod.ru/cybern/append_4.htm (accessed: 11.06.2023). (In Russian).
Винер Н. Машины изобретательнее людей? Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/cybern/append_4.htm (дата обращения: 11.06.2023).
- [11] Simondon J. About the mode of existence of technical objects. *Translit*. 2011;(9):94–105. (In Russian).
Симондон Ж. О способе существования технических объектов // Транслит. 2011. № 9. С. 94—105.
- [12] Chernigovskaya TV. *The Cheshire smile of Schrodinger's cat: language and consciousness*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury publ.; 2017. (In Russian).
Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017.
- [13] Nazaretyan AP. *Intelligence in the Universe: history, formation, prospects*. Moscow: Nedra publ.; 1991. (In Russian).
Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: история, становление, перспективы. М. : Недра, 1991.
- [14] Nyholm S. *Humans and Robots: Ethics, Agency, and Anthropomorphism*. Rowman & Littlefield Publishers; 2020.
- [15] Bostrom N. *Artificial intelligence. Stages, Threats. Strategies*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2016. (In Russian).
Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- [16] Nikitina EA. Artificial intelligence: philosophy, methodology, innovations. *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*. 2014;(2):108—122. (In Russian).
<https://doi.org/10.17726/philit.165.12>
Никитина Е.А. Искусственный интеллект: философия, методология, инновации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2. С. 108—122. <https://doi.org/10.17726/philit.165.12>
- [17] Sivirinov BS. Technology and society in the future: symbiosis or cyborgization. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017;3(13):93–99. (In Russian).
https://doi.org/10.12737/article_595cd7fba8a508.16718012
Сивиринов Б.С. Техника и социум в будущем: симбиоз или киборгизация // Уровень жизни населения регионов России. 2017. Т. 13. № 3. С. 93—99. https://doi.org/10.12737/article_595cd7fba8a508.16718012
- [18] Tsvyk VA, Tsvyk IV. Moral values of professional activity in information society. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;3(19):530—542. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-530-542>
- [19] Payne K. Artificial Intelligence: A Revolution in Strategic Affairs? *Survival Magazine*. 2018;5(60):7—32. <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1518374>

About the authors:

Tsvyk Vladimir A. — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Department, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-7814-5504

Tsvyk Irina V. — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University); Associate Professor, Part-time Department, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: tsvykirina@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8597-2498

Pavlova Tatiana P. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia (e-mail: vptp52@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2674-496X

Сведения об авторах:

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-7814-5504

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет); доцент, очно-заочное отделение, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: tsvykirina@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8597-2498

Павлова Татьяна Петровна — кандидат философских наук, доцент, кафедра философии Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия (e-mail: vptp52@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2674-496X

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-940-956>
EDN: RQVYAF

Научная статья / Research Article

Влияние нейронаук на понимание телесной обусловленности когнитивных процессов: социально-антропологический аспект

Е.В. Чапны

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344004, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105
 elena_chapny@mail.ru

Аннотация. Представлен концептуальный анализ основных подходов к изучению человеческого мозга и сознания с позиций современной отечественной и зарубежной нейронауки. Раскрываются актуальные трактовки таких проблемных вопросов и концептов, как «граница человеческого тела», «воплощенное познание», «общий искусственный интеллект», «самость» и др. С позиции телесно-ориентированного подхода рассматривается проблема коэволюции тела, сознания, технологий и социальной среды. Актуализируется представление о теле как артефакте в контексте технологического изменения человеческой природы, влекущего элиминацию живого человеческого тела. На примере гомеровского эпоса показано, что попытки преодоления уязвимости демонстрируют одну из фундаментальных потребностей человека. Реализация потребности к расширению и вынесению границ тела в антропотехнологической среде представлена в образе киборга. Высказано предположение, что идея «воплощенного ума» (а также проекты по созданию гибридной реальности и «панкоммуникации»), могут проистекать из глубинной потребности человека в телесном вовлечении в окружающий мир. Раскрываются особенности создания Искусственного интеллекта (ИИ) и Общего искусственного интеллекта (ОИИ) на современном этапе. Отмечается целесообразность изучения результатов нейронаучного постижения организации психических процессов, в первую очередь, в области визуализации мозговых процессов и методе картирования. Рассмотрены основные современные проекты по изучению мозга, а также наиболее эффективные методы получения данных о структурах мозга. Описаны актуальные результаты исследования по таким областям нейронауки, как изучение зеркальных нейронов и их систем; «чтение мозга», изучение нейронных коррелятов сознания. Изложены результаты исследований представителей отечественной нейронауки. Человеческое «Я» рассматривается как уникальная структура Эго-системы мозга («самость»). В заключении делается вывод о существенном влиянии современной нейронауки на понимание особенностей функционирования человеческого мозга, сознания и когнитивных процессов; выявляется эффективность применения телесно-ориентированного подхода к постижению целостности «тело — сознание — технологии — социальная среда».

© Чапны Е.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: психофизическая проблема, телесно-ориентированный подход, воплощенный разум, Общий искусственный интеллект, самость

История статьи:

Статья поступила 24.07.2023

Статья принята к публикации 10.09.2023

Для цитирования: *Чапны Е.В.* Влияние нейронаук на понимание телесной обусловленности когнитивных процессов: социально-антропологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 940—956. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-940-956>

The Influence of Neurosciences on Understanding the Bodily Conditioning of Cognitive Processes: a Socio-Anthropological Aspect

Helen V. Chapny

South Federal University,
105 B. Sadovaya St., 344004, Rostov-on-Don, Russian Federation
elena_chapny@mail.ru

Abstract. The study presents a conceptual analysis of the main approaches to the study of the human brain and consciousness from the standpoint of modern domestic and foreign neuroscience. Relevant interpretations of such problematic issues and concepts as “the boundary of the human body”, “embodied knowledge”, “general artificial intelligence”, “self”, etc. From the standpoint of a body-oriented approach, the problem of co-evolution of the body, consciousness, technology and social environment is considered. The idea of the body as an artifact is updated in the context of technological change in human nature, which entails the elimination of the living human body. On the example of the Homeric epic, it is shown that attempts to overcome vulnerability demonstrate one of the fundamental human needs. The realization of the need to expand and push the boundaries of the body in the anthropotechnological environment is presented in the form of a cyborg. It is suggested that, in terms of content, the idea of the “embodied mind”, as well as the project of creating a Hybrid reality and pan-communication, stem from the immanent human need for bodily involvement in the surrounding world. The features of the creation of Artificial Intelligence and Artificial General Intelligence at the present stage are revealed. The expediency of studying the results of neuroscientific comprehension of the organization of mental processes, first of all, in the field of visualization of brain processes and the mapping method, is noted. The main modern projects for the study of the brain, as well as the most effective methods for obtaining data on brain structures, are considered. The actual results of the research are described in such areas of neuroscience as: the study of mirror neurons and their systems; “reading the brain”, the study of neural correlates of consciousness. The results of studies of representatives of domestic neuroscience are presented. The human “I” is considered as a unique structure of the Ego-system of the brain (“self”). In conclusion, a conclusion is made about the significant influence of modern neuroscience on understanding the features of the functioning of the human brain, consciousness and cognitive processes; the effectiveness of applying the body-oriented approach to comprehending the integrity of “body-consciousness-technologies-social environment” is revealed.

Keywords: mind-body problem, body-oriented approach, embodied mind, Artificial General Intelligence, self

Article history:

The article was submitted on 24.07.2023

The article was accepted on 10.09.2023

For citation: Chapny HV. The Influence of Neurosciences on Understanding the Bodily Conditioning of Cognitive Processes: a Socio-Anthropological Aspect. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):940—956. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-940-956>

Введение

Отличительной чертой развития современных социокультурных и антропотехнологических практик является фокусировка на человека и «телоориентированность». Человек пребывает в процессе «незавершающегося самопреобразования». Он одновременно включен в обеспечение собственной безопасности и многочисленные социальные связи, которые затрагивают его телесное и когнитивное существование. В этой связи в современной философии сознания и языка, социальной философии и когнитивной науке широкое развитие получил телесно-ориентированный подход к изучению человеческого мозга, сознания и когнитивных процессов. Базовой основой развития подобной «телоориентированности» стали результаты исследований в сфере нейрофизиологии, биологии, биоинформатики и других научных областях, предлагающих к философскому осмыслению многочисленные результаты экспериментальных данных, полученные в ходе изучения человеческого мозга и сознания.

Основоположниками телесно-ориентированного подхода к пониманию ментальных и когнитивных процессов (идея «воплощенного ума») считаются Ф. Варела и У. Матурана [1]. Это направление совместимо с некоторыми исследованиями в нейрофизиологии, например, теория сознания В. Рамачандрана [2], Дж. Эдельмана [3], А. Дамасио [4], К. Фрита [5]. Идею «воплощенного ума» созвучна теория познания Ж. Фальконера и М. Тернера. В ранних работах докритического периода И. Канта можно проследить схожее представление о соотношении разума и тела. Близкие этому учению взгляды высказывали и такие философы XX в., как М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Сэнтаяна, Мигель де Унамуно, М. Хайдеггер и др.

Телесно-ориентированный подход прослеживается в концепции энактивизма, определяемый Е.Н. Князевой как «совокупность теоретических представлений, которые коренятся в биоэпистемологии (натуралистической эпистемологии)». По ее мнению, «энактивизм рассматривает сознание и его функции в контексте понимания сложности живого и природы сложных формообразований в мире» [6. С. 91]. В отечественной философской мысли

проблема соотношения тела и сознания, телесного и ментального разрабатывается в работах М.А. Богдановой, Н. Визитея, Л. Жарова, В. Круткина, С.И. Масаловой, В. Подороги [7], Е.Я. Режабека, А.А. Филатовой, В.А. Шкуратова и др.

Идея «воплощенного ума» и «отелесненного» познания предполагает, что понятийное мышление связано с телом и мозгом. Разум во многом обусловлен телесным опытом, воплощен в теле и мозге.

Новая парадигма задает вектор исследования телесной обусловленности мозга, сознания, ментальных и когнитивных процессов (не отвергая «идеальности» человеческого разума и его продуктов). Телесно-ориентированный подход «выявляет необходимость учета телесных детерминант духовной деятельности и познания» [8. С. 16]. Он разрабатывается И.А. Бесковой, Е.Н. Князевой, В. Будановым, А. Майдановым, А. Андриющенко [9] и др. Исследование человеческого тела в контексте социальных и биомедицинских технологий, а также возникающая в этой связи этическая проблематика представлены в работах О.В. Поповой [10] и Б.Г. Юдина [11]. Детальный анализ связи абстрактного мышления и тела представлен в работах М. Джонсона и Дж. Лакоффа¹.

«Границы человеческого тела»

Сложность современного разговора о «простой» телесности состоит в том, что, с одной стороны, телу человека присваиваются уникальные персональные характеристики, когда «за субъективацией человеческого тела скрываются общецивилизационные процессы гуманизации» [10. С. 4]. С другой стороны, тело все чаще понимается как объект технологизации, улучшения и совершенствования. Так тело становится промежуточным конструктом природы, культуры и технологий. Границы такого сложного феномена, как тело, в значительной степени размываются. В этой связи, на первый план выходят проблемный вопрос определения границ человеческого тела, а также вытекающий из этой проблематики вопрос корреляции человеческого тела и технологий.

Согласно К. Фриту между телом и остальным материальным миром нет четкой границы в том виде, в котором мы ее представляем. Этот тезис подтверждается в ходе многочисленных экспериментов, которые показывают, как ощущения могут выходить за пределы тела человека и переноситься на внешний объект [5. С. 101—105]. Например, эксперименты с кистями рук испытуемых².

¹ Авторы демонстрируют, что человеческий разум во многом обусловлен физической природой и телесным опытом. В данном контексте подчеркивается фундаментальная воплощенность человеческого разума.

² Следует положить кисть руки на стол и закрыть ее ширмой от собственных глаз. Рядом поместить резиновую руку и одновременно дотрагиваться до них обеих мягкой кисточкой.

Наряду с тенденцией размывания границ человеческого тела интенсивно актуализируется представление о теле, как артефакте, который конструируется в соответствии с гендером, нормами, культурными традициями и т.д. Детальный анализ такого явления, как превращение тела в артефакт, описан в монографии О.В. Поповой: «артефакты — это не только окружающие нас объекты, но и наши тела, собранные, сконструированные в соответствии с теми или иными нормативными требованиями. Гендерные каноны телесности эксплицируют тело как культурную схему, абстракцию, артефакт» [10. С. 45]. В авторском контексте среди различных форм «артефактичности» человеческой природы следует выделить, во-первых, «естественную артефактичность», суть которой составляет понимание человека как вершины творчества; во-вторых, стремление изменить биологические основы в результате неудовлетворенности естественными функциями, изначально данными в человеческой телесности.

Речь идет о попытках изменить, трансформировать, «улучшить» человеческую природу, что вызывает энтузиазм у представителей трансгуманизма. Развитие технологий усовершенствования человеческого тела (стремление к преодолению болезней и уязвимости) приводит к элиминации настоящего живого человеческого тела. В философских коннотациях это нашло выражение в популяризации темы жизни, смерти и страданий, а также распространение представлений о человеке как диссоциированном существе с выделением какого-либо определяющего человеческое существование свойства.

Желание преодолеть собственную уязвимость является одной из фундаментальных потребностей человека. Как отмечалось в наших прежних работах, во времена архаики (предфилософская традиция, гомеровский эпос) еще нет четкого разграничения тела и души. «Поэтому во избежание концептуальных погрешностей наряду с “телом” употребляются понятия “телесное” или “измерения телесного”. Эта тенденция позволяет говорить о выявлении телесных детерминант ментальных процессов, что выражается в формуле “Искали дух, а наткнулись на тело”» [12. С. 15].

В связи с этим в эпическом герое Гомера исследователя интересуют ««думающие и чувствующие внутренности», “органы без тела”, “измерения телесного” (визуальные и тактильные)..., познание героя через физический

При этом испытуемый видит только поглаживание кисточки по резиновой руке. Через некоторое время человек не будет чувствовать прикосновения кисточки к своей руке, а будет ощущать их там, где кисточка касается резиновой руки. Подобные эксперименты дополняют представления об орудиях труда, как органопроекциях. Всякий раз, когда человек использует объекты материального мира как орудия, тело получает свое продолжение за счет этих предметов. Человек может не чувствовать непосредственно, когда что-то соприкасается с предметом в его руке. Орудия не имеют прямой связи с мозгом. Но человеку свойственно ощущать положение руки, так как в мышцах и суставах есть нейроны, отвечающие за чувственное восприятие.

контакт с ним (по шраму, по протыканию копьем и т.д.)³ [13. С. 467–468]. Исследование языка Гомера при описании “органов” героев выявляет, что они (органы) живут “ментальной” и “психической жизнью” [12. С. 15]. По этой причине «их не только трудно локализовать, но и с точностью определить “функции” каждого. Под *etor*, например, может подразумеваться сразу все — от желудочного сока до души» [14. С. 186].

Тело эпического героя у Гомера становится важной частью процедуры телесного освоения и познания мира. Стремление соединиться с миром, тотемным животным и т.д. можно сопоставить сегодня с усиливающимся желанием человека быть частью технического устройства, что, на наш взгляд, также связано со стремлением реализовать потребность человека в устранении телесной уязвимости. Этот процесс предполагает расширение границ, в том числе за счет артефактов мира «второй природы», создаваемых человеком.

Как отмечает В. Чеклецов, в настоящее время мы наблюдаем, как «...границы наших тел "размываются" в физическом, физиологическом, экологическом, психосенсорном, экзистенциальном измерении» [15. С. 107]. «Размывание границ» может привести к ситуации, когда каждое изменение целостности «тело — сознание — среда» будет кодироваться в определенный сигнал, который можно транслировать во Всемирную сеть. Речь идет о наступлении эры «*всеобщей всепроникающей тотальной межсвязности* — когда любой артефакт, система или процесс физического, биологического, ментального мира могут быть связаны как между собой, так и с любым виртуальным «объектом» или системой мира цифрового» [15. С. 107].

Потребность к расширению и вынесению границ собственного тела в антропотехнологической среде реализуется в том числе за счет приобретающего популярность образа киборга. По словам О.В. Поповой, «в технологически развитой среде киборг интересен тем, что он возможен» [10. С. 56]. Киборг, как слияние органического и неорганического, может быть представлен как пример дуализма, указывающего на слабые места современного мира и непрекращающийся поиск места человека в нем. В появлении образа киборга можно усматривать очередную попытку преодоления ограниченности самопознания, где «человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду» [16. С. 128].

Таким образом, в содержательном плане идея «воплощенного ума», равно как и проект создания гибридной реальности и «панкоммуникации»⁴,

³ Речь идет о сцене, в которой кормилица Одиссея Эвриклея, зная его с детства, омывает «чужестранцу» ноги и, нащупав шрам, узнает по нему Одиссея.

⁴ Состояние всеобщего единения обозначается термином «панкоммуникация» — ситуация, когда делокализация (в том числе делокализация тела) приводит к взаимодействию технологий человека и его культурной среды. Такая гибридная среда предполагает реализацию проектов Интернета вещей и Разумной среды. В Китае, Японии, странах ЕС эти проекты, как

на наш взгляд, проистекает из имманентной потребности человека в телесном вовлечении в окружающий мир, где нет четкой границы, отделяющей внутреннее от внешнего, где ничто не мешает физическому смешению и взаимопроникновению; где тело — проводник, интерфейс, с помощью которого осуществляется связь внутреннего и внешнего миров, связь сознания со средой. Возможно, что человек пользуется этот интерфейс (органическое тело) далеко не на полную мощность и знает очень мало о возможностях, которые ему предоставляет тело. Возникают ситуации, когда человек стремится изменять органическое тело изнутри посредством нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий; и, в то же время, делает попытки «выносить границы» своего тела наружу через технологии гибридной реальности и «панкоммуникации».

Но если согласиться с М. Джонсоном в том, что у человеческого тела есть, как минимум, пять измерений (тело как биологический организм, экологическое тело, феноменологическое тело, социальное тело, культурное тело) [17. Р. 163–166], каждое из которых представляет собой океан смыслов, то возникает вопрос, сможем ли мы воспроизвести эти смыслы, создать их удачную полную копию для того, чтобы впоследствии пересадить сознание (если, конечно, будет найден ответ на вопрос, что есть сознание) на небиологический субстрат? Может ли проект создания Гибридной среды стать совершеннее мудро-организованной целостности «тело-сознание-среда»? Не получится ли так, что в попытке освободиться от «оков» брэнного изнашиваемого тела мы утратим и нечто очень важное? Ведь, как справедливо отмечает В.С. Степин, «человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован... Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [18. С. 19].

Таким образом, современные попытки человека, связанные с устранением собственной уязвимости путем расширения границ тела дополняются стремлением к познанию человеческого мозга и его функционирования, в том числе, с помощью Искусственного интеллекта (ИИ) и Общего искусственного интеллекта (ОИИ).

Основные направления изучения мозга и сознания в современной отечественной и зарубежной нейронауке

Международное сообщество в настоящее время вступило в фазу создания Общего искусственного интеллекта (далее ОИИ). В англоязычной литературе данный термин обозначается как AGI (Artificial General Intelligence).

основные направления гибридной реальности и панкоммуникации, приняты на государственном уровне в качестве приоритетных направлений, наряду с нанотехнологиями, и обусловлены ожиданием социополитических, экономических и социокультурных эффектов.

Основные задачи создания ОИИ в современной русскоязычной литературе представлены в коллективной монографии под редакцией А. Ведяхина [19]. Методологические вопросы разработки ОИИ изложены в статье Д.И. Дубровского, в которой возможность осуществления прорыва в области создания ОИИ усматриваются в особом методологическом подходе, «требующем учета и использования результатов исследования сознания, которые выносились за скобки в классической методологии А. Тьюринга» [20. С. 85].

Речь идет о привлечении к созданию ОИИ широкого спектра междисциплинарных исследований на стыке философии и нейрофизиологии. Отмечается целесообразность изучения результатов нейронаучного постижения организации психических процессов, и прежде всего «тех операциональных динамических структур, которые специфичны для осуществления сознательной деятельности» [20. С. 85]. На первый план выходят успехи нейронауки в визуализации мозговых процессов и методе картирования. Исследования визуализации мозговых процессов и картирование мозга имеют непосредственное отношение к созданию когнитивных архитектур ОИИ и интеллектуальной робототехники.

По существу, речь идет о попытке решения «трудной части» проблемы сознания (Д. Чалмерс) и ее двух основных вопросов с позиций информационного подхода, который наполняется в процессе получения новейших результатов в области нейронауки. Попытаемся объяснить связь сознания с мозгом, если явлениям сознания нельзя приписывать физические свойства. О формулировке и преломлении «трудной» и «легкой» части проблемы сознания к сфере соотношения телесного и ментального подробно говорилось в наших ранних работах [12. С. 97–99].

На сегодняшний день в мире существуют несколько крупных проектов по изучению мозга и его функционирования. Один из них — дорогостоящий проект, разрабатываемый учеными США, «Человеческий коннектом». Его суть состоит в создании «карты взаимодействий» для получения данных об анатомических связях в мозге человека. Этот проект коррелирует с проектом «Открытый коннектом» и направлен на создание базы данных о коннектомах живых организмов.

В 2013 году в США инициирован проект «Исследование мозга через продвижение инновационных нейротехнологий» (другое название «Карта мозговой активности»). В рамках этого проекта осуществляется картирование активности каждого нейрона в мозге человека. Цель состоит в выявлении взаимодействий отдельных клеток и нейронных цепочек. В том же году в Европе стартовал проект «Человеческий мозг» (координируется Федеральной политехнической школой Лозанны). Этот проект нацелен на целостное понимание мозга человека за счет интеграции знаний о норме и патологии. Главной задачей проекта является развитие нейророботизированных технологий.

В 2014 году в Японии был запущен проект «Картирование мозга интегрированными нейротехнологиями для исследования заболеваний». В этом проекте используется мозг обезьяны как модель исследования нейронных связей, влекущих мозговые нарушения. В частных исследовательских организациях также реализуются проекты по изучению мозга человека. Наиболее крупной из них является Институт исследований мозга Аллена [21. Р. 391], где создается атлас человеческого мозга. «Это высоконадежная информационная система, интегрирующая данные, собранные посредством визуализации живого мозга, микроскопических исследований тканей и секвенирования ДНК для сбора информации о мозге мышей, нечеловекоподобных приматов и людей» [22. С. 283–284]. Собранные информация содержит данные о нейронных связях и отдельных нервных клетках, а также демонстрирует активность определенных генов.

Все эти и многие другие проекты применяют различную методологию, в том числе технологии исследования мозговых структур и связей на нейронном уровне. Среди методов получения информации о работе мозга человека в настоящее время широко применяется нейровизуализация (методы визуализации, которые используются неинвазивно). Она, в свою очередь, делится на структурную и функциональную визуализацию. Структурная визуализация помогает в получении данных о структурах мозга и заболеваниях, связанных со структурными изменениями. Функциональная визуализация позволяет диагностировать изменения, влияющие на функционирование мозга, но не всегда затрагивающие крупные структуры.

Для получения информации о трехмерной структуре тканей мозга применяется метод деления мозга на воксели. «Воксель — это трехмерный эквивалент пикселя в двухмерных изображениях... это прямоугольный параллелепипед, представляющий собой базовый элемент объема со сторонами, зависящими от метода визуализации» [22. С. 284]. Размер вокселя может варьироваться от доли миллиметра до сантиметра, в зависимости от метода визуализации. Несколько вокселей совмещаются в срезы для получения трехмерной информации о мозге.

Исследование зеркальных нейронов и их систем

Последние результаты изучения зеркальных нейронов и их систем позволили лучше понять связь сенсорных и моторных функций мозга человека. Выяснилось, что зеркальные нейроны объединяют зрительное восприятие и его моторную репрезентацию [23]. Иными словами, когда мы наблюдаем, как другой человек выполняет некоторое действие, в нашем мозге происходит моторный акт, как если бы мы сами выполняли это же самое действие. Такая моторная репрезентация помогает лучше понять другого человека, благодаря пониманию его действия через созерцание. Кроме того, моторные репрезен-

тации наблюдаемого действия способствуют обучению при помощи подражания. Примеры подобного подражания хорошо известны и подробно описаны. Это наблюдение за работой взрослого и подражание ребенка в процессе обучения, работа мастера и подмастерья и т.д. Зеркальные нейроны и системы делают возможным также акт сопереживания. Способность зеркальных нейронов подражать на уровне первичных эмоций, облегчает социальную коммуникацию.

Зеркальные нейроны и системы способны осуществлять семантическую и моторную категоризацию. Имеется в виду категоризация объекта и категоризация действия. Согласно Дж. Риццолатти, моторная категоризация является первичной. На ее основе формируется перцептивный опыт, а затем — семантическая категоризация.

«Чтение мозга»

Другим перспективным направлением современной нейронауки становится «чтение мозга». Это научное направление основывается на методах картирования и визуализации. «Чтение мозга» нацелено на расшифровку кодов нейродинамических коррелятов психических процессов. С помощью технологии глубоких нервных сетей нейрофизиологи могут осуществлять визуализацию изображения (по данным функциональной магнитно-резонансной томографии), которое человек видит во время сканирования мозга. Благодаря этому же принципу ученые научились и обратному действию — декодированию слов из мозга с погрешностью в 3 %.

Среди методов структурной и функциональной визуализации активно применяются компьютерная томография, ближняя инфракрасная спектроскопия, позитронная эмиссионная томография, магнитно-резонансная томография (используется чаще остальных методов), электроэнцефалография, магнитоэнцефалография, оптический сигнал, связанный с событием. Медицинские и нейронаучные исследования на основе извлечения информации из мозга (в том числе визуальной информации) играют значимую роль в определении вектора развития дальнейших разработок в этой области. В этом смысле «чтение мозга» способно моделировать когнитивные процессы при условии, что мыслительный акт, с которым работает нейрофизиолог, четко выделен и описан феноменологическими методами. Методы нейровизуализации широко используются для изучения человеческого мозга, а также при создании карт активации. «МРТ-исследование всего мозга позволяет ученым классифицировать воксели... создано несколько атласов человеческого мозга, например Вероятностный атлас и Справочник человеческого мозга..., а также Атлас большого мозга» [22. С. 303–304].

Еще одним направлением нейронауки, которое получило широкое развитие в последние два десятилетия, является изучение *нейронных коррелятов сознания*. Различают полные нейронные корреляты и контент-специфические нейронные корреляты сознания. Первые представляют собой абсолютно

любое общее состояние сознания, вторые — определенное содержание сознания, которое может быть расшифровано посредством процедуры «чтения мозга». Коррелят, как правило, помогает осуществить вход в сложную кодовую систему мозга.

Среди отечественных представителей нейронауки отметим работы К. Анохина. Он отмечает, что для разработки «биологоподобного ИИ» требуется разработка «нейронаучной теории естественного интеллекта». В авторском контексте именно она «должна решать фундаментальный вопрос о том, откуда из операций нервной системы берутся свойства разума и сознания» [24. С. 44]. Идеи, высказанные в концепции Анохина, вносят весомый вклад в изучение нейронной сети мозга и построения ее математических моделей [25].

Кроме того, среди отечественных разработок в области нейронауки следует отметить исследования В.Я. Сергина. Ученый разрабатывает концепцию, в рамках которой главная роль в процессе восприятия отведена функции «объемлющей характеристики» [26]. Благодаря этой функции сенсорные системы создают на каждом уровне восприятия объемлющие характеристики. Они, в свою очередь, выступают не простой суммой признаков, а их синтезом, который обусловлен целями индивида, в том числе, адаптацией. Объемлющие характеристики складываются в иерархию, где на каждом уровне нивелируются мелкие незначительные детали.

«Я», «самость» и «мозговые карты»

Согласно последним данным нейронауки, человеческое «Я» представляет собой уникальную структуру эго-системы мозга, или «самость», которая содержит особенные личностные свойства индивида. Изучению таких систем посвящены работы крупных нейрофизиологов: А. Дамасио, К. Коха, Д. Матюшкина, В. Рамачандран, Дж. Тононони, Дж. Эдельман, К. Фрит и др.

Взгляды представителей нейронауки на «Я» и «самость» различны. От представления о «самости» как обязательной темы исследований до представлений о преждевременности рассмотрения «самости» как отдельного объекта исследования.

А. Дамасио полагает, что открытия в области нейронаук, в особенности нейробиологии, психологии, а также наук, изучающих и создающих ИИ, приближают человечество к разгадке тайны сознания. По его мнению, эксперты в области ИИ сегодня в большей степени сконцентрированы на феномене интеллекта. Тогда как чувства нередко выносятся за границы исследований.

Согласно Дамасио включение этого элемента в технологию создания робототехники может значительно улучшить качество и эффективность реакций, что сделает поведение робота более «разумным» по сравнению с тем, каким оно было при отсутствии данных, получаемых благодаря чувствам и

телесным исполнительным элементам. Дамасио показывает, что чувства способствуют эффективному протеканию гомеостаза⁵. Основной вопрос состоит в следующем: является ли человеческое существо «чувствующим видом», который может думать, или человек — это «коллективно мыслящий вид», который также способен чувствовать?

Дамасио утверждает: «В рассуждении о наделенной сознанием психике я отдаю приоритет человеческому “я”, самости. Я убежден, что наделенная сознанием психика возникает тогда, когда к базовым психическим процессам добавляется процесс самости. Психика, лишенная самости, строго говоря, не обладает сознанием» [4. С. 20]. «Самость» — достоверный помощник в деле познания психики. Некоторые аспекты самости, с помощью которых человек интерпретирует окружающий мир и себя, продолжают развиваться в настоящее время на культурном и биологическом уровнях. При этом «я» («самость») понимается как процесс, который может быть рассмотрен с двух точек зрения. Во-первых, это позиция наблюдателя, который изучает динамический объект. Такой объект включает психическую деятельность и определенные свойства поведения и обозначается «я-как-объект». Во-вторых, это «позиция «я-как-носителя-знания» — процесс, который является центром всего нашего опыта и, в конце концов, дает возможность этот опыт осмыслить» [4. С. 21]. Таким образом, мы видим, что идея «самости» имеет двойственный характер. Две идеи «я» соответствуют двум этапам эволюционного развития «я». По охвату «я-как-носитель-знания» шире «я-как-объект».

Понятие «я-как-объект» представлено в работах Дамасио следующим образом: «динамическая совокупность интегрированных невральных процессов, ориентированная на репрезентацию живого организма и находящая свое выражение в динамической совокупности интегрированных ментальных процессов» [4. С. 22]. При этом «я-как-носитель-знания» сложнее выявить в психике и физиологии. Но роль этого уровня самости в функционировании сознания велика. Существование «я-как-носитель-знания» становится «...поворотным моментом биологической эволюции...он нахлобучен на «я-как-объект» сверху, и новый уровень нейронных процессов становится причиной появления еще одного уровня ментального» [4. С. 22]. «Я-как-объект» и «Я-как-носитель-знания» не противопоставляются друг другу. Они представляют собой единую протяженность в развитии. «Я-как-носитель-знания» вырастает из «я-как-объекта». При этом верхние слои «я» («Я-как-носитель-знания») испытывают влияние социокультурных взаимодействий, а также СМИ, новостных лент, социальных сетей и т.д.

Отсюда следует тезис о том, что ощущения, чувства, эмоции и «самость» в конечном счете приводят к созданию человеческого общества и культуры.

⁵ Гомеостаз — саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды.

Мозг функционирует под воздействием «самости», которая в свою очередь, предопределяет «доступный спектр» мыслей, которыми мы впоследствии «жонглируем», чтобы прийти к некоторому мысленному заключению. Это порождает ряд вопросов: являемся ли мы хозяевами своего разума? Обладаем ли свободой выбора? Каков механизм принятия решений?

Подобные вопросы в очередной раз подводят к обсуждению «трудной» части проблемы сознания, сформулированной Д. Чалмерсом. Дамасио считает «трудную проблему» сознания биологически необоснованной идеей. Согласно Чалмерсу трудная проблема сознания заключается в выяснении того, почему и как мы имеем квалиа и феноменальный опыт. Согласно Дамасио даже если удастся решить этот вопрос, трудная проблема сохранится, даже когда будет объяснено выполнение всех соответствующих функций. Он исходит из гипотезы, что сознание представляет собой средство адаптации людей к различным угрозам для обеспечения гомеостаза. Если организм находится в состоянии, способствующем гомеостазу, то возникают приятные ощущения, эмоции и чувства. И наоборот.

В работе «В поисках Спинозы...» Дамасио утверждает, что Спинозе интуитивно удалось постичь величайшую роль, которую играют чувства в процессе формирования сознания. «Эта детерминация все чаще стала подтверждаться результатами исследований, подкрепляющими представление о том, что определенные области мозга отвечают за постоянный мониторинг состояния всего тела, учитывая как внешние..., так и внутренние... факторы. Основные образы в потоке мышления — это изображения некоторых событий тела (внутри или вне его). Основание этих образов — набор «мозговых карт», т.е. совокупность данных, полученных от нервных окончаний в каждой части тела. Эти «мозговые карты» или «карты тела в мозге» всесторонне представляют структуру тела в каждый момент времени. Одни карты отображают мир внутри организма, другие — внешний мир» [27. Р. 68].

Нейрофизиолог К. Фрит также отмечает, что мозг способен создавать карту окружающего нас мира. На карте отображаются такие объекты, которые имеют для нас наибольшую значимость и предсказывают поощрение. Здесь же отображены объекты, которые обладают для нас низкой ценностью и предвещают наказание» [5. С. 154]. К. Фрит утверждает, что у человека есть единственная мозговая карта, не обладающая долгосрочной памятью. Она похожа на калейдоскоп. С его помощью человек наблюдает мир. До тех пор, пока представления и предсказания мозга сбываются, рисунок на карте остается неизменным. Как только обнаруживается ошибочное представление, узор встряхивается. На месте предыдущего образуется новый. Это позволяет непрерывно корректировать поведение и подстраиваться под трансформирующуюся социальную реальность.

Таким образом, можно заключить, что существует, как минимум два главных направления функционирования сознания: управление жизнью

и сохранение жизни. Эти же принципы являются фундаментальными ценностями с биологической точки зрения. Иными словами, возникновение психики, наделенной сознанием, напрямую связано с регулированием жизни (гомеостазом). При этом современная нейронаука не исключает возможности, что ее понимание позволит лучше разобраться в истоках различных культур и их уникальных особенностей.

Следует отметить скептическое отношение современных представителей нейронауки к возможности загрузки сознания на электронный носитель. К примеру, Дамасио отвергает идею независимости сознания от субстрата и сравнивает этот процесс с ограниченной передачей одних лишь рецепторов на электронное устройство. Такие рецепторы не смогут иметь доступ к реальным вкусам и запахам. Подобная электронная «реинкарнация» может повлечь (при благоприятных условиях) смену телесных механизмов ощущений, эмоций и чувств, в результате чего может произойти такое перерождение личности человека, которое не будет иметь ничего общего с оригиналом.

Кроме того, понимание сознания, которое в настоящее время сложилось в нейронауке, порождает множество вопросов, связанных с одной из главных особенностей современного социокультурного пространства — всеобщей цифровизацией. Цифровая революция порождает прогрессирующую глобализацию человеческого сознания. Сможет ли в этих условиях быть сохранена цель социокультурной саморегуляции такой же, какой она была сформирована миллиардами лет эволюции? Или эволюционное развитие будет прервано? Подобные вопросы особенно актуальны в период стремительного развития цифровых технологий.

Заключение

В результате осмысления достижений нейронауки по перечисленным областям, можно сделать вывод о том, что в настоящее время изучение функционирования человеческого мозга, сознания и когнитивных процессов не представляется эффективным без применения телесно-ориентированного подхода и учета данных нейронауки. Можно заключить, что телесно-ориентированный подход опирается на последние результаты исследований в нейрофизиологии, нейронауке, биологии, медицине, но не отрицает при этом идеальности продуктов разума. Он гармонично продолжает синергетический подход в эпистемологии и на сегодняшний день является эффективным в таких областях научного познания, как эпистемология, когнитивистика, философская антропология, нейролингвистика, нейрофизиология и др. Данный подход уместен в широком диапазоне исследований от робототехники и искусственного интеллекта до теории социальной коммуникации. Необходимость исследований в области телесной обусловленности сознания, а также холистическое рассмотрение когнитивных процессов подтверждается экспериментальными данными в области нейронауки.

Список литературы

- [1] Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
- [2] Рамачандран В. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М. : Карьера-Пресс, 2015.
- [3] Edelman G. The remembered present: a biological theory of consciousness. New York : Basic Books, 1989.
- [4] Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания / пер с англ. И. Ющенко. М. : Карьера-Пресс, 2018.
- [5] Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М. : Астрель, 2010.
- [6] Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91—104.
- [7] Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М. : Ad Marginem, 1995.
- [8] Бескова И.А. Природа и образы телесности. М. : Прогресс-Традиция, 2011.
- [9] Бескова И.А. Телесность как эпистемологический феномен. М. : ИФРАН, 2009.
- [10] Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
- [11] Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека // Вестник российской академии наук. 2007. № 6.
- [12] Чапны Е.В. Телесная обусловленность ментальных процессов: философско-антропологический аспект: автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2016.
- [13] Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского. М. : Эксмо, 2005.
- [14] Гавриленко В. Тело у Гомера: к генеалогии понятия // Логос. 2011. № 4.
- [15] Чеклецов В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек-машина» // Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М. : Издательство МБА, 2013.
- [16] Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- [17] Johnson M. What Makes a Body? Rediscovering the Body // Journal of Speculative Philosophy. 2008. Vol. 22. N 3. P. 159—169. <https://doi.org/10.2307/jspecphil.22.3.0159>
- [18] Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М. : Издательство МБА, 2013.
- [19] Ведяхин А. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму. М. : Интеллектуальная литература, 2021.
- [20] Дубровский Д.И. Значение нейронных исследований сознания для разработки общего искусственного интеллекта (методологические вопросы) // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 83—93. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-83-93>
- [21] Hawrylycz M., Ed S. Lein, Angela L., et al. An Anatomically Comprehensive Atlas of the Adult Human Brain Transcriptome // Nature. 2012. Vol. 489 N 7416. P. 391—399.
- [22] Оливейра А. Цифровой разум: как наука меняет человечество / пер. с англ. К. Чистопольской. М. : Дело, 2022.

- [23] Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О.А. Кураковой. М. : Языки славянских культур, 2012.
- [24] Анохин К.В. Когнитивные вычисления на основе нейронных гиперсетей // Философия искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского. М. : ИИнтелл, 2017. С. 70—86.
- [25] Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39—71.
- [26] Сергин В.Я., Сергин А.В. Иерархическая модель восприятия без комбинаторного взрыва // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. Т. 69. № 5. С. 633—658.
- [27] Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*. Harcourt, 2003.

References

- [1] Maturana U, Varela F. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Moscow; 2001. (In Russian).
- [2] Ramachandran V. *The brain tells. What makes us human*. Moscow: Kar'era-Press publ.; 2015. (In Russian).
- [3] Edelman G. *The remembered present: a biological theory of consciousness*. New York: Basic Books; 1989.
- [4] Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. Jushhenko I, transl. Moscow: Kar'era-Press publ.; 2018. (In Russian).
- [5] Frit K. *Brain and soul. How nervous activity shapes our inner world*. Petrova P, transl. Moscow: Astrel' publ.; 2010. (In Russian).
- [6] Knjazeva EN. Enactivism: a Conceptual turn in Epistemology. *Voprosy filosofii*. 2013;(10):91—104. (In Russian).
- [7] Podoroga V. *The phenomenology of the body. Introduction to Philosophical Anthropology*. Moscow: Ad Marginem; 1995. (In Russian).
- [8] Beskova IA. *Nature and images of corporeality*. Moscow: Progress-Tradicija; 2011. (In Russian).
- [9] Beskova IA. *Physicality as an epistemological phenomenon*. Moscow: IFRAN publ.; 2009. (In Russian).
- [10] Popova OV. *The body as the territory of technology: from social engineering to the ethics of biotechnological design*. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitacija» publ.; 2021. (In Russian).
- [11] Judin BG. The Creation of the Transhuman. *Vestnik rossijskoj akademii nauk*. 2007;(6). (In Russian).
- [12] Chapny EV. *Bodily conditioning of mental processes: philosophical and anthropological aspect*: Abstract of the diss. ... candidate of Philosophical Sciences: 09.00.13. Rostov-on-Don; 2016. (In Russian).
- [13] Gomer. *Iliada. Odisseja*. Gnedicha N, Zhukovskogo V, transl. Moscow: Jeksmo publ.; 2005. (In Russian).
- [14] Gavrilenko V. Homer's Body: Towards the Genealogy of the Concept. *Logos*. 2011;(4). (In Russian).
- [15] Cheklecov V. *Hybrid reality. NBICS as a human-machine interface*. In: Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution. Dubrovskii DI, editor. Moscow: MBA publ.; 2013. (In Russian).
- [16] Jepshtejn MN. *From knowledge to creativity. How the humanities can change the world*. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives publ.; 2016. (In Russian).

- [17] Johnson M. What Makes a Body? Rediscovering the Body. *Journal of Speculative Philosophy*. 2008;22(3):159—169. <https://doi.org/10.2307/jspecphil.22.3.0159>
- [18] Stepin VS. A turning point in civilizational development. Points of growth of new values. In: Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution. Dubrovskii DI, editor. Moscow: MBA publ.; 2013. (In Russian).
- [19] Vedjahin A. Strong artificial intelligence: on the approaches to superintelligence. Moscow: Intellectual literature publ.; 2021. (In Russian).
- [20] Dubrovskii DI. The importance of neural consciousness research for the development of general artificial intelligence (methodological issues). *Voprosy filosofii*. 2022;(2):83—93. (In Russian).
- [21] Hawrylycz M, Ed S. Lein, Angela L, et al; An Anatomically Comprehensive Atlas of the Adult Human Brain Transcriptome. *Nature*. 2012.489(7416):391—399.
- [22] Olivejra A. *Digital intelligence. How science is changing humanity*. Chistopol'skaya K, transl. Moscow: Delo publ.; 2022. (In Russian).
- [23] Riccolatti D, Sinigal'ja K. Mirrors in the brain. About the mechanisms of joint action and empathy. Kurakova OA, transl. Moscow: Languages of Slavic cultures publ.; 2012. (In Russian).
- [24] Anohin KV. *Cognitive computing based on neural hyper networks*. In: *Philosophy of Artificial Intelligence*. Lektorskii VA, Dubrovskii DI, editors. Moscow: IIntell publ.; 2017. P. 70—86. (In Russian).
- [25] Anohin KV. Cognitom: in search of a fundamental neuroscientific theory of consciousness. *Journal of Higher Nervous Activity*. 2021;71(1):39—71. (In Russian).
- [26] Sergin VJa, Sergin AV. Hierarchical model of perception without combinatorial explosion. *Journal of Higher Nervous Activity*. 2019;69(5):633—658. (In Russian).
- [27] Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*. Harcourt publ.; 2003.

Сведения об авторе:

Чапны Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (e-mail: elena_chapny@mail.ru). ORCID: 0009-0009-8386-0607

About the author:

Chapny Helen V. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (e-mail: elena_chapny@mail.ru). ORCID: 0009-0009-8386-0607

История русской философии

History of Russian Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-957-976>

EDN: RTQPPD

Научная статья / Research Article

«Критика чистого разума» в трудах П.Д. Лодия

А.Н. Круглов

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6

 akrouglov@mail.ru

Аннотация. Первый профессор логики и метафизики Главного педагогического института, а затем и Санкт-Петербургского университета, закарпатский русин П.Д. Лодий четверть века преподавал философию и право в Российской империи в первой трети XIX в. Его знание кантовской философии и отношение к кантовскому критицизму в исследовательской литературе оценивается диаметрально противоположно. Анализ его главного философского труда, «Логических наставлений, руководствующих к познанию и различению истинного от ложного» (1815), убедительно доказывает, что Лодий был отличным знатоком кантовской философии, первым в России мыслителем, заговорившем о различии первого и второго издания «Критики чистого разума». Лодий первым в России отметил революционную роль Коперниканского переворота И. Канта, а также важность проблемы каузальности Д. Юма для становления критической философии. Лодий впервые в России дал развернутую характеристику кантовского трансцендентального идеализма. Вместе с тем общее отношение Лодия к Канту скорее скептическое. В собственной логике он не следует кантовскому разделению логики на чистую и прикладную, а возвращается к докантовскому делению логики на теоретическую и практическую. Лодий полемизирует с основными выводами о пространстве, вытекающими из трансцендентальной эстетики, отрицает наличие априорно-синтетических суждений и укорененность познающего разума в иллюзиях. Несмотря на недвусмысленно выраженные претензии в адрес кантовской философии, «Логические наставления» и их автор были подвергнуты гонениям во время так называемого «дела профессоров» 20-х гг. XIX в., в результате чего Лодий был отстранен от преподавания философии, а его учебник по логике изъят из процесса преподавания за «нечестие», а также мнимое кантианство.

Ключевые слова: логика, Главный педагогический институт, Санкт-Петербургский университет

© Круглов А.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 01.07.2023

Статья принята к публикации 05.09.2023

Для цитирования: Круглов А.Н. «Критика чистого разума» в трудах П.Д. Лодия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 957—976. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-957-976>

“The Critique of Pure Reason” in the Writings of P.D. Lodij

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., 125047, Moscow, Russian Federation
 akrouglov@mail.ru

Abstract. First Professor of Logic and Metaphysics at Main Pedagogical Institute and then also St. Petersburg University, Carpatho-Rusyn P. D. Lodij spent a quarter of a century teaching philosophy and law in the Russian Empire in the first third of the 19th century. His knowledge of Kant’s philosophy and his attitude to Kant’s criticism are estimated diametrically opposed in the research literature. An analysis of his main philosophical work, “Logical Precepts which Lead to Cognition and the Distinction of the True from the False” (1815), convincingly proves that Lodij was an excellent scholar of Kant’s philosophy. In Russia, he was the first thinker who spoke about the differences between the first and second editions of the “Critique of Pure Reason”. Lodij also was the first who noted both the revolutionary role of Kant’s Copernican turn, and the importance of Hume’s causality problem for the formation of critical philosophy. In Russia, Lodij was the first who proposed a detailed description of Kant’s transcendental idealism. At the same time, Lodij’s general attitude to Kant was rather skeptical. In his own logic, he does not follow Kant’s division of logic into pure and applied, but he returns to pre-Kant’s split into theoretical and practical logics. Lodij disputes with the basic conclusions about the space derived from the transcendental aesthetic, denies synthetic judgments a priori and the rooting of the cognizing reason in illusions. Despite his unequivocal claims regarding Kant’s philosophy, “Logical Precepts” and its author were persecuted during the so-called “professors’ affair” of the 1820s. As a result, Lodij was suspended from teaching philosophy, and his logic textbook was withdrawn from teaching for both “disgrace” and imaginary Kantianism.

Keywords: logic, Main Pedagogical Institute, St. Petersburg University

Article history:

The article was submitted on 01.07.2023

The article was accepted on 05.09.2023

For citation: Krouglov AN. “The Critique of Pure Reason” in the Writings of P.D. Lodij. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):957—976. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-957-976>

П.Д. Лодий и его место в русской философии первой трети XIX века

На философской сцене Российской империи первой трети XIX столетия Петр Дмитриевич Лодий (1764—1829) был яркой личностью с неординарной судьбой. Будучи закарпатским русином, родившимся в семье священника на

территории современной Словакии, первоначальное образование он получил в Великоварадинской гимназии на территории современной Румынии, а затем учился во Львовской греко-католической семинарии (см. [1. С. 30; 2. С. 12]) на территории современной Украины, а в то время — Австро-Венгерской империи. С 1787 года, после открытия философского и теологического факультетов Львовского университета с преподаванием на русском языке (*Studium Ruthenium*), Лодий стал профессором метафизики («любомудрия умозрительного» [3]) и нравственной философии. Наряду с этими профильными дисциплинами он читал и иные предметы — в том числе классическую литературу, а также чистую и прикладную математику на польском языке (см. [1. С. 43]). Однако со стороны профессоров, преподававших на латыни, Лодий рассматривался как неравноправный коллега, и его долгая борьба за свои права успехом не увенчалась. Из-за национальной и языковой дискриминации он принял решение покинуть университет Львова, заняв по конкурсу в 1802 году кафедру логики, метафизики и нравственной философии в Краковском университете¹ — на территории современной Польши, а тогда все в той же Австро-Венгерской империи (см. [1. С. 45—46]). Но уже в 1803 году Лодий был приглашен в Санкт-Петербург, где и трудился четверть века до самой смерти².

Ретроспективно отъезд Лодия из Львова профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий описывал в 1865 году так: «В философическом выделе перестали уже с 1805 годом преподавания русские. Нет уже нашего ревностного, трудолюбивого дра Петра *Лодия*, остал по нем только его учебник, напечатанный Ставропигею³, которого членом он был⁴, русский записки в руках его учеников и благая память в сердцах его друзей и родимцев! Заслуженный профессор после двадцатилетнего труда покинул в негодовании наши страны и переселился на дальний север в С. Петербург, призванный туда своими земляками угорскими же Русинами медиком Иоанном *Орлаем* и професс. Михаилом *Балудянским*, где нашел и наш профессор обильную жатву для своих знаний и талантов» [7. С. 19].

Непосредственным поводом к приглашению Лодия в Санкт-Петербург послужила рекомендация другого закарпатского русина, уже трудившегося на тот момент в России, медика И. С. Орлая, в записке попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву в марте 1803 года. Орлай аттестовал Лодия следующим образом: «Г[осподин] Лодинков, или как

¹ Об этом периоде преподавания Лодия см. полуанекдотическое описание [4. С. 1017—1021], в котором отмечается легкость объяснения на латыни, природная доброта и бездонная ученость профессора.

² Одним из наиболее полных исследований о Лодии, включая биографическую информацию, остается диссертация середины XX века В. М. Зверева (см. [5]).

³ Учебник, который упоминает Головацкий, является переводом книги Ф. Хр. Баумайстера, который Лодий опубликовал в 1790 году в типографии Ставропигийского института во Львове [3].

⁴ Лодий вступил в члены Ставропигийского братства в 1796 году (см. [6. С. 88]) и был избран в 1797—1798 гг. в совет старейшин (см. [4. С. 1020]).

теперь его зовут, Лодии, профессор логики и математики, которые уже 13 лет преподает на славянском церковном языке в Львовском университете» [8. С. 33]; «Карпатороссиянин, во Львовском университете логики, философии моральной, метафизики и математики публичный ординарный профессор. Первоначально упражнялся с большим успехом в Великоварадской академии и по отличным дарованиям в науках занимает настоящее место более 12 лет. Лекции преподает на русском языке. Сочинения и переводы его многие напечатаны на славянском языке» [8. С. 34]. Правда, и после переезда в Санкт-Петербург Лодий не терял былых связей с коллегами во Львове: «Нашу Русь а своих друзей по сану учительскому забывал он — и долгое время присылал он на руки своих друзей профессоров Гриневецкого и Радкевича значительное количество лучших книг из литературы российской во всяких ветвях наук. Библиотека св. Онуфрейского монастыря из его дара получила прибыль несколько сот томов» [7. С. 20].

К сожалению, установить круг философских интересов и предпочтений Лодия на момент его приезда в Санкт-Петербург вряд ли возможно. Довольно туманны и имеющиеся сведения о том, в каком духе им было получено философское образование в годы учебы во Львове. Печатные произведения Лодия этого периода мне не известны — за исключением учебника наиболее популярного в Восточной Европе вольфианца Ф. Хр. Баумайстера, переведенного им с латыни. Однако в какой мере в начале 90-х годов XVIII века Лодий симпатизировал вольфианству, сказать затруднительно, поскольку выбор автора учебника был не самостоятельным, а предписанным профессору (см. [9. Б. п.]). Поскольку уже имевшийся на тот момент русский перевод Баумайстера для преподавания получить не удалось⁵, Лодий сам взялся за перевод учебника с латыни⁶. Готовясь к осуществлению перевода, он читал литературные сочинения М.В. Ломоносова, а также его «Граматику» (см. [6. С. 87]). Если учесть, что математику на польском Лодий преподавал по учебнику Хр. Вольфа и по немецкому пособию А.Г. Кестнера (см. [9. С. 88]), то многое говорит в пользу того, что философия И. Канта на тот момент еще была мало знакома Лодию. В пользу этого косвенно говорит и еще одно обстоятельство. Имя одного из львовских преподавателей Лодия хорошо известно — им был И.А. Фесслер, преподававший древние языки и теологию во Львове с 1784 по 1788 год и считавший Лодия одним из своих лучших учеников, в числе которых он даже указал не него (наряду с В.Г. Кукольником и Орлаем) императору Священной Римской империи Иосифу II во время посещения последним Львова в 1787 году (см. [13. S. 130, 221]). Близкое к фанатичному увлечение Кантом началось у Фесслера лишь около 1792 года, т.е. ко времени, когда он уже несколько лет как покинул Львов. Дополнительный

⁵ «Нравоучительная философия» Баумайстера в русском переводе была опубликована в разных изданиях в 1783 и 1788 гг. [10; 11].

⁶ Перевод представляет собой раздел «Philosophiae moralis institutiones ius naturae, ethicam et politicam complexae» из учебника Баумайстера «Elementa philosophiae recentioris» [12].

свет на философскую позицию Лодия во Львове могли бы пролить недоступные для меня рукописи философа, хранящиеся во Львовской национальной научной библиотеке Украины им. В. Стефаника и датированные 1792 годом (см. об этом [14. С. 48]). Опубликованные же фрагменты данной рукописи [15. С. 42—45] не несут на себе отпечатка знакомства, а тем более полемики с кантовской философией.

Другой проблемный вопрос львовского периода Лодия — это определение языка, на котором он преподавал, писал и публиковался: руський, рутенский, русский, западнорусский, российский, славянский, славяно-русский, славянский церковный, макаронический русский язык с украинскими и церковно-славянскими примечаниями, народный украинский, украинский... Сам Лодий назвал его «российским» [9. Б.п.]. Современники Лодия, ученые дореволюционного периода и современные исследователи оценивают этот язык по-разному, и данный разнобой проявляется и в приведенных выше цитатах. В современных украинских работах явно заметна тенденция стилизации языка Лодия как украинского: в качестве «тогдашнего украинского языка» аттестуется язык перевода с латинского учебника Баумайстера 1790 года, на «современный украинский язык» переводятся его «Логические наставления» 1815 года [16]. Язык рукописи логических наставлений из Львова исследовательница, работавшая с ней, И.В. Кравчук, характеризует как «книжный язык», который представляет из себя «конгломерат церковнославянского, древнерусского языка с живым разговорным языком украинского народа, и подчас включает в себя некоторое число русизмов, полонизмов и латинизмов» [17].

После приезда в Санкт-Петербург Лодий много и плодотворно трудился в сфере образования: в разные годы он был профессором Главного педагогического института, профессором Санкт-Петербургского университета и деканом его философско-юридического факультета, преподавателем права на публичных курсах при Главном педагогическом институте, профессором Училища правоведения, смотрителем училищ Архангельской и Олонецкой губерний, директором Коммерческого училища (см. [18. С. 95]), инспектором Общества благородных девиц [19. С. 185—212]. Он стал первым профессором логики и метафизики сначала Главного педагогического института, а затем и первым профессором логики и метафизики Санкт-Петербургского университета, не по своей воле затем перейдя на кафедру естественного и уголовного права, а позднее — общего права. В 1815 году Лодий опубликовал свое главное философское произведение: «Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. В пользу студентов Санкт-Петербургского Педагогического Института» [20]. Это был один из первых учебников по логике на русском языке, включавший в себя также и разделы, посвященные разъяснению общих проблем теоретической философии. Своим уровнем и охватом тем он серьезно отличался в лучшую сторону от нескольких, хотя и немногих, предшествовавших русских пособий по

логике — в частности, за авторством И.С. Рижского, П.И. Богданова или А.С. Лубкина⁷. Незадолго до смерти, будучи уже больным, Лодий опубликовал и свой труд по праву: «Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве» [21]. Еще ранее он опубликовал два перевода сочинений по праву и его философским основам: немецкого юриста, классического теоретика уголовного наказания П.И.А. Фейербаха, отца философа Л. Фейербаха⁸ [22; 23], и австрийского юриста, видного представителя школы «права из разума» Ф. Цейлера [26]. Наряду с этими печатными произведениями некоторое представление о философских взглядах Лодия можно составить и на основе ряда рукописных материалов — часть из них опубликована [27], с частью из них мне удалось познакомиться в оригинале⁹, а часть осталась недоступной¹⁰.

За время жизни в Санкт-Петербурге Лодий пережил и административные взлеты, и падения. Крестным отцом его младшего сына Александра после прошения профессора в 1809 году согласился стать император Александр I¹¹. В то же время после начала печального «дела профессоров» в Санкт-Петербургском университете Лодий оказался фактически отстранен от преподавания философских дисциплин, читая лишь курсы по правовым предметам¹². Большинство отзывов о Лодии, оставшихся от его слушателей, комплиментарные: «...заслужив уважение обширностью и общепольностью своих познаний, он заслужил его еще более чистотою своих нравов. [...] Непоколебимое праводушие составляло отличительную черту благородной его души», — написал в некрологе приемник Лодия в преподавании права в университете А. В. Никитенко [28. Б.п.]. Ему вторил ректор университета П.А. Плетнев: «Неукоризненные правила жизни, прямодушные, честность, доброта, разносторонние основательные знания, хотя по истечении четверти

⁷ Первого и третьего Лодий записывает в соперники критической философии (см. [20. С. 92—93]).

⁸ Является ли и третий том [24] переводом Лодия, мне установить не удалось. Вероятно, вместе с Лодием над переводом всего труда работали еще Р. М. Цебриков и П. А. Полонский (см. [25. С. 368]).

⁹ Лодий П.Д. Письмо министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову о сделанных им замечаниях по поводу системы работы попечителя Казанского университета М.Л. Магницкого, 10 ноября 1825 г., Спб. Приложение: Замечания и разбор напечатанной выписки из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. № 2310.

¹⁰ К сожалению, для меня остались недоступны отрывки конспектов лекций Лодия по метафизике: Лодий П.Д. Метафизика. Философские лекции // РГИА. Ф. № 732. Оп. 1. Ед. хр. 382: «О вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров С.-Петербургского университета. 1821—1824». Л. 367—388.

¹¹ Дело о согласии Александра I быть крестным отцом сына профессора Педагогического института П.Д. Лодия, Александра. 1809 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 75.

¹² Утверждения о конкретных сроках и обстоятельствах, касающихся преподавательской деятельности Лодия после 1820 года, распространенные в исследовательской литературе, не во всем подтверждаются архивными документами и требуют дальнейшего детального изучения.

века его пребывания на Русских кафедрах и сделавшиеся поздними, приобрели ему всеобщее уважение и доверенность» [29. С. 39—40].

Таким образом, несмотря на хвалебный характер отзывов, в них все же сквозит мысль о некоторой несвоевременности научных взглядов Лодия, однако в чем конкретно она проявлялась, не указано, как не указано и то, относится ли это замечание к философским или правовым взглядам профессора. В философском отношении Лодию давали взаимоисключающие характеристики: его называли профессором, «по духу старейшим из всех» и «проникнутым схоластикой XIII века» (А.В. Никитенко) [30. С. 9], критиком агностицизма (З.А. Каменский) [31. С. 151—155], мыслителем, которому Кант был вовсе не знаком (В.В. Григорьев / Ф.Ф. Сидонский) [32. С. 11], или же наоборот, неплохо знаком («Канта он знал недурно, и не по изложениям, а из изучения собственных произведений его», Г.Г. Шпет) [33. С. 167], противником Канта (А.В. Никитенко) [30. С. 9], кантианцем (Я.Н. Колубовский) [34. С. 590].

Прежде чем перейти к разбору полемики Лодия с некоторыми положениями «Критики чистого разума», стоит задать вопрос о возможных источниках знания Лодия о Канте. К сожалению, и здесь можно лишь строить гипотезы. Во-первых, можно указать, что при открытии Санкт-Петербургской духовной академии в 1809 году Лодий, которому первоначально планировалось поручить преподавание философии в новой академии, порекомендовал М.М. Сперанскому в качестве приглашенного профессора Фесслера, которого и встретил радушно по приезде того в Санкт-Петербург в январе 1810 года [13. С. 221—222]¹³. На тот момент Фесслер уже был разочарован в кантовской философии, позади осталась и переписка с Кантом по поводу соотношения кантовской этики с этикой стоиков (см. [35. С. 136—138]). Однако первые слушатели духовной академии — такие как Г.П. Павский или И.Я. Ветринский — получили основательные знания кантовской философии именно от Фесслера. В конце концов, в том числе из-за кантовской философии Фесслер при активном участии архиепископа Феофилакта (Ф.Г. Русанова) вскоре и был удален из академии (см. [36. С. 348—357]). В Санкт-Петербурге Лодий вновь стал общаться с Фесслером, причем совместно со Сперанским все они еще и входили в одну масонскую ложу. Во-вторых, в 1808 году, приехав на тот момент из Москвы, на несколько лет пост директора Педагогического института во времена преподавания там Лодия занял знаменитый геттингенский историк философии И.Г. Буле, который в начале XIX века хорошо разбирался уже не только в кантовской философии, но и в философии И.Г. Фихте и Ф. Шеллинга, о чем читал в Санкт-Петербурге

¹³ См. также: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующаго Синода, с указателями к ней. Дела комиссии духовных училищ 1808—1839 гг. // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 24. С. 55—56.

приватные лекции для П.Я. Чаадаева, М.Я. Чаадаева и А.С. Грибоедова¹⁴ (а также см. [36. С. 178—186]). В-третьих, параллельно с Лодием в Педагогическом институте некоторое время преподавал и «смотритель» А.С. Лубкин — первый публичный критик Канта в России, автор «Писем о критической философии» [37] и будущий профессор Казанского университета (см. [36. С. 240—240]). Наряду с этим нельзя исключить и того обстоятельства, что Лодий по каким-то иным причинам и без влияния указанных коллег заинтересовался кантовской философией еще раньше — возможно, что еще и до приезда в Санкт-Петербург.

Рецепция «Критики чистого разума» в «Логических наставлениях» (1815) Лодия

Полемика с главным произведением Канта — «Критикой чистого разума» — началась в России в начале XIX века, и среди первых мыслителей, вставших в этот ряд, следует назвать Лубкина и профессора Харьковского университета Т.Ф. Осиповского. Но «Письма о критической философии» Лубкина вызывают серьезные сомнения в том, читал ли их автор главный труд кенигсбергского философа, и, скорее, говорят в пользу того, что это было знакомство по второисточникам, причем далеко не самым лучшим, что и отразилось в этих статьях 1805 года. Иначе обстоит дело с университетскими речами Осиповского 1807 и 1813 годов [38; 39] — никакого сомнения в том, что харьковский профессор штудировал кантовские произведения, нет. Однако «Критике чистого разума» посвящена только его первая из этих двух речей, но и она не выходит за границы трансцендентальной эстетики, причем касается почти исключительно лишь пространства, а не времени, в восприятии Канта — правда, прямые отсылки к кантовскому тексту в ней все же отсутствуют. В работе же Лодия по логике 1815 года обнаруживается уже отклик на общую тематику «Критики чистого разума» с более детальным исследованием ее отдельных проблем, при этом со ссылками на немецкий оригинал.

«Логические наставления» Лодия недвусмысленно доказывают, что их автор очень хорошо знал кантовскую философию. Во-первых, ему известно о кантовской диссертации 1770 года (см. § 46 [20. С. 56]), во-вторых, судя по весьма корректной передаче различных формулировок категорического императива, Лодий знает и «Основоположение к метафизике нравов» (см. § 61 [20. С. 66—68]), хотя прямо и не называет это произведение, в-третьих, в круг знакомых ему произведений входят и кантовские лекции по логике, изданные в 1800 году Г.Б. Йеше (см. § 64 [20. С. 70]). Но самое удивительное состоит все же не в этом, а в том, что Лодий уже в 1815 году осознает различие

¹⁴ Чаадаев М.Я. Курс философии, проходимый на частных лекциях г-на Буле, профессора, П. О., при имп. Московском университете, писанный 1808-го года М. Чаадаевым // ОР ИРЛИ. Ф. 494. Ед. хр. 1067.

первого и второго издания «Критики чистого разума» — в кантовских исследованиях различие первых двух изданий этого трактата широко было осознано и стало проблемой лишь при подготовке первого немецкого собрания сочинений Канта под редакцией К. Розенкранца и Ф.В. Шуберта в 30-х годах XIX века. Правда, второе издание 1787 года Лодию известно по четвертому изданию 1794 года, однако эта деталь ничего не меняет. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что какого-либо сравнительного исследования этих двух изданий у Лодия не обнаружить, однако сам факт знания о различиях первых двух изданий и использование различных пассажей как первого¹⁵, так и второго из них впечатляет, и Лодий здесь несомненно оказывается первопроходцем в России.

Философский кругозор Лодия, который заметен в «Логических наставлениях», явно выходит за границы многотомного издания И.Я. Брукера «*Historia critica philosophiae*» 60-х годов XVIII века, в запоздалом следовании которому его обвиняли некоторые исследователи. Помимо издания Брукера, о котором Лодий отзывается с большим уважением (см. § 30 [20. С. 36—37]), он ориентируется также в многотомных историко-философских исследованиях рубежа XVIII—XIX вв. В.Г. Теннемана, И.Г. Буле, Ж.-М. Дежерандо и Й. Зохера (см. § 30 [20. С. 37—38]). В книге отсутствуют имена новейших на тот момент немецких идеалистов И.Г. Фихте или Г.В.Ф. Гегеля, хотя Ф. Шеллинг все же упоминается автором (см. § 18 [20. С. 21]). Можно сказать, что хронологически изложение в учебнике заканчивается на спорах кантианцев и антикантианцев на рубеже XVIII—XIX вв. К «критическим философам» — сторонникам Канта — Лодий относит Л.Г. Якоба, И.Г.К.Хр. Кизеветтера, И.Г. Буле, М. Ройсса, Я.С. Бека, К.Хр.Э. Шмида, И.Г. Тифтрунка, А. Метца, К.Л. Рейнгольда, К.Г. Хайденрайха, а к противникам Канта — И.Г.Г. Федерера, Д. Тидемана, Э. Платнера, Хр. Гарве, А. Вайсхаупта, Б. Штаттлера, Ф.Г. Якоби, Г.Э. Шульце¹⁶, Я.А. Цаллингера цум Турна, Г.У. Брастбергера (см. § 78 [20. С. 92])¹⁷.

Название труда Лодия — «Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного» — коррелируют с полным

¹⁵ Как правило, в первом издании Лодий ссылается именно на те фрагменты, которые отсутствуют во втором издании. См., например: «...Иван Локк [написал] книгу о разумении человеческого, которую Кант называет Физиологию человеческой познавательной способности» (§ 78) [20. С. 89]; «...в новое время был момент, когда казалось, что всем этим спорам должен был быть положен конец некоторого рода *физиологией человеческого рассудка* ([разработанной] знаменитым Локком)...» [40. А IX; 41. С. 13].

¹⁶ Именно Шульце в разделе инструкции, посвященной обучению философии «в чужих краях», своему ученику А.И. Галичу в первую очередь и рекомендовал Лодий (см. [27. Ст. 535]).

¹⁷ Ряд имен, как и названий историко-философских изданий, напечатаны в учебнике с ошибками, которые здесь исправлены. Примечательно, что Баумайстера, которого Лодий переводил с латыни еще во Львове, в своей характеристике философских направлений в Германии в учебнике он записывает не в вольфианцы, а в антилейбнизианцы-экликтики (см. [20. С. 92. § 78]).

названием произведения И. Г. Ламберта — «Новый Органон или мысли об исследовании и обозначении истинного и его отличении от заблуждения и видимости» (1764). Однако самому Ламберту Лодий дает оценку, весьма близкую той, что встречается и у Канта: «*Ламбертов* новый органон изощряет разумение, но не делает его плодоносным» (§ 78 [20. С. 91], ср. [42. S. 21; 43. С. 276]).

Говоря о целях и задачах философии в целом, Лодий воспроизводит знаменитые вопросы Канта: «1. Что может человек знать? какие суть границы тех предметов, о коих можно получить познание. 2. Что он должен делать? 3. На что смеет надеяться? 4. Что есть человек? На первое отвечает *Метафизика*, на второе нравоучительная философия, на третье Религия, на четвертое *Антропология*» (§ 11 [20. С. 13]). Поскольку в «Критике чистого разума» содержатся лишь первые из перечисленных трех вопросов (см. [40. А 805; 44. В 833; 45. С. 1011]), приведенные пассажи в очередной раз свидетельствуют о том, что Лодий знал не только первую «Критику», но и кантовские лекции по логике под редакцией Йеше, которые содержат и последний, четвертый вопрос, а также дисциплинарную отнесенность всех четырех вопросов (см. [42. S. 25; 43. С. 280]).

Вероятно, именно Лодий был первым мыслителем в России, кто обратил внимание на огромное значение Коперниканского переворота в философии, совершенного «Критикой чистого разума» Канта. И Лодий же — предположительно под влиянием сочинений Шульце — впервые в России, насколько об этом можно судить на основе нынешнего знания источников, заговорил о проблеме каузальности и попытке Канта решить проблему Юма: «*Кант* первый понял, что допущением Юмова утверждения, уничтожается все могущество и теоретического разума, и возможность теоретической Философии. Он усматривал также яко новый Коперник в Философии, что сей погрешности посредством догматической Философии, которая в то время была в обыкновении, совсем не можно опровергнуть, причиною сего полагает то, что ни Юму, ни Догматикам не было известно могущество и сила человеческого разума, и потому ложно думали, что познавательная способность должна соотнобразяться с предметами, как напротив того предметы должны соотнобразяться с свойством и законами познавательной способности, и со врожденными ея формами» (§ 45 [20. С. 55—56], ср. [44. В 16; 45. С. 17]). Прямым следствием Коперниканского переворота оказывается у Канта, согласно Лодию, создание критической философии: «...Кант для сооружения совсем новой системы Философии впервых подвергает испытанию и будтобы размерению могущество познавательной способности — источника и творца всея Философии; дабы тем возможно было разуму человеческому предвидеть, что может и чего не может предпринимать. [...] Философию, которой критика разума есть органом (орудием) назвал *Критическою*, а сей противоположную в поругание ознаменовал *Догматическою*» (§ 46 [20. С. 56—57]). Лодий же был одним из первых в России мыслителей, кто подчеркнул значение «Критики чистого разума» для понимания человеческой свободы (см. § 47 [20. С. 57]).

И хотя Лодий не использовал в данной связи предикат “трансцендентальный”, тем не менее он дал одну из первых в России и весьма корректных интерпретаций кантовского трансцендентального идеализма, как он представлен в «Критике чистого разума»: «Кант предметом воззрения [=созерцания. — А.К.] полагает *явление* (Erscheinung, phaenomenon), которое есть не что иное, как одно только представление чувственности нашей, следственно нам внутреннее» (§ 48 [20. С. 132]). В обоснование своего истолкования кантовского идеализма Лодий приводит целый ряд цитат из различных немецких изданий «Критики чистого разума»: «Сие понятие о явлении доказывается разными местами его Критики чистаго разума, а именно: на стран. 104 перваго издания говорит: wir haben oben gesagt, daß Erscheinungen selbst nichts als sinnliche Vorstellungen sind¹⁸, т.е. Мы выше сказали, что явления суть одне только чувственные представления. На стр. 165, Erscheinungen sind keine Dinge an sich selbst, т.е. Явления не что иное суть как представления. На стр. 164 4го Рижскаго издания: Erscheinungen sind nur Vorstellungen von Dingen, die nach dem, was sie an sich seyn mögen unerkant sind, т.е. Явления суть только представления вещей, которыя смотря по тому чем оныя сами по себе быть могут, нам бывають не известны» (§ 48 [20. С. 133], ср. [40. А 104; 41. С. 153; 40. А 165; 41. С. 227; 44. В 164; 45. С. 241]). Лодий же первый указал в России на прямые следствия, которые вытекают из трансцендентального идеализма Канта в отношении самого познающего человека: «Кант почитает таковыми явлениями все тела, самых людей (говоря на стр. 80 четвер. изд. *Der Mensch ist selbst Erscheinung*), и даже все предметы нашей опытности, именно на стр. 370 перв. издания» (§ 48 [20. С. 133], ср. также 44. В 580; С. 719; 40. А 370; 41. С. 465—476]).

Практический смысл кантовского трансцендентального идеализма Лодий проясняет на следующем примере: «Поелику же Кант почитает все предметы, подлежащие нашим чувствам, одними только внутренними представлениями, то естли спросить Его: соответствует ли моему представлению, называемому видением, какой-нибудь внешний предмет, как на пр. Когда я вижу сей дом, сего человека, сию палку и проч. то он отвечает: Хотя я отношу мое представление к какому-нибудь внешнему предмету, однако сей предмет есть нечто = X о котором ничего не знаю и знать не могу. Сие явствует из разных мест его Критики, а именно перваго издания, стр. 114-й и 250-й» (§ 48 [20. С. 133—134], ср. 40. А 114; 41. С. 165; 40. А 250; 41. С. 327)¹⁹. Подводя итоги, Лодий заявляет: «Сей, теперь мною представленный идеализм в самом деле составляет сущность Кантовой философической системы,

¹⁸ Немецкая цитата исправлена по оригиналу.

¹⁹ «Все наши представления рассудок действительно относит к какому-нибудь объекту, и раз явления суть не что иное, как представления, то рассудок относит их к некоторому Нечто как предмету чувственного созерцания. Но это Нечто в таком смысле — лишь трансцендентальный объект. Он обозначает лишь нечто = X, о котором мы ничего не знаем и вообще ничего знать не можем...».

Которая основывается на новом его учении о пространстве и времени. Рассмотрение сего учения предоставляется Метафизике» (§ 48 [20. С. 134]). Но как Лодий рассматривал кантовскую философию в собственной метафизике, я сказать не могу, поскольку то немногое, что сохранилось из конспектов Лодия по метафизике, осталось для меня, увы, недоступным для изучения. Не называя кантовский идеализм трансцендентальным, Лодий все же использует этот термин, определяя в качестве трансцендентального понятие, «которому никакая опытность не может доставить предмета» (§ 72 [20. С. 161]). Данная дефиниция соотносится лишь с кантовским пониманием трансцендентальных идей (ср. [44. В 383; 45. С. 493]). Но Лодию знакомо и понятие трансцендентальной истины, идущее из средневекового учения о трансценденциях и встречающееся у Вольфа (см. § 193 [20. С. 311]) — впрочем, оно вызывает у него серьезные нарекания и в дальнейшем не используется.

Полемика Лодия с Кантом

Несмотря на столь корректное изложение основных положений кантовской «Критики чистого разума», в ряде других случаев Лодий не вполне проникает в замысел Канта, а также начинает собственную полемику с кенигсбергским философом. Как и Лубкин с Осиповским, Лодий не согласен с трансцендентальной эстетикой, хотя весомые аргументы у него все же отсутствуют: «...никак невозможно оспорить того, что внешние чувствования имеют свое основание вне души, которая не может содержаться в невещественном существе или Боге, потому что между внешними чувствованиями находятся такие, что если бы Бог как причина производил оные в душе нашей, то воспоследовали бы величайшие нелепости; а по сему причина внешних чувствований должна содержаться в вещественных силах, или телах. — Следовательно если внешние чувствования действительны, то и тела должны быть действительны; и как совокупность всех тел называется телесным чувствительным или вещественным миром, то и существует вещественный мир, и по различному свойству и совокуплению тел различны бывают чувствования» (§ 231 [20. С. 365]).

В трактовке логики Лодий следует сложившемуся в докантовской немецкой философии разделению на теоретическую и практическую, противопоставляя собственную позицию автору «Критики чистого разума»: «Кант не принял сего разделения Логики» (§ 69 [20. С. 74]). Лодий отказывается от кантовского деления логики на чистую и прикладную (см. [44. В 77; 45 С. 139]), которое, по его мнению, может быть лишь воображаемым, но не действительным (см. § 69 [20. С. 74—76]). Он согласен с самим противопоставлением аналитических и синтетических суждений («предложений»), и в качестве примеров у него фигурируют те же, что используются и в «Критике чистого разума»: все тела протяженны или имеют тяжесть (см. § 128 [20. С. 220], [44. В 11; 45. С. 63]). Однако при этом Лодий все же утверждает, что в самом этом различии Кант не оригинален, подчеркивая заслуги забытого ныне

итальянского философа XVIII века Дж. Г. Де Сория (см. § 128 [20. С. 219—223]). Вопреки Канту Лодий пытается с опорой на Цаллингера цум Турна обосновать наличие в геометрии аналитических или расширяющих суждений (см. § 128 [20. С. 223]). Российский логик утверждает, что имеется большее число суждений по модальности («способовидимости»), нежели это указано Кантом (см. § 127 [20. С. 218]). Станным образом российский профессор обнаруживает в «Критике чистого разума» отрицание единичных понятий, с чем он полемизирует на основе кантовской же таблицы категорий (см. § 67 [20. С. 151—152]).

Нельзя сказать, что Лодий в духе логического позитивизма XX века своим центральным тезисом считает отрицание априорно-синтетических суждений Канта. Однако последние Лодий в «Логических наставлениях» все же недвусмысленно отвергает (см. § 108 [20. С. 198—200]). Признавая вслед за Кантом невозможность происхождения всеобщности и необходимости суждений из опыта, Лодий отрицает априорный («умственный», «от умозрения») источник их значимости, формулируя собственный тезис следующим образом: «Хотя опытность не может быть основанием Метафизической повсемственности [=общезначимости. — *А.К.*], но и познавательная способности (как думает Кант) не могут быть источником оной. Довольною причиною сего есть полная ясность и простота подлежащаго и сказуемаго» [20. С. 17—18].

Отмечая важность трансцендентальной эстетики, а также следующей за ней трансцендентальной логики, Лодий тем не менее превратно истолковал замысел Канта по «изоляции» в целях исследования чувственности, а также рассудка. В его восприятии речь идет не о последовательности рассмотрения, а именно о последовательности функционирования познавательных способностей согласно кантовской философии: «Но каким образом действует разумение [=рассудок. — *А.К.*] человеческое, будучи отделено от всех прочих способностей души, о том мы по науке самага Канта не можем иметь действительнаго познания ...» (см. § 69 [20. С. 75]); «“Мысли без содержания (без предметов) пусты, и воззрения [=созерцания. — *А.К.*] без понятий слепы”. Ежели разумение есть способность мыслить о предметах чувственаго воззрения, то о чем будет разумение мыслить, когда его со всем отделим от чувственности и прочих способностей? Ежели мысли без содержания пусты, то какова должна быть чистая Логика, которая, отвлеченно от содержания мыслей, занимается одною только формою оных?» (§ 69 [20. С. 76], ср. [44. В 75; 45. С. 139].

По поводу трансцендентальной диалектики Лодий бросает критическое замечание в адрес учения Канта о трансцендентальных идеях — на примере идеи Бога: «Кант утверждает, что понятие о самостоятельной и высочайшей причине содержится в одной форме ипотетическаго [=гипотетического. — *А.К.*] Силлогизма, и следовательно что оно есть только формальное понятие, одно только свойство и закон человеческого ума [=разума. *А.К.*],

который по своему свойству стремится достигнуть совершенства и предела своего познания. — Но утверждение сие не справедливо» (§ 176 [20. С. 280—281]). Тем не менее резкую критику религиозно-философских взглядов Канта, свойственную некоторым современникам Лодия в России, у него вряд ли можно обнаружить.

Итоговое же критическое замечание Лодия в адрес кантовской спекулятивной философии касается возможности и границ разума и человеческого познания: «...разум по одним только достаточным подлежательным [=объективным. — А.К.] основаниям умствующий, со всем не может опасаться, чтобы он вместо действительной истины находил только подлежательное [=субъективное. — А.К.] привидение (aparentia) и потому Кант весьма неправильно обвиняет толь знаменитую познавательную силу человеческого разума, яко бы оный по свойству своему тщетен и исполнен обманов, и будто бы нас по врожденной и неизбежной необходимости только обманывает пустыми привидениями [=иллюзиями. — А.К.]. Ибо разум человеческий бывает деятелен не по одному только желанию доставить своим понятиям подлежательное совершенство и систему, но также еще и по существенному испытательному своему духу сия деятельность его стремится к открытию подлежательного достаточного основания всех наших познаний, и деятельность сия может токмо удовлетворена быть достижением его цели т.е. достаточного подлежательного основания» (§ 165 [20. С. 267]).

Помимо содержательных претензий у Лодия имелся еще и упрек, касающийся кантовской терминологии, состоящей из «ненужных технических слов» (§ 61 [20. С. 66]). Иногда Лодий путается в кантовской терминологии, смешивая, в частности, идеи и созерцания. Однако в одном случае его терминологические комментарии оказались весьма пронизательными — они касаются значения кантовского термина “Anschauung”. Лодий подчеркивает, что корень этого понятия связан со зрением как одним из пяти органов чувств, в силу чего оказывается проблематично применять его к данным на основе четырех оставшихся органов чувств, хотя содержательные основания именно на это и наталкивают (см. § 67 [20. С. 151—152]). Отмеченная Лодием трудность была замечена и в первом поколении немецких кантианцев, которые в своих комментариях специально поясняли, что кантовское понятие “Anschauung” касается не только зрения, а всех органов чувств.

«Логические наставления» не были последним печатным произведением Лодия. Через 13 лет после их публикации вышел его главный труд по праву — «Теория общих прав». Однако в этой работе уже нет не только какой-либо полемики с «Критикой чистого разума», но даже само имя Канта не упоминается ни разу. Лишь однажды Лодий отмечает заслуги критической философии, не называя при этом имя ее первотворца (см. § 398 [21. С. 448])²⁰. Причина исчезновения имени Канта со страниц книг Лодия проста и печальна.

²⁰ О преломлении кантовской философии в переводе учебника Цейлера, осуществленном Лодием [26], см. [46. С. 795—801].

В результате «дела профессоров» в Санкт-Петербурге, инициированного попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Руничем, Лодий хоть и не был в отличие от своих более молодых коллег уволен из университета, однако был постепенно отстранен от преподавания философии в сторону права. В адрес книги «Логические наставления» были выдвинуты обвинения в том, что «она исполнена опаснейших по нечестию и разрушительных начал», а ее автор превосходит «открытостью нечестия и Куницына, и Галича» [47. С. 203]. Комичным образом учебник Лодия, в котором высказывается несогласие с целым рядом принципиальных положений кантовской критической философии, был, как и в случае с Лубкиным и его сочинениями, обвинен в мнимом кантианстве и изъят из процесса обучения — причем не только в Санкт-Петербурге (см. [48. С. 132]), но и в Казани (см. [49. С. 488]). В отличие от многих своих коллег Лодий вступил в полемику с обвинителями²¹, отстаивая права философии, хотя и не имел при этом успеха.

Хранящиеся в архивах конспекты лекций по метафизике, а, возможно, и иные еще не обнаруженные на сегодняшний момент конспекты частных лекций Лодия²² могли бы пролить свет на отношение Лодия к Канту после выхода в свет «Логических наставлений» в 1815 году.

Список литературы

- [1] *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, Пряшів : Словацке педагогічне видавництво в Братиславі, 1971.
- [2] *Усенко І.Б., Музика І.В.* П.Д. Лодий: філософ, правознавець, просвітник // Часопис Київського університету права. 2016. № 2. С. 12—19.
- [3] *Баумейстер Хр.* Наставления любомудрия нравоучительнаго, содержащая любомудрие практическое, всеобщее право естественное, ифику, и политику / пер. с лат. П.Д. Лодия. Львов : Типография Ставропигийского института, 1790.
- [4] *Яворский Ю.А.* П.Д. Лодий в изображении польского романиста // Карпатский свет. 1930. № 5—6. С. 1017—1021.
- [5] *Зверев В.М.* Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли: диссертация ... кандидата философских наук. Л. : б.и., 1964.
- [6] *Андрохович А.* Львівське «Studium ruthenum» // Записки Товариства імені Шевченка. Т. 146. Львов, 1927. С. 33—118.
- [7] *Головацкий Я.Ф.* О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен австрийского владения. Львов : б.и., 1865.
- [8] *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Братислава, Пряшів : Словацке педагогічне видавництво в Братиславі, 1977.

²¹ Лодий П.Д. Письмо министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову о сделанных им замечаниях по поводу системы работы попечителя Казанского университета М.Л. Магницкого, 10 ноября 1825 г., Спб. Приложение: Замечания и разбор напечатанной выписки из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. № 2310.

²² См.: Прошение профессоров Лодия, Кукольника и Балугьянского о разрешении им преподавать желающим чиновникам частные уроки // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 479.

- [9] *Лодий П.Д.* Предисловие переводчика ко благосклонному читателю // Баумейстер Хр. Наставления любомудрия нравоучительнаго, содержащая любомудрие практическое, всеобщее право естественное, ифику, и политику / пер. с лат. П.Д. Лодия. Львов : Типография Ставропигийского института, 1790.
- [10] *Баумейстер Хр.* Нравоучительная философия в пользу благороднаго юношества / пер. с лат. И. Исаева. СПб. : Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1783.
- [11] *Баумейстер Ф.Хр.* Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другия вещи, для знания нужныя и полезныя / пер. с лат. Д.Н. Синьковского. М. : Типография компании типографической, 1788.
- [12] *Vaumeister F.Chr.* Elementa philosophiae recentioris usibus iuventutis scholasticae accommodata et pluribus sententiis exemplisque ex veterum scriptorum romanorum monumentis illustrata. Wien : De Trattnern, 1774.
- [13] *Fessler I.A.* Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft. Ein Nachlass / hrsg. von F. Bülow. Leipzig : Geibel, 1851.
- [14] *Богданов В.В., Лысак И.В.* Формирование П.Д. Лодием идей социально-философского исследования в Российской империи первой четверти XIX в. // Русин. 2022. № 69. С. 39—53.
- [15] *Кравчук І.В.* Петро Лодій, «Настанови логіки» // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Серія: Філософія. Політологія. 2007. № 84—86. С. 42—45.
- [16] *Лодій П.* Логічні настанови ... : підручник / пер. на сучасну укр. мову Д.П. Кирика, порядкування Д.П. Кирика, А.В. Сініциної. Львів, Івано-Франківськ : [І-ФНМУ], 2010.
- [17] *Кравчук І.В.* Петро Лодий як представник української академічної філософії: автореферат дис. ... канд. філос. наук. Київ : б.и., 2008.
- [18] *Тимофеев А.Г.* История С.-Петербургского коммерческого училища. Т. 1. СПб. : Типография Глазунова, 1901.
- [19] *Пономарева В.В.* Закрытые женские институты Российской империи. 1764—1855. Начало формирования отечественной системы женского образования. М. : Пятый Рим, 2019.
- [20] *Лодий П.Д.* Логическия наставления руководствующия к познанию и различению истиннаго от ложнаго. СПб. : в типографии Иоаннесова, 1815.
- [21] *Лодий П.Д.* Феория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. СПб. : типография департамента внешней торговли, 1828.
- [22] *Фейербах П.А.* Уголовное право. Кн. 1. СПб. : медицинская типография, 1810. 144 с.
- [23] *Фейербах П.А.* Уголовное право. Кн. 2. СПб. : Государственная коммерц-коллегия, 1811.
- [24] *Фейербах П.А.* Уголовное право / пер. с нем. Кн. 3. СПб. : типография Императорского воспитательного дома, 1827.
- [25] *Wurzbach C. von.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben. Тl. 15. Wien : Zamarski, 1866.
- [26] *Цейллер Ф. фон.* Естественное частное право / пер. с нем. П.Д. Лодия. СПб. : при Императорской Академии наук, 1809.
- [27] *Лодий П.Д.* Начертание об отправлении Студентов С.-Петербургского Педагогического Института в чужие края. 2. Философия // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I. 1802—1825. СПб. : Типография Балашева, 1875. Ст. 534—536.

- [28] *Никитенко А.В.* Краткое известие о жизни и ученых трудах Орд. Профессора Прав, Действ. Ст. Сов. П.Д. Лодия // Северная пчела. 1829. № 86.
- [29] *Плетнев П.А.* Первое двадцатипятилетие Санктпетербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского совета, читанная ректором Университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб. : типография воен.-учеб. заведений, 1844.
- [30] *Никитенко А.В.* Дневник в 3-х т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1955.
- [31] *Каменский З.А.* Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа). М. : Мысль, 1971.
- [32] *Григорьев В.В.* Императорский С.Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1870.
- [33] *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008.
- [34] *Колубовский Я.Н.* Философия у русских // Ибергвег-Гейнце Ф. История новой философии в сжатом очерке / пер. с 7-го нем. изд. Я.Н. Колубовского. СПб. : изд. Пантелеева, 1890. С. 529—590.
- [35] *Фесслер И.А.* Письмо к Канту от 12 июля 1795 г. / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Историко-философский ежегодник 2012. М. : Канон+, 2013. С. 136—138.
- [36] *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М. : Канон+, 2009.
- [37] *Лубкин А.С.* Письма о критической философии // Северный вестник. Спб., 1805. Т. 7. № 8. С. 183—199.
- [38] *Осиповский Т.Ф.* О пространстве и времени // Речи, говоренныя в торжественном собрании Императорскаго Харьковского университета, бывшем 30-го августа, 1807-го года. Харьков : Университетская типография, 1807. С. 3—15.
- [39] *Осиповский Т.Ф.* О динамической системе Канта // Речи, произнесенныя в торжественном собрании Императорскаго Харьковского университета 30 августа 1813 года. Харьков : Университетская типография, 1813. С. 3—16.
- [40] *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga : Hartknoch, 1781.
- [41] *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения на русском и немецком языках / отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 2. Ч. 2. М. : Наука, 2006. С. 5—506.
- [42] *Kant I.* Logik // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IX. Berlin : de Gruyter, 1923. S. 1—150.
- [43] *Кант И.* Логика // Сочинения в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М. : Чоро, 1994. С. 266—398.
- [44] *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga : Hartknoch, 1787.
- [45] *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения на русском и немецком языках / отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 2. Ч. 1. М. : Наука, 2006. С. 5—1071.
- [46] *Круглов А.Н.* Ранняя рецепция «Первых метафизических оснований учения о праве» Канта в России (конец XVIII — первая половина XIX веков) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 5. Ч. 1. М. : Канон+, 2014. С. 723—825.
- [47] *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб. : Суворин, 1889.
- [48] *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб. : Павленков, 1892.

- [49] Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. Т. 3. Казань : Типо-литография Имп. Казанского ун-та, 1903.

References

- [1] Bajcura T. *Transcarpathian-Ukrainian intellectuals in Russia in the first half of the 19th century*. Bratislava, Pryashiv: Slovac'ke pedagogichne vydavnictvo v Bratislavi publ.; 1971. (In Russian).
- [2] Usenko IB, Muzika IV. P.D. Lodiy: philosopher, jurist, enlightenment activist. *CHasopis Kiivs'kogo universitetu prava*. 2016;(2):12—19. (In Ukrainian).
- [3] Baumeister FChr. *Instruction of wisdom as a moral teaching, containing practical wisdom, universal natural law, sophistry, and politics*. Lodij PD, transl. L'vov: Tipografiya Stavropigijiskogo instituta; 1790. (In Russian).
- [4] Yavorskij YuA. P.D. Lodij in the portrayal of the Polish novelist. *Karpatkij svet*. 1930;(5—6):1017—1021. (In Russian).
- [5] Zverev VM. *Peter Lodij in the History of Russian Logico-Philosophical Thought*. PhD Thesis. Leningrad: without a publisher; 1964. (In Russian).
- [6] Androhovich A. Lviv "Studium ruthenium". *Zapiski Tovaristva imeni SHevchenka*. Vol. 146. Lvov; 1927. P. 33—118. (In Ukrainian).
- [7] Golovackij YaF. *On the first literary and intellectual movement of Ruthenians in Galicia since Austrian rule*. L'vov: without a publisher; 1865. (In Russian).
- [8] Bajcura T. *Ivan Semenovich Orlay. Life and work*. Bratislava, Pryashiv: Slovac'ke pedagogichne vydavnictvo v Bratislavi publ.; 1977. (In Russian).
- [9] Lodij PD. *Translator's Preface to the Benevolent Reader*. In: Baumeister FChr. *Instruction of wisdom as a moral teaching, containing practical wisdom, universal natural law, sophistry, and politics*. Lodij PD, transl. L'vov: Tipografiya Stavropigijiskogo instituta publ.; 1790. (In Russian).
- [10] Baumeister FChr. *A moral philosophy for the benefit of noble youth*. Isaev I, transl. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo shlyahetskogo kadetskogo korpusa publ.; 1783. (In Russian).
- [11] Baumeister FChr. *A moral philosophy containing natural law, ethics, politics, economics, and other things necessary and useful for knowledge*. Sinkovskij DN, transl. Moscow: Tipografiya kompanii tipograficheskoy publ.; 1788. (In Russian).
- [12] Baumeister FChr. *Elementa philosophiae recentioris usibus iuventutis scholasticae accommodata et pluribus sententiis exemplisque ex veterum scriptorum romanorum monumentis illustrata*. Wien: De Trattner; 1774.
- [13] Fessler IA. *Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Ein Nachlass*. Bülow F, hrsg. Leipzig: Geibel; 1851.
- [14] Bogdanov VV, Lysak IV. P.D. Lodij's Formation of Ideas of Social and Philosophical Research in the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century. *Rusin*. 2022;(69):39—53. (In Russian).
- [15] Kravchuk IV. Petro Lodij, "Logical Precepts". *Visnik KNU im. T. SHevchenka. Seriya: Filosofiya. Politologiya*. 2007;(84—86):42—45. (In Ukrainian).
- [16] Lodij P. *Logical Precepts*. Kirik DP, transl. Lviv; Ivano-Frankivs'k: [I-FNMU] publ.; 2010. (In Ukrainian).
- [17] Kravchuk IV. *Petro Lodij as a representative of Ukrainian academic philosophy: an authored paper of PhD Thesis*. Kiiv: without a publisher; 2008. (In Ukrainian).

- [18] Timofeev AG. *History of the St. Petersburg Commercial School*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Glazunova publ.; 1901. (In Russian).
- [19] Ponomareva VV. *Closed Women's Institutes of the Russian Empire. 1764—1855. The beginning of the formation of the national system of women's education*. Moscow: Pyatyj Rim publ.; 2019. (In Russian).
- [20] Lodij PD. *Logical Precepts Which Lead to Cognition and the Distinction of the True from the False*. Saint Petersburg: Tipografiya Ioannesova publ.; 1815. (In Russian).
- [21] Lodij PD. *The theory of general rights, which contains the philosophical teaching of natural universal state law*. Saint Petersburg: Tipografiya departamenta vneshnej trgovli publ.; 1828. (In Russian).
- [22] Feuerbach PJA. *Criminal Law*. Vol. 1. Saint Petersburg: Medicinskaya tipografiya publ.; 1810. (In Russian).
- [23] Feuerbach PJA. *Criminal Law*. Vol. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya kommerckollegiya publ.; 1811. (In Russian).
- [24] Feuerbach PJA. *Criminal Law*. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskogo vospitatel'nogo doma publ.; 1827. (In Russian).
- [25] Wurzbach C. von. *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben*. Tl. 15. Wien: Zamarski; 1866.
- [26] Zeiller F. von. *Natural Private Law*. Lodij PD, transl. Saint Petersburg: Publ. pri Imperatorskoj Akademii nauk; 1809. (In Russian).
- [27] Lodij PD. *An Outline of the Sending of Students of the St. Petersburg Pedagogical Institute to Foreign Countries. 2. Philosophy*. In: *Collection of Resolutions of the Ministry of National Education*. Vol. 1: The reign of Alexander I. 1802—1825. Saint Petersburg: Tipografiya Balasheva publ.; 1875. P. 534—536. (In Russian).
- [28] Nikitenko AV. A brief account of the life and scholarly labors of the Ord. Professor Prav. Senior Councilor P.D. Lodij. *Severnaya pchela*. 1829;(86). (In Russian).
- [29] Pletnev PA. *The First Twenty-Fifth Anniversary of St. Petersburg University. Historical note, as determined by the University Council, read by the Rector of the University, Peter Pletnev, at a public ceremony on February 8, 1844*. Saint Petersburg: tipografiya voen-ucheb. Zavedenij publ.; 1844. (In Russian).
- [30] Nikitenko AV. *The Diary*. 3 Vols. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat publ.; 1955. (In Russian).
- [31] Kamenskij ZA. *Philosophical ideas of the Russian Enlightenment (deistic-materialistic school)*. Moscow: Mysl' publ.; 1971. (In Russian).
- [32] Grigorev VV. *The Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence*. Saint Petersburg: tip. V. Bezobrazova i K° publ.; 1870. (In Russian).
- [33] Shpet GG. *An Essay on the Development of Russian Philosophy*. Vol. 1. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya publ.; 2008. (In Russian).
- [34] Kolubovskij JaN. *Philosophy in Russians*. In: Überweg F. *The History of New Philosophy in a Concise Essay*. Kolubovskij JaN, transl. Saint Petersburg: Panteleeva publ.; 1890. P. 529—590. (In Russian).
- [35] Fessler IA. *Letter to Kant dated July 12, 1795*. Kryshtop LE, transl. In: *Historical and Philosophical Yearbook 2012*. Moscow: Kanon+ publ.; 2013. P. 136—138. (In Russian).
- [36] Krouglov AN. *Kant's Philosophy in Russia in the Late 18th century and First Half of the 19th century*. Moscow: Kanon+ publ.; 2009. (In Russian).
- [37] Lubkin AS. Letters on Critical Philosophy. *Severnij vestnik*. 1805;7(8):183—199. (In Russian).
- [38] Osipovskij TF. *About Space and Time*. In: *Speeches delivered at the solemn assembly of the Imperial University of Kharkov, August 30, 1807*. Kharkov: Universitetskaya tipografiya publ.; 1807. P. 3—15. (In Russian).

- [39] Osipovskij TF. *On Kant's Dynamic System*. In: *Speeches delivered at the solemn assembly of the Imperial University of Kharkov, August 30, 1813*. Kharkov: Universitetskaya tipografiya publ.; 1813. P. 3—16. (In Russian).
- [40] Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch; 1781.
- [41] Kant I. *Critique of Pure Reason*. In: *Works in German and in Russian*. Motroshilova NV, Tuschling B, editors. Vol. 2.2. Moscow: Nauka publ.; 2006. P. 5—506. (In Russian).
- [42] Kant I. *Logik*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Preußischen Akademie der Wissenschaften, hrsg. Bd. IX. Berlin: de Gruyter; 1923. S. 1—150.
- [43] Kant I. *Logic*. In: *Works*. 8. Gulyga AV, editor. Vol. 8. Moscow: Choro publ.; 1994. P. 266—398. (In Russian).
- [44] Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch; 1787.
- [45] Kant I. *Critique of Pure Reason*. In: *Works in German and in Russian*. Motroshilova NV, Tuschling B, editors. Vol. 2.1. Moscow: Nauka publ.; 2006. P. 5—1071. (In Russian).
- [46] Kruglov AN. *The Early Reception of Kant's "First Metaphysical Foundations of the Doctrine of Right" in Russia (late 18th century — first half of the 19th century)*. In: Kant I. *Works in German and in Russian*. Motroshilova NV, Tuschling B, editors. Vol. 5.1. Moscow: Kanon+ publ.; 2014. P. 723—825. (In Russian).
- [47] Sukhomlinov MI. *Studies and articles on Russian literature and enlightenment*. Vol. 1. Saint Petersburg: Suvorin publ.; 1889. (In Russian).
- [48] Skabichevsky AM. *Essays on the History of Russian Censorship (1700—1863)*. Saint Petersburg: Pavlenkov publ.; 1892. (In Russian).
- [49] Zagoskin NP. *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence*. Vol. 3. Kazan: Tipo-litografiya Imp. Kazanskago un-ta publ.; 1903. (In Russian).

Сведения об авторе:

Круглов Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309

About the author:

Krouglov Alexei N. — DSc. in Philosophy, Professor, Dean of the Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-977-995>

EDN: SBNGVQ

Научная статья / Research Article

Первоисточники истории русской философии XIX—XX вв. в государственных архивах России: состояние и перспективы изучения

А.В. Черняев , С.Н. Корсаков , А.Ф. Макарова

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
 chernyaevphd@gmail.com

Аннотация. Предлагаются обзор, анализ, оценка нынешнего состояния и перспектив дальнейшего научного изучения материалов российских государственных архивов, включающих личные фонды философов и философских институций России XIX—XX вв., представляющих наибольшую актуальность для историков русской философии. В связи с этим, с одной стороны, привлечены к рассмотрению крупнейшие исследовательские и научно-издательские историко-философские проекты, свидетельствующие об уже достигнутых результатах научного освоения обширных массивов архивных документов; с другой стороны — проведен мониторинг ряда фондов российских государственных архивов (федеральных, региональных, муниципальных, ведомственно-отраслевых) с целью выявления мало или недостаточно изученных с этой точки зрения архивных собраний. Представленные результаты исследования могут рассматриваться как начало большой систематической работы по аналитическому картографированию содержания архивных собраний России, релевантных проблематике истории русской философии. Установлена важность и продуктивность проведения параллельной исследовательской работы как с персональными фондами русских философов XIX—XX вв., так и с фондами, содержащими документацию философских институций (журнальных редакций, факультетов, кафедр, исследовательских институтов, издательств философской литературы, профессиональных и тематических объединений философов). В связи с этим поставлен вопрос о необходимости развития в России историко-философского архивоведения и источниковедения, включения данного комплекса предметов в систему подготовки специалистов — историков философии, а также о необходимости координации совместных усилий историков русской философии в направлении формирования архива русской философии как общезначимого и общедоступного картографированного ресурса. Полученные в ходе проведенного исследования результаты должны способствовать выходу истории русской философии как динамично развивающейся отрасли российской науки на качественно новый источниковедческий и методологический уровень, необходимый для решения стоящих перед ней масштабных исследовательских задач, связанных, в частности, с научной подготовкой академических

© Черняев А.В., Корсаков С.Н., Макарова А.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

собраний сочинений русских философов и с разработкой современной фундаментальной истории русской философии.

Ключевые слова: источниковедение русской философии, архивные фонды, персоналии русской философии, институции русской философии

Информация о финансировании и благодарности. Исследование подготовлено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01805 («Первоисточники русской философии XIX—XX вв. в государственных архивах России: состояние и перспективы изучения»).

История статьи:

Статья поступила 19.08.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

Для цитирования: Черняев А.В., Корсаков С.Н., Макарова А.Ф. Первоисточники истории русской философии XIX—XX вв. в государственных архивах России: состояние и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 977—995. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-977-995>

Primary Sources of History of Russian Philosophy of the XIX—XX Centuries in Russian State Archives: the Current Condition and Prospects of Study

Anatoly V. Chernyaev^{ID}✉, Sergey N. Korsakov^{ID}, Anna F. Makarova^{ID}

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences,
bd. 1, 12 Goncharnaya St., 109240, Moscow, Russian Federation
✉chernyaevphd@gmail.com

Abstract. The study contains the review, analysis, assessment of the current state and prospects for further scientific study of the materials of the Russian state archives, including the personal funds of philosophers and philosophical institutions of Russia in the 19th—20th centuries, which are of the greatest relevance to historians of Russian philosophy. In this regard, on the one hand, the study considers the largest research and scientific-publishing historical and philosophical projects, testifying to the already achieved results of the scientific development of vast arrays of archival documents; on the other hand, a number of collections of Russian state archives (federal, regional, municipal, departmental) have been monitored in order to identify archival collections that were little or insufficiently studied from this point of view. The results of the collective research presented in the article can be considered as the beginning of a large systematic work on the analytical mapping of the content of Russian archival collections relevant to the problems of the history of Russian philosophy. The study shows the importance and productivity of conducting parallel research work both with the personal funds of Russian philosophers of the 19th—20th centuries, and with funds containing documentation of philosophical institutions (magazine editorial offices, faculties, departments, research institutes, publishing houses of philosophical literature, professional and thematic associations of philosophers). In this regard, the question was raised about the need to develop historical and philosophical archiving and source studies in Russia, to include this set of

subjects into the system of training historians of philosophy, and also about the need to coordinate the joint efforts of historians of Russian philosophy towards the formation of an archive of Russian philosophy as a significant and publicly available mapped resource. The results obtained in the course of the study should contribute to the emergence of the history of Russian philosophy as a dynamically developing branch of Russian science to a qualitatively new source study and methodological level, necessary for solving the large-scale research tasks, related, in particular, to the scientific preparation of academic collections of works by Russian philosophers and the development of modern fundamental history of Russian philosophy.

Keywords: source study of Russian philosophy, archival funds, personalities of Russian philosophy, institutions of Russian philosophy

Funding and Acknowledgement of Sources. The study was carried out as a part of the project of Russian Science Foundation (grant № 22-28-01805 “Primary sources of Russian philosophy of the XIX—XX centuries in Russian state archives: the current condition and prospects of study”).

Article history:

The article was submitted on 19.08.2023

The article was accepted on 21.09.2023

For citation: Chernyaev AV, Korsakov SN, Makarova AF. Primary Sources of History of Russian Philosophy of the XIX—XX Centuries in Russian State Archives: the Current Condition and Prospects of Study. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):977—995. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-977-995>

Введение. Научно-издательские проекты по истории русской философии на основе освоения архивных фондов

Едва ли подлежит сомнению, что научный уровень историко-философских исследований, как и качество публикаций памятников философской мысли, зависит прежде всего от степени их источниковедческой фундированности, обоснованности результатами изучения максимально полного массива первоисточников. К первоисточникам истории философии относятся рукописи произведений (включая различные редакции) и комплекс сопутствующих текстов (планы, конспекты, стенограммы, черновики, переписка, дневники, записные книжки, иные документы), проливающих свет на историю их создания, а также жизнь, деятельность, интеллектуальную эволюцию философов. Большинство первоисточников истории русской философии хранится в архивах — российских и зарубежных, государственных и частных, федеральных и ведомственных.

Попытки систематической разработки материалов по истории русской философии в архивных фондах нашей страны в прошлом имели место, но были преимущественно связаны с проектами локального тематического масштаба и имели эпизодический характер. Ряд научно-издательских проектов был реализован в послевоенный советский период, однако, в силу определенных идеологических ограничений, эта работа затронула лишь отдельные периоды, темы и персоналии (некоторые памятники древнерусской мысли,

русское просвещение второй половины XVIII в., русские эстетические трактаты, русская социально-освободительная мысль XIX в.). Среди проектов, выполненных на базе Института философии АН СССР, выделяется Полное собрание сочинений П.Я. Чаадаева, ставшее результатом многолетней археографической работы З.А. Каменского [1], а также публикации памятников религиозно-философской мысли Древней Руси: сначала в формате ротационных изданий 1986—1991 гг. [2—3], а с 1999 г. в расширенном составе академической серии «Памятники древнерусской мысли», функции главного координатора которой осуществлял В.В. Мильков; следует отметить, что эта работа нуждается в продолжении, поскольку изданные в рамках данной серии памятники не охватывают философской мысли периода централизованного русского государства XV—XVII вв.

Одновременно с преодолением политико-идеологических ограничений в нашей стране происходит активное освоение недоступных прежде страниц истории русской философии, прежде всего религиозно-идеалистической и эмигрантской мысли, но преимущественно на основе опубликованных источников. Осознание недостаточности такого подхода к середине 1990-х гг. приводит к инициированию научно-издательских проектов, предполагающих значительную интенсификацию историко-философской работы в архивах. В качестве одного из первых и наиболее репрезентативных таких проектов может быть названо выпускаемое с 2000 г. Полное собрание сочинений и писем В.С. Соловьева, научный коллектив издателей которого (И.В. Борисова, А.П. Козырев, Н.В. Котрелев и др.) поставил перед собой амбициозную задачу не только «представить по возможности все написанное философом», включая тексты, впервые введенные в научный оборот усилиями участников проекта¹, но также снабдить издание полноценным текстологическим и реальным комментарием, реконструировать историю создания произведений философа, дать максимально полное представление об их рецепции современниками с опорой на фонды РГАЛИ, ОР РГБ, ОР РНБ, РГИА, РО ИРЛИ². Результатом уже проведенных в связи с этим изысканий стала серия таких специальных исследований, как история трактата Соловьева «Критика отвлеченных начал» и полемической реакции на него, в т.ч. история книги Б.Н. Чичерина «Мистицизм в науке» (1880)³. Благодаря такому комплексному подходу ПСС Соловьева раскрывает не только мир его идей, но и творческую биографию философа в историческом контексте эпохи 1870—1890-х гг. — периода великих реформ и контрреформ, сопровождавшихся многочисленными общественными дискуссиями с участием Соловьева

¹ См., напр. [4].

² Так, привлекаются материалы РГАЛИ (фонды 446, 123, 397 и др.), ОР РНБ (фонды 349, 621, 747 и др.), ОР РГБ (фонды 93, 120, 126, 230, 239 и др.), РГИА (фонд 1122), РО ИРЛИ (фонды 20, 119, 252, 2. 6.248 и др.), ЦИАМ (фонды 418, 459, 2393 и др.).

³ См., напр.: [5].

и его оппонентов, демонстрирует панораму духовной жизни русского общества последней трети XIX в. ПСС Соловьева свидетельствует, что фундаментальный принцип научной подготовки многотомного издания способен сформировать уникальную лабораторию, результаты работы которой обладают значимостью как для освоения наследия конкретного философа, так и для получения качественно нового знания и понимания истории русской мысли в целом.

Работа над изданием ПСС Соловьева растянулась на долгие годы, поскольку необходимые для ее продолжения архивные источники требуют немалых исследовательских усилий. Это обстоятельство указывает на актуальность задачи овладения навыками источниковедческой работы с архивными документами для более широких кругов историков русской философии; одним из путей решения этой проблемы могло бы стать включение в программу подготовки будущих историков философии на философских факультетах курсов по философскому источниковедению и архивоведению, текстологии и палеографии. И если можно считать дискуссионным вопрос о том, должен ли историк философии быть философом, вряд ли подлежит сомнению, что историк философии должен быть историком, владеть профессиональным историческим инструментарием, важным элементом которого является умение ориентироваться в первоисточниках и работать с ними.

В этом отношении в выигрышном положении находятся специалисты-филологи, которые демонстрируют более интенсивные темпы реализации научных проектов по изданию не только классиков русской литературы, но и корифеев русской философии XIX—XX вв. В их ряду следует назвать, в частности: Полное собрание сочинений и писем К.Н. Леонтьева в 12 томах (2000—2019), Полное собрание сочинений и писем А.С. Хомякова в 12 тт., готовящееся Институтом русской литературы (Пушкинский дом) РАН под руководством А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова⁴ и Полное собрание сочинений В.В. Розанова в 35 тт. под ред. А.Н. Николюкина⁵. Необходимо отметить, что проводится также основанная на изучении архивных источников научно-публикационная работа по освоению наследия Н.А. Бердяева⁶, С.Н. Дурьлина⁷, И.А. Ильина⁸, А.Ф. Лосева (Юбилейное собрание сочинений в 9-и томах, 1993—2002), В.Н. Муравьева [13], Г.П. Федотова (Собрание сочинений в 12 томах, 1996—2008), Н.Ф. Фёдорова [14], П.А. Флоренского [15], С.Л. Франка [16], Г.Г. Шпета⁹. Завершенные и продолжающиеся издания

⁴ За 3 года работы уже опубликованы 1, 8 и 9 тома, подготовленные на основе изучения архивных материалов Государственного исторического музея (Ф. 178).

⁵ Вышли 7 томов, подготовка текста производилась со значительной опорой на архивные фонды (РГАЛИ. Ф. 419. ОР РГБ. Ф. 249 и нек. др. — в том числе, в региональных архивах).

⁶ См., напр. [6].

⁷ См., напр. [7—8].

⁸ См., напр. [9—12].

⁹ См., напр. [17].

большинства этих мыслителей имеют оформление в качестве собраний сочинений, однако уровень полных собраний, соответствующих академическим стандартам, еще не достигнут.

Можно предположить, что для скорейшей успешной реализации изданий собраний сочинений русских философов на современном академическом уровне необходимо выполнение ряда условий, в числе которых не только повышение уровня источниковедческой подготовки специалистов — историков философии, но также и переход количества в новое качество в аспекте изучения относящихся к истории русской философии архивных первоисточников.

Массив материалов, постепенно вводимых в научный оборот путем единичных публикаций, а также целенаправленный мониторинг архивных фондов должен сформировать актуальный архив русской философии, представляющий собой определенную общезначимую и общедоступную целостность, профессионально картографированную и каталогизированную. Оригинальная попытка осмысления связанной с этим проблемы предпринята Т.Г. Щедриной, которая вводит концепт «архив эпохи», в контексте которого получают осмысление документы и события интеллектуальной истории [18]. Важным шагом в направлении формирования актуального архива русской философии стало инициированное М.А. Колеровым в 1997 г. издание ежегодника «Исследования по истории русской мысли» [19], специализирующегося на архивных публикациях, благодаря которому введен в научный оборот целый ряд источников, хотя исследовательская работа сотрудничавших с изданием авторов практически не координировалась редакцией и не была подчинена какому-либо систематическому плану. Степень разработанности архивных источников является одним из существенных показателей состояния развития историко-философской науки.

Архивные собрания, содержащие материалы по истории русской философии, включают в себя как личные (персональные) фонды конкретных философов, так и фонды, содержащие материалы о деятельности философских институций (учреждений), историческое значение которых определяется их ролью в качестве организованных социальных форм производства и трансляции философского знания (научные общества, специализированные научные журналы, образовательные и научно-исследовательские учреждения, философские издательства и т.п.). Знание и использование первоисточников из состава как персональных, так и институциональных фондов позволяет представить историю русской философии не только в виде истории отдельных философских направлений и / или философских концепций конкретных мыслителей, но как интегральный духовно-культурный и социально-исторический феномен во всем его многообразии и комплексной сложности.

В качестве успешных примеров архивных исследований истории русской философии в институциональном аспекте можно указать на работы по истории Московского религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьёва [20—21], Санкт-Петербургского философского общества [22], Религиозно-

философского общества в Санкт-Петербурге [23], Московского психологического общества [24], духовных академий (Московской, Санкт-Петербургской, Киевской, Казанской)¹⁰, Вольной философской ассоциации [25—26], Вольной академии духовной культуры [27—28], Государственной академии художественных наук [29], Институтов живого слова¹¹, различных книгоиздательств¹². Недавним примером комплексного исследования отечественной философской культуры первой четверти XX в. в институциональном измерении стал коллективный труд по истории Института научной философии первоначального периода его существования, основанный на изучении архивных материалов из фондов Архива РАН, Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ, Центрального государственного архива г. Москвы. В результате реконструирована история формирования ИНФ, его научной, образовательной и организационной деятельности, изучены интеллектуальные биографии ученых-философов периода их сотрудничества с Институтом (Г.Г. Шпет, С.Л. Франк, И.А. Ильин, И.В. Попов, П.С. Попов, В.Н. Ивановский, А.А. Богданов, А.М. Деборин, Л.И. Аксельрод, Б.С. Чернышев, Г.И. Челпанов, А.Ф. Лосев, Б.П. Вышеславцев), в ходе чего сделан ряд фактографических открытий, введены в научный оборот архивные документы (протоколы заседаний ученого совета ИНФ, научные доклады сотрудников, материалы их деловой и личной переписки и др.) [32].

Архивные фонды философских учреждений содержат документы разного типа, качества и содержания, а сами титульные институции — сложную и нередко фрагментированную историю, что в совокупности создаёт определенные трудности для исследователей. Работы по такой тематике не обходятся без архивных источников (ОР РГБ, ОР РНБ, ЦГАМ, ГА РФ и др.), ибо сама специфика институций предполагает, что большая часть их деятельности протоколируется и документируется, тогда как значительная часть творческой биографии отдельного философа может не найти прямого отражения в архивах, и поэтому важно изучение косвенных источников, в т.ч. эпистолярных, зачастую рассеянных по разным фондам, а также связанных с деятельностью данного философа в рамках тех или иных институций. В свою очередь, архив институции, как правило, также приходится реконструировать, основываясь на изучении фондов различного происхождения, в т.ч. персональных. Таким образом, работа исследователя истории русской философии, независимо от того, занимается ли он персоналиями или институциями, предполагает умение ориентироваться, проводить поиск и работать с документами как личных архивных фондов, так и фондов учреждений.

¹⁰ См. публикации И.В. Цвык, В.И. Коцюбы и др.

¹¹ Архив Института живого слова в Петербурге разрабатывался в отдельных публикациях (напр., [30]); история же московского Института живого слова, где преподавали И.А. Ильин, Н.А. Бердяев и другие философы, современными исследователями пока не написана, его документы хранятся в РГАЛИ (Ф. 54, 1956, 2706 и др.).

¹² См., напр.: [31].

Материалы по истории русской философии в архивных фондах Москвы и Санкт-Петербурга

Для определения состояния и перспектив дальнейшего изучения источников, формирующих картину истории русской философии XIX—XX вв., представленных в крупнейших государственных архивах России, рассмотрим специфику и содержание фондов некоторых из них.

При работе в **Государственном архиве Российской Федерации** следует учитывать, что документы ГАРФ распределены по двум читальным залам. В читальном зале № 1 доступны фонды учреждений периода Российской империи, СССР, РФ и личные фонды. Среди фондов учреждений дореволюционного периода основной интерес для историка русской философии представляют фонды правоохранительных органов. Много любопытного можно найти в фонде Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 109). Частично философский аспект деятельности Третьего отделения был отражен в сборнике документов по материалам ГАРФ [33]. Становится очевидным, что Третье отделение серьезно относилось к философии и осуществляло систематический мониторинг европейской философской жизни и ее влияния на умы в России. В фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102) имеются дела, касающиеся М.В. Безобразовой (Оп. 95. Д. 685), М.М. Филиппова (Оп. 95. Д. 1671), С.Н. Трубецкого (Оп. 98. Д. 642), о разрешении профессору Киевского университета А.А. Козлову издавать журнал «Философский трехмесячник» (Оп. 278, ч. 6. Д. 14). В фонде Царскосельского дворца сохранилось письмо профессора философии Харьковского университета И. Шада к веймарскому посланнику в Петербурге по поводу высылки из России (Ф. 543. Оп. 1. Д. 758), в фонде великой княгини Елены Павловны записка «О преподавании философии в университете» за 1849 г. (Ф. 647. Оп. 1. Д. 276).

Среди фондов советских философских учреждений наиболее изучены фонд Института красной профессуры, имевшего философское отделение (Ф. Р-5284), и фонд возникшего на основе этого отделения Института красной профессуры философии (Ф. Р-5205). В фонде Центрального исполнительного комитета СССР находится стенографический отчет заседания особой комиссии по выборам действительных членов АН СССР по философским наукам 1928 г. (Ф. Р-3316. Оп. 45. Д. 7), которые проводились тогда впервые после двухсотлетнего перерыва. В фонде ВАК — описи аттестационных дел по философским наукам (Ф. Р-9506. Оп. 11. Оп. 11а. Оп. 72).

В ГАРФ представлены личные фонды русских мыслителей XIX — начала XX вв.: Л.А. Тихомирова (Ф. 634), М.А. Бакунина (Ф. 825), С.Н. Трубецкого (Ф. 1093), П.А. Кропоткина (Ф. 1129), Б.Н. Чичерина (Ф. 1154), М.Н. Каткова (Ф. 1718), Лаврова (Ф. 1762). Также в фонде Якушкиных (Ф. 279) имеются философские сочинения декабристов М.А. Фонвизина и П.И. Борисова (в основном изучены). Еще одна группа личных фондов — авторы русского зарубежья: П.Н. Савицкий (Ф. Р-5783), П.Б. Струве

(Ф. 604, Р-5912), Г.Н. Трубецкой (Ф. 10185), С.В. Утехин (Ф. 10232). Имеются ГАРФ и личные фонды советских философов: В.В. Адоратского (Ф. Р-332), В.М. Познера (Ф. А-536), В.К. Сережникова (Ф. 10022), Н.Б. Биккенина (Ф. 10364). За редкими исключениями, данные фонды почти не изучались.

Читальный зал № 2 включает документы институций, подведомственных органам РСФСР. К ним относится Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в рамках которой в 1921 г. был создан Институт научной философии (Ф. А-4655). В фонде РАНИОН две описи. В первой есть отчет ИНФ за 1924—1927 гг., а также документы Ленинградского института марксизма за 1926—1929 гг. Во второй описи — документы комиссии Президиума РАНИОН по проверке ИНФ и документы Ленинградского научного общества марксистов. В этой описи также имеется несколько десятков личных дел сотрудников и аспирантов ИНФ (в некоторых содержатся планы-проспекты научных работ — например, в деле В.Н. Волошинова). В Читальном зале № 2 ГАРФ можно также работать с документами фонда Главнауки Наркомпроса РСФСР, где сохранились бумаги Постоянной комиссии философии и методологии при Управлении научных учреждений Академического центра Наркомпроса (Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 420, 421) и фонда Общества «Знание» РСФСР (Ф. А-561. Оп. 1), где отложились протоколы заседаний Научно-методического совета по пропаганде философских знаний.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) хранятся документы, отражающие деятельность Центрального комитета КПСС. В условиях партийной монополии на идеологию в СССР философская научная и образовательная деятельность осуществлялась под пристальным контролем директивных органов партийной власти в лице секретарей ЦК КПСС по идеологии, ответственных сотрудников отдела пропаганды и агитации, отдела науки ЦК, в составе которого находился, в частности, сектор философии. Благодаря этому в РГАНИ отложилась обширная документация, связанная с подготовкой административных решений по назначению и освобождению со своих постов руководящих научно-философских кадров, оценке проводимой ими научной политики (на уровне директоров союзного и республиканских институтов философии, деканов философских факультетов университетов, главных редакторов журналов «Коммунист» и «Вопросы философии»). Также в РГАНИ имеются документы, содержащие информацию по вопросам создания и реорганизации научно-образовательных учреждений философского и политико-идеологического профиля, научных и просветительских мероприятий, согласования вопросов участия советских учёных в международных конференциях и конгрессах, планирования крупных научно-издательских проектов, оценки результатов резонансных философских дискуссий. Рассмотрение подобных вопросов, как правило, сопровождалось обменом мнениями между руководителями разного уровня и экспертами, содержание которого находило отражение в сопроводительных

материалах — служебных записках, аналитических справках и докладах, переписке. Нередко поводом для рассмотрения вопросов на уровне ЦК становились инициативные письма от учёных, преподавателей, представителей общественности. В числе прочего в РГАНИ хранятся стенограммы Всесоюзных совещаний по вопросам философии 1947 г. (Ф. 3. Оп. 33. Д. 154-166), личные фонды академиков Л.Ф. Ильичева (Ф. 97) и Г.Л. Смирнова (Ф. 104), фонд редакции журнала «Проблемы мира и социализма», в котором работали многие философы (Ф. 122).

В **Российском государственном архиве социально-политической истории** (РГАСПИ) представляют интерес документы личных фондов М.А. Бакунина (Ф. 206), А.А. Богданова (Ф. 259)¹³, В.И. Засулич (Ф. 262), Г.В. Плеханова (Ф. 264), П.Б. Струве (Ф. 279, содержит материалы переписки с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Д.С. Мережковским, С.Л. Франком¹⁴), Е. Ярославского (Ф. 89), А.В. Луначарского (Ф. 142), И.И. Скворцова-Степанова (Ф. 150), Л.И. Аксельрод (Ф. 257), В.В. Адоратского (Ф. 559), академика И.Т. Фролова (Ф. 784)¹⁵. Представляют интерес фонды таких институций, как Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (Ф. 17. Оп. 125), Комитета партийного контроля (Ф. 589, содержит биографические сведения о философах советского периода), а также фонды редакций журналов, публиковавших философские статьи: «Проблемы мира и социализма» (Ф. 577), «Политическое самообразование» (Ф. 595), «Коммунист» (599), «Свободная мысль» (656), «Молодой коммунист» (Ф. М-71) и издательств, выпускавших философские книги и журналы: Политиздат (Ф. 623), «Правда» (Ф. 790).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) содержит немало фондов, связанных с историей русской мысли: Н.Г. Чернышевский (Ф. 1), А. Белый (Ф. 53), Н.Я. Грот (Ф. 123), М.О. Гершензон (Ф. 130), З.Н. Гиппиус (Ф. 154), Н.М. Карамзин (Ф. 248), В.С. Соловьев (Ф. 446), П.Я. Чаадаев (Ф. 546), Д.В. Философов (Ф. 1183), М.А. Осоргин (Ф. 1464), Н.А. Бердяев (Ф. 1496), Г.С. Сковорода (Ф. 1613), Вс.С. Соловьев (Ф. 1615), Б.К. Зайцев (Ф. 1623), А.В. Луначарский (Ф. 1313), П.Я. Светлов (Ф. 3131), Г.Г. Шпет (Ф. 3472). Кроме того, в РГАЛИ хранятся фонды некоторых институций, прямо или косвенно связанных с философией: Общества любителей российской словесности при Московском университете (Ф. 590), редакции журналов «Литературный критик» (Ф. 614) и «Литературное обозрение» (Ф. 615), ГАХН (Ф. 941). В фондах редакций журналов и издательств могут храниться письма, неопубликованные статьи и рецензии философов.

Документы **Отдела рукописей Российской государственной библиотеки** (ОР РГБ) представляют значительный интерес для историков русской философии. К неплохо исследованным собраниям, можно отнести фонды

¹³ См.: Неизвестный Богданов. Т.1-3, М.: ИЦ «АИРО — XX», 1993—1995.

¹⁴ См.: [34].

¹⁵ См.: [35].

А. Белого (Ф. 025), В.И. Иванова (Ф. 109), М.К. Морозовой (Ф. 171), Т.Н. Грановского (Ф. 178), В.Н. Муравьева (189), М.П. Погодина (Ф. 231), В.В. Розанова (Ф. 249), Г.И. Челпанова (Ф. 326), В.Ф. Эрн (Ф. 348), Н.Ф. Федорова (Ф. 470), Г.Г. Шпета (Ф. 718), М.О. Гершензона (Ф. 746), С.Н. Дурылина (Ф. 872), М.М. Бахтина (Ф. 913), А.Ф. Лосева (Ф. 949). В меньшей степени изучены с историко-философской точки зрения фонды Н.И. Кареева (Ф. 119) М.Н. Каткова (Ф. 120), митрополита Платона (Левшина) (Ф. 229), К.П. Победоносцева (Ф. 230), Ф.И. Тютчева (Ф. 308), Н.К. Михайловского (Ф. 578), С.М. Лукьянова (Ф. 700), И.И. Лапшина (Ф. 753). Среди авторов советского периода представляют интерес фонды В.И. Невского (Ф. 384), В.М. Фриче (Ф. 870), С.Л. Рубинштейна (Ф. 642), А.И. Клибанова (Ф. 648); коллекция П.С. Попова (Ф. 547) содержит тексты по истории логики, письма, переводы, а также некоторые материалы Л.М. Лопатина. Фонд Б.Ф. Поршнева (Ф. 684) содержит материалы к книгам «История и философия», «О начале человеческой истории», рукописи по философии и методологии истории.

Архив РАН в Москве содержит документы, отложившиеся после переезда Академии наук из Петрограда в новую столицу. Представляет интерес личный фонд П.А. Флоренского (Ф. 2255)¹⁶. Документы Флоренского имеются также в фондах С.А. Венгерова, И.А. Каблукова, В.А. Обручева, С.А. Полякова, А.В. Смирнова. В фонде историка А.В. Флоровского (Ф. 1609) есть его переписка с братом философом Г.В. Флоровским и иконографические материалы по философам русской эмиграции. Из фондов дореволюционных институций в Архиве РАН имеется фонд редакции журнала «Голос минувшего» (Ф. 646). В нем отложились присланные в редакцию воспоминания о Л.М. Лопатине (Д. 661) и С.П. Шевыреве (Д. 75), письмо Н.П. Гилярова-Платонова (Д. 570), письма к И.С. Аксакову (Д. 400-408) и выписки из его писем (Д. 399), мемуары В.В. Берви-Флеровского (Д. 247, 375).

Архив РАН хранит обширный объем документов по истории философии советского периода в составе фондов Института научной философии РАНИОН (Ф. 355. Оп. 1а), Института философии Комакадемии (Ф. 355. Оп. 1), Института философии АН СССР-РАН (Ф. 1922), Института истории науки и техники АН СССР (Ф. 154), Института человека РАН (Ф. 2164). В связи с ростом интереса к истории и предмету философия естествознания могут привлекать внимание фонды Ассоциации институтов естествознания Комакадемии (Ф. 351), Биологического института им. К.А. Тимирязева Комакадемии (Ф. 356), Института красной профессуры естествознания (Ф. 364). Поиск по академической работе философов можно вести в фондах Отделения общественных наук АН СССР (Ф. 394), Отделения истории и философии АН СССР (Ф. 457), Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР (Ф. 499), Секции общественных наук АН СССР (Ф. 1731), Отделения философии, социологии, психологии и права РАН (Ф. 1844), Отделения

¹⁶ См., напр.: [36].

общественных наук РАН (Ф. 2246), Кафедры философии АН СССР (Ф. 2017). Фонды редакций журналов, публиковавших статьи по философии: «За марксистско-ленинское естествознание» (Ф. 369), «Вестник Коммунистической академии» (Ф. 370), «Революция и культура» (Ф. 392). В фонде Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (Ф. 478) имеются личные дела В.М. Фриче и Г.Г. Шпета. В АРАН хранятся личные фонды академиков АН СССР-РАН В.М. Фриче (Ф. 643), Г.Ф. Александрова (Ф. 684), П.Ф. Юдина (Ф. 1636), Г.П. Францева (Ф. 1681), М.Б. Митина (Ф. 1992), П.Н. Федосеева (Ф. 2096), Л.Н. Митрохина (Ф. 2149), Т.И. Ойзермана (Ф. 2257), членов-корреспондентов АН СССР А.А. Максимова (Ф. 1515), М.Д. Каммари (Ф. 1529), П.В. Копнина (Ф. 1871), С.Р. Микулинского (Ф. 2191), М.Э. Омеляновского (Ф. 1749), академика ВАСХНИЛ И.И. Презента (Ф. 1593), академика АПН СССР О.В. Трахтенберга (Ф. 1730), академика АХ СССР М.А. Лифшица (Ф. 2029)¹⁷. Личные фонды философов содержат их рукописи, переписку, мемуарные очерки, биографические материалы, фотографии, деловые бумаги.

В отделе рукописей ИМЛИ РАН имеется ряд личных фондов, некоторые из которых достаточно изучены, в том числе А.В. Луначарского (Ф. 16), В.И. Танеева (Ф. 200), М.О. Гершензона (Ф. 201), Б.М. Зубакина (Ф. 250). Перспективами для изучения обладают фонды академиков П.Ф. Юдина (Ф. 147), И.К. Луппола (Ф. 267), В.М. Фриче (Ф. 274), историка русской философии XVIII в. Л.Б. Светлова (Лехтблау) (Ф. 508).

Архив МГУ содержит материалы по истории философского образования, главным образом второй половины 1920-х гг. и послевоенного периода. Поиск в этом архиве затруднен ввиду отсутствия научно-справочного аппарата как в аналоговом, так и в электронном виде. В Архиве МГУ сохранились дела сотрудников философского отделения конца 1920-х гг., документы кафедры истории и философии естествознания (1930-е гг.), личные дела ее преподавателей (Б.М. Гессена, И.П. Рочена, А.О. Апирина и др.). Представлена послевоенная документация философского факультета МГУ — протоколы заседаний, личные дела (в Ф. 1).

Отдел редких книг и рукописей (ОРКиР) Научной библиотеки МГУ содержит ряд личных фондов философов, наиболее изученным из которых является фонд И.А. Ильина (Ф. 47). В ОР НБ МГУ имеется также фонд Н.Н. Вокач (Ильиной) (Ф. 6), М.М. Ковалевского (Ф. 8), логика А.В. Васильева (Ф. 25), Г.И. Челпанова (Ф. 34), А.С. Ахманова (Ф. 38), М.С. Корелина (Ф. 55), Ф.М. Бурлацкого (Ф. 61).

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ) — объединение ранее самостоятельных архивов, имеющих в качестве отделов ЦГАМ свою специфику. Отдел хранения документов до 1917 г. включает фонд Московского университета (Ф. 418), в котором историка философии

¹⁷ См.: [37].

могут интересовать документы историко-филологического (оп. 476—477) и юридического (оп. 464) факультетов, а также документы по описям 498—499 («Студенческие землячества, кружки и общества») и 513 («Дипломные работы студентов»). Из послереволюционного периода в фонде МГУ интересны документы факультета общественных наук, где велось преподавание философии. В Отделе хранения документов после 1917 г. привлекает внимание фонд Р-2378 Московского историко-философско-литературного института, где можно встретить также документы философского факультета МГУ периода его включения в состав МИФЛИ. Отдел хранения документов личных собраний включает несколько личных фондов философов, в т.ч. В.Н. Ивановского (Ф. Л-66), М.О. Меньшикова (Ф. Л-202) и П.И. Новгородцева (Ф. Л-1346). В составе фонда А.П. Линькова (Ф. Л-244) имеется коллекция документов о русских религиозных философах. В фонде В.М. Шулятикова (Ф. Л-168) отложились письма В.А. Базарова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, В.М. Фриче и др., а также фотографии. В ЦГАМ отложились фонды П.Г. Кузнецова (Ф. Л-168), академика В.Г. Афанасьева (Ф. Л-2).

В Центральном государственном архиве Московской области имеется личный фонд члена-корреспондента АН СССР А.А. Пионтковского (Ф. 361. Оп. 2), который может представлять интерес для специалистов по философии права. В фонде хранятся также труды правоведов, занимавшихся вопросами философии права (В.Д. Зорькин, Д.А. Керимов, Г.В. Мальцев, Л.С. Мамут, В.С. Нерсисянц и др.).

Значительный интерес для историков русской философии представляют фонды федеральных, муниципальных и ведомственных архивов Санкт-Петербурга. **Российский государственный исторический архив** в Санкт-Петербурге содержит личные фонды философов Де-Роберти (Ф. 687) и В.А. Муравьева (Ф. 995), фонды таких институций, как Петроградский духовный цензурный комитет (Ф. 807) и редакция «Журнала Министерства народного просвещения» (Ф. 742).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки содержит личные фонды И.С. Аксакова (Ф. 14), П.В. Анненкова (Ф. 23), А. Белого (Ф. 60), А.Т. Болотова (Ф. 89), И.А. Боричевского (Ф. 93), С.П. Боткина (Ф. 98), Б.А. Вревского (Ф. 162), А.И. Герцена (Ф. 180), Н.Я. Данилевского (Ф. 237), Н.А. Добролюбова (Ф. 255), В.И. Иванова (Ф. 304), К.Д. Кавелина (Ф. 323), Н.М. Карамзина (Ф. 336), И.Я. Колубовского (Ф. 360), Н.М. Кояловича (Ф. 388), Д.С. Мережковского (Ф. 481), Н.И. Надеждина (Ф. 507), В.Ф. Одоевского (Ф. 539), М.П. Погодина (Ф. 588), А.Н. Радищева (Ф. 624), Э.Л. Радлова (Ф. 626), В.С. Соловьева (Ф. 718), Н.Н. Страхова (Ф. 747), С.П. Шевырева (Ф. 850), А.С. Шишкова (Ф. 862), Ф.Ф. Сидонского (Ф. 1190), Я.С. Друскина (Ф. 1232), В.И. Пирочкина (Ф. 1279), В.А. Петрицкого (Ф. 1392), А.Х. Горфункеля (Ф. 1370), Я.Б. Радуль-Затуловского (Ф. 1454). Описи фондов РНБ представлены в Национальной электронной библиотеке.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН включает личные фонды М.В. Ломоносова (Ф. 20), М.М. Ковалевского (Ф. 103), Д.Д. Мордухай-Болтовского (Ф. 821), Я.Н. Колубовского (Ф. 868), А.И. Попова (Ф. 1087), Э.Л. Радлова (Ф. 1052), М. Филиппова (Ф. 879), Б.А. Чагина (Ф. 1105), Б.Н. Чичерина (Ф. 1055). В фонде Ф.И. Щербатского имеются письма Б. Рассела (Ф. 725. Оп. 3. Д. 180). В составе архива — фонды философских институций 1920-1930-х гг.: Ленинградского института марксизма (ЛИМ, Ф. 235) в котором была философская секция и выросшего из нее Института философии Ленинградского отделения Комакадемии (Ф. 230), редакции журнала ЛОКА «Проблемы марксизма» (Ф. 225. Оп. 8), Ленинградского научного общества марксистов (ЛНОМ, Ф. 238).

Рукописный отдел ИРЛИ РАН включает фонды: братьев И.С. и К.С. Аксаковых (Ф. 3), И. Пиотровского (Ф. 8), М.А. Бакунина (Ф. 16), Н.П. Гилярова-Платонова (Ф. 71), Н.А. Добролюбова (Ф. 97), Р.И. Иванова-Разумника (Ф. 79), К.Д. Кавелина (Ф. 119), Д.С. Мережковского (Ф. 177), Э.Л. Радлова (Ф. 252), М.А. Антоновича (Ф. 305), В.Ф. Одоевского (Ф. 392), А.Т. Болотова (Ф. 537), Е.А. Боброва (Ф. 677).

В **Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга** находится фонд Императорского Петроградского университета (Ф. 14), в котором много документов об учебном процессе, личных дел преподавателей-философов, в т.ч. — дела о запрещении преподавания философии при императоре Николае I (Ф. 14. Оп. 1. Д. 5014) и возобновлении при Александре II (Ф. 14. Оп. 1. Д. 5928, 6106; Ф. 139. Оп. 1. Д. 5974). Имеются документы о прохождении философских диссертаций А.А. Козлова (Ф. 14. Оп. 1. Д. 8528), М.В. Безобразовой (Ф. 14. Оп. 1. Д. 9755, Оп. 2. Д. 1053), К.Ф. Жакова (Ф. 14. Оп. 6. Д. 1344). В ЦГИА СПб хранятся личные фонды М.И. Владиславлева (Ф. 2191) и И.И. Лапшина (Ф. 2262). Материалы по теме взаимоотношений русских философов с дореволюционной цензурой можно найти в фонде Инспекции надзора за типографиями Петроградской полиции (Ф. 706). В частности, представляет интерес дело о книге «История философии», изданной архимандритом Гавриилом (Воскресенским) в фонде Канцелярия попечителя Петербургского Учебного округа (Ф. 139. Оп. 1. Д. 4662). **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга** содержит фонды Санкт-Петербургского государственного университета (Ф. Р-7240) и РГПУ им. Герцена (Ф. Р-4331).

Документы **Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга** содержат сведения о философях советского периода в составе фондов Ленинградской высшей партийной школы (Ф. Р-4768), партийной организации ЛИФЛИ — Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики (Ф. Р-5063) и парторганизации Ленинградской кафедры философии АН СССР (Ф. Р-8734). В фонде Ленинградского Института красной профессуры (Ф. Р-566) находятся протоколы парторганизаций Ленинградского института марксизма,

Философского отделения и кафедр диамата и истории философии Ленинградского ИКП. Несколько дел включают документы Института философии ЛОКА и философского факультета ЛИФЛИ. Документы философского факультета имеются также в фонде Василеостровской районной контрольной комиссии ВКП(б) (Ф. Р-433. Оп. 2. Д. 707, 708). В **Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга** находится фонд ЛИФЛИ (Ф. Р-328). Личных фондов философов в ЦГАЛИ СПб нет, но есть отдельные документы, связанные с А.Ф. Лосевым (Ф. Р-440. Оп. 2. Д. 190), М.А. Лифшицем (Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 157) и др.

В **Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга** хранятся фотографии профессоров философского факультета СПбГУ, другие рисунки и фотографии из философской жизни (карикатура на В.С. Соловьева работы художника М.М. Дальцевича, помещенная в журнале «Осколки», фото открытия мемориальной доски Дидро на доме № 9 по Исаакиевской площади, фотографии посещения Ю. Хабермасом Института философии АН СССР в 1989 г. и др.).

Заключение

Предпринятый обзор состояния и перспектив изучения первоисточников истории русской философии в архивах России может служить кратким путеводителем по государственным архивным ресурсам соответствующей тематики, облегчить исследователям ориентацию в архивных фондах и тем самым способствовать общему повышению качества научно-исследовательской работы в области изучения истории русской философии, биографий русских философов, научной текстологической подготовки публикации и комментирования их трудов.

Результаты проведенного исследования также подводят к постановке вопроса о необходимости такой научно-образовательной специальности, как историко-философское источниковедение и архивоведение. Владение систематизированной, верифицированной и комплексной картиной представленности источников по истории русской философии в архивных фондах является элементом профессиональной культуры и компетенции ее исследователей.

Формирование в сообществе специалистов максимально полного представления об архиве русской философии как определенной предметной целостности, распределенной в фондах различных архивохранилищ, остается актуальной задачей, решение которой предполагает не только продолжения настоящего исследования в направлении аналитического картографирования, но и координации совместных усилий многих историков русской философии, работающих с архивными фондами. Эта работа должна способствовать выходу истории русской философии на качественно новый источниковедческий и методологический уровень, необходимый для решения стоящих перед ней масштабных исследовательских задач, связанных, в первую очередь,

с научной подготовкой академических собраний сочинений русских философов и разработкой современной фундаментальной истории русской философии.

Список литературы

- [1] *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1, 2 / отв. ред. З.А. Каменский. М. : Наука, 1991.
- [2] *Баженова А.А.* Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. I. М. : ИФАН, 1985.
- [3] *Долгов К.М.* «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования. М. : ИФАН, 1991.
- [4] *Козырев А.П.* Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи В. Соловьева «София» // Логос. 1992. № 2. С. 152—170.
- [5] *Борисова И.В.* Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Сочинения. Т. 3. 1877—1881. М. : Наука, 2001. С. 430—493.
- [6] *Колеров М.А.* Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898—1905/1921—1925). М. : Издание книжного магазина «Циолковский», 2018.
- [7] *Резниченко А. С.Н.* Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования. М. : Модест Колеров, 2010.
- [8] *Дурьлин С.Н.* Статьи и исследования 1900—1920 годов. СПб. : Владимир Даль, 2014.
- [9] *Лисица О.В.* К истории поступления архива И.А. Ильина в Научную библиотеку Московского университета. Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. Вып. 8. М. : Водолей Publishers, 2008.
- [10] *Овчинкина И.В.* Об одном незаметном акте служения: (О сохранении наследия И.А. Ильина в Московском университете в 1920-е годы) // Русский Колокол. Журнал волевой идеи. 2013. № 2. С. 119—127.
- [11] *Вакулинская А.И.* Малоизвестная сторона «О сопротивлении злу силой» И.А. Ильина // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 436—443.
- [12] *Вакулинская А.И.* Живое слово: Иван Ильин об ораторском искусстве // Русская философия. 2021. № 1. С. 151—167.
- [13] *Муравьев В.Н.* Сочинения. В 2 кн. / сост., подг. текста, коммент. А.Г. Гачева. М. : ИМЛИ РАН, 2011.
- [14] *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4-х тт. / сост., подг. текста, коммент. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М. : Издательская группа «Прогресс»: Традиция, 1995—2000.
- [15] *Флоренский П.А.* Сочинения в 4 т. / сост., общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М. : Мысль, 1998.
- [16] *Франк С.Л.* Полное собрание сочинений. Тт. 1—5 / под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018—2023.
- [17] *Щедрина Т.Г.* Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма. Т. 9. М. : РОССПЭН, 2012.
- [18] *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М. : «РОССПЭН», 2008.
- [19] *Колерова М.А.* Исследования по истории русской мысли: ежегодник. М. : Три квадрата, 1997.

- [20] Волков А.В. Философская проблематика в деятельности Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.03. М., 2021.
- [21] Ермишин О.Т. Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: Хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 210—267.
- [22] Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Санкт-Петербургское философское общество (1897—1923). СПб. : Дмитрий Буланин, 2020.
- [23] Ермишина О.Т., Коростелева О.А., Хачатурян Л.В. и др. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907—1917: в 3 Т. М. : Русский путь, 2009.
- [24] Черников Д.Ю. Московское психологическое общество в истории русской философии: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.03. М., 2008.
- [25] Иванова Е.В. Вольная философская ассоциация: 1919—1924. М. : Наука, 2010.
- [26] Белоус В.Г. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация) 1919—1924: в 2 кн. М. : Модест Колеров и “Три Квадрата”, 2005.
- [27] Галушкин А. После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922—1923 гг. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 г. СПб., 1997.
- [28] Макарова А.Ф. Академия Н.А. Бердяева в послереволюционной России: устав и принципы организации // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. № 41. С. 31—49.
- [29] Плотников Н.С., Подземская Н.П. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: Т. I—II. Исследования. М. : НЛЮ, 2017.
- [30] Вассена Р. К реконструкции истории и деятельности Института живого слова (1918—1924) // НЛЮ. 2007. № 86. С. 79—95.
- [31] Резниченко А.И. Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. М., 2014.
- [32] Черняев А.В., Щедрина Т.Г. Институт научной философии. Начало. М. : Политическая энциклопедия, 2021.
- [33] Сидорова М., Щербакова Е. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827—1869. М. : «Российский фонд культуры», «Российский Архив», 2006.
- [34] Струве П.Б. Избранные сочинения / сост. и ред. М.А. Колерова. М. : РОССПЭН, 1999.
- [35] Корсаков С.Н. Иван Тимофеевич Фролов, 1929—1999. М. : Наука, 2006.
- [36] Оноприенко В.И. Флоренские. М. : Наука, 2000.
- [37] Лифшиц М.А. Что такое классика? / публ. В.М. Германа. СПб. : Умозрение, 2023.

References

- [1] Chaadaev P.Y. *Complete Works and Selected Letters*. Vol. 1, 2. Moscow: Nauka publ.; 1991. (In Russian).
- [2] Bazhenova A.A. *Ideological and philosophical heritage of Hilarion of Kyiv*. Part I. Moscow: IFAN publ.; 1985. (In Russian).
- [3] Dolgov K.M. *"Shestodnev" by John Exarch of Bulgaria as a monument of medieval philosophizing*. Moscow: IFAN publ.; 1985. (In Russian).
- [4] Kozyrev A.P. Paradoxes of an unfinished treatise: on the publication of the translation of V. Solovyov's French manuscript "Sophia". *Logos*. 1992;(2):152—170. (In Russian).
- [5] Borisova IV. *Criticism of Abstract Principles*. In: Solovyov VS. *Complete collection of works and letters in 20 volumes*. Works. Volume 3. 1877—1881. Moscow: Nauka publ.; 2001. P. 430—493. (In Russian).

- [6] Kolerov MA. From the Inside: Letters from Berdyaev, Bulgakov, Novgorodtsev and Frank to Struve. Correspondence of Frank and Struve (1898—1905/1921—1925). Moscow: Edition of the Tsiolkovsky bookstore publ.; 2018. (In Russian).
- [7] Reznichenko A. *S.N. Durylin and his time: Research. Texts. Bibliography. Vol. 1: Research*. Moscow: Regnum publ.; 2010. (In Russian).
- [8] Durylin SN. Articles and studies 1900—1920. Saint Petersburg: Vladimir Dal publ.; 2014. (In Russian).
- [9] Lisitsa OV. *On the history of the receipt of the archive by I.A. Ilyin to the Scientific Library of Moscow University. Manuscripts. Rare editions. Archives. From the collections of the Department of Rare Books and Manuscripts. Issue. 8*. Moscow: Vodolei Publishers; 2008. (In Russian).
- [10] Ovchinkina IV. About one imperceptible act of service: (On the preservation of the heritage of I.A. Ilyin at Moscow University in the 1920s). *Russkiy Kolokol. Volitional Idea Journal*. 2013;(2):119—127. (In Russian).
- [11] Vakulinskaya AI. The little-known side of "On resistance to evil by force" by I.A. Ilyin. *Tetradi po konservatizmu*. 2019;(4):436—443. (In Russian).
- [12] Vakulinskaya AI. Living Word: Ivan Ilyin on Oratory. *Russkaya filosofiya*. 2021;(1):151—167. (In Russian).
- [13] Muravyov VN. *Works*. In 2 vols. Moscow: IMLI RAN publ.; 2011. (In Russian).
- [14] Fedorov NF. *Collected works*: In 4 vols. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress»: Traditsiya publ.; 1995—2000. (In Russian).
- [15] Florensky PA. *Works in 4 volumes*. Moscow: Mysl' publ.; 1998. (In Russian).
- [16] Frank SL. *Complete Works*. Vol. 1—5. Moscow: PSTGU Publishing House publ.; 2018—2023. (In Russian).
- [17] Shchedrina TG. *Gustav Shpet: Philosopher in culture. Documents and letters*. Vol. 9. Moscow: ROSSPEN publ.; 2012. (In Russian).
- [18] Shchedrina TG. *Archive of the Epoch: Thematic Unity of Russian Philosophy*. Moscow: ROSSPEN publ.; 2008. (In Russian).
- [19] Kolerova MA. *Studies in the history of Russian thought: yearbook*. Moscow: Tri Kvadrata publ., 1997. (In Russian).
- [20] Volkov AV. *Philosophical problems in the activities of the Moscow Religious and Philosophical Society in Memory of V. Solovyov*: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences: Moscow; 2021. (In Russian).
- [21] Ermishin OT. Moscow religious-philosophical society in memory of Vladimir Solovyov: Chronicle of Russian spiritual life. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 2011;(28):210—267. (In Russian).
- [22] Sinelnikova EF, Sobolev VS. St. Petersburg Philosophical Society (1897—1923). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin publ.; 2020. (In Russian).
- [23] Ermishina OT, Korosteleva OA, Khachaturian LV and others. *Religious-Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in materials and documents: 1907—1917: In 3 vols*. Moscow: Russkii put' publ.; 2009. (In Russian).
- [24] Chernikov DY. *The Moscow Psychological Society in the History of Russian Philosophy*: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences: Moscow; 2008. (In Russian).
- [25] Ivanova EV. *Free Philosophical Association: 1919—1924*. Moscow: Nauka publ.; 2010. (In Russian).
- [26] Belous VG. Wolfila (Petrograd Free Philosophical Association) 1919—1924: in 2 vols. Moscow: Modest Kolerov and "Tri Kvadrata" publ.; 2005. (In Russian).
- [27] Galushkin A. *After Berdyaev: Free Academy of Spiritual Culture in 1922—1923. Studies in the history of Russian thought: yearbook*. Saint Petersburg: 1997. (In Russian).

- [28] Makarova AF. Academy of N.A. Berdyaev in post-revolutionary Russia: charter and principles of organization. *Vestnik Syvato-Filaretovskogo instituta*. 2022;(41):31—49. (In Russian).
- [29] Plotnikov NS, Podrandskaya NP. *Art as a language — the languages of art. State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s: Vols. I-II. Research*. Moscow: NLO publ.; 2017. (In Russian).
- [30] Vassena R. Towards a reconstruction of the history and activities of the Living Word Institute (1918—1924). *NLO*. 2007;(86):79—95. (In Russian).
- [31] Reznichenko AI. *Musaget Publishing House: History. Myths. Results. Research and materials*. Moscow; 2014. (In Russian).
- [32] Chernyaev AV, Shchedrina TG. *Institute of Scientific Philosophy. Beginning*. Moscow: Political Encyclopedia publ.; 2021. (In Russian).
- [33] Sidorova M, Shcherbakova E. *"Russia under surveillance": reports of the III branch 1827—1869*. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury, Rossiiskii Arkhiv publ.; 2006. (In Russian).
- [34] Struve PB. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN publ.; 1999. (In Russian).
- [35] Korsakov SN. *Ivan Timofeevich Frolov, 1929—1999*. Moscow: Nauka publ.; 2006. (In Russian).
- [36] Onoprienko VI. *Florenskys*. Moscow: Nauka publ.; 2000. (In Russian).
- [37] Lifshits MA. *What is a classic?* Saint Petersburg: Umozrenie publ.; 2023. (In Russian).

Сведения об авторах:

Черняев Анатолий Владимирович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия (e-mail: chernyaevphd@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2019-5330

Корсаков Сергей Николаевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия (e-mail: snkorsakov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5272-9675

Макарова Анна Фёдоровна — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия (e-mail: anna.fed.mak@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5698-5836

About the authors:

Chernyaev Anatoly V. — CSc in Philosophy, leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: chernyaevphd@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2019-5330

Korsakov Sergey N. — DSc in Philosophy, leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: snkorsakov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5272-9675

Makarova Anna F. — CSc in Philosophy, research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: anna.fed.mak@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5698-5836

История восточной философии

History of Eastern Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>
EDN: SDUZDU

Научная статья / Research Article

Вайшнавизм в поэме Наммальвара «Тирувируттам»

С.Р. Моисеев

Банк России,
Российская Федерация, 107016, Москва, ул. Неглинная, д. 12
 srmoiseev@gmail.com

Аннотация. Наммальвар, тамильский поэт, живший в IX—X веках, почитается как один из великих мистиков Индии. Его четыре поэтические произведения приравнены к священным гимнам и являются частью ритуального поклонения в храмах Южной Индии. Спустя несколько столетий художественные образы Наммальвара легли в основу философии вишишта-адвайты. Поэма «Тирувируттам» считается его ранним произведением, где он объединяет каноны древней тамильской поэзии и свою преданную любовь к Вишну—Тирумалу. В исследовании представлена религиозно-философская интерпретация произведения. Секрет поэмы кроется в дуализме: внешняя красота и ее сакральный смысл. За символами тамильской поэзии прячется духовный смысл. Наммальвар заимствует каноны своих предшественников, поэтов эпохи сангам. Однако наполняет их новым содержанием. Автор сопоставляет древнетамильскую поэзию и творчество Наммальвара. Сюжет описывает любовь между Богом и душой. Поэт раскрывает несколько видов бхакти, или преданной любви. Описание бхакти в последующем легло в основу классификации душ в философии вишишта-адвайты. Бхакти приводит к обретению Вайкунтхи, или небесного города. Учителями шри-вайшнавизма описание взаимоотношений с Вишну—Тирумалем было превращено в духовную практику. Для лучшего понимания художественные образы Наммальвара сравниваются с понятиями индуизма, такими как трансцендентность, даршан, божественная милость и мокша. В Южной Индии «Тирувируттам» считается тамильской «Ригведой». Стихи исполняют дома, в храме, во время праздничных процессий. Поэма позволяет проникнуть в корни вайшнавизма и понять их поэтическое происхождение.

Ключевые слова: шри-вайшнавизм, Вишну, индийская философия

© Моисеев С.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 20.07.2023

Статья принята к публикации 08.09.2023

Для цитирования: *Moiseev S.P.* Вайшнавизм в поэме Наммальвара «Тирувируттам» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 996—1008. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>

Vaishnavism in Nammalvar's Poem "Tiruviruttam"

Sergey R. Moiseev

Bank of Russia,
12 Neglinnaya St., 107016, Moscow, Russian Federation
 srmoiseev@gmail.com

Abstract. Nammalvar, a Tamil poet who lived in IX—X centuries, is revered as one of the great mystics of India. His four poetic works are equated with the sacred hymns and are part of the ritual worship in the temples of South India. Artistic images of Nammalvar formed the basis of the philosophy of Vishishta-Advaita several centuries later. The poem "Thiruviruttam" is considered as his early work, where he combines the canons of ancient Tamil poetry and his devoted love for Vishnu-Tirumal. The study presents a religious and philosophical interpretation of the poem. The secret of the poem is its dualism: external beauty and sacred meaning. There is a spiritual meaning in symbols of Tamil poetry. Nammalvar takes canons of his predecessors, poets of the Sangam era. However, he fills one with new content. The author compares ancient Tamil poetry and the work of Nammalvar. The plot describes the love between God and the soul. The poet reveals several types of bhakti or devoted love. The description of bhakti subsequently formed the basis for the classification of souls in the philosophy of vishishta-advaita. Bhakti leads to the transition to Vaikuntha or the heaven city. Sri Vaishnavism teachers turned the description of relationship soul-Vishnu into a spiritual practice. The artistic images of Nammalvar are compared with Hindu concepts such as transcendence, darshan, divine grace and moksha. In South India "Thiruviruttam" is considered the Tamil Rig Veda. Poem is performed at home, in the temple, during festive processes. It helps to find the roots of Vaishnavism and understand its poetic origin.

Keywords: Sri Vaishnavism, Vishnu, Indian philosophy

Article history:

The article was submitted on 20.07.2023

The article was accepted on 08.09.2023

For citation: Moiseev SR. Vaishnavism in Nammalvar's Poem "Tiruviruttam". *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):996—1008. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>

«Экспериментальная» поэма

«Тирувируттам» (Tiruviruttam) представляет собой цикл из ста четырех-строчных строф размера вирутта, сочиненный Наммальваром в начале творческого пути. Это своего рода «экспериментальная» поэма, в которой альвар

укладывает свои чувства к Вишну в каноны древней тамильской любовной прозы. С одной стороны, «Тирувируттам» является литературным повествованием о любви, с другой — собранием моно- и диалогов. Само название произведения многозначно. Его переводят как стихотворный размер в священном контексте, благою весть или событие, историю или записи о любви. Однако, прежде всего, под «Тирувируттам» понимают любовное послание [1]. В определенном смысле оно представлено посланием Лакшми в адрес своего божественного супруга, о чем мы поговорим позже. В основе названия лежит стихотворный размер «вирутта» (*virutta* или *vrтта*). В стиле вирутта традиционно исполнялись тамильские гимны. Певец извлекал из сочинения понравившуюся фразу вне её стихотворного размера и повторял по несколько раз. Собирая и разбирая части произведения вновь и вновь, он музыкально оформлял сакральный смысл гимна. Декламация в стиле вирутта стала общепринятой для большинства исполнений тамильской поэзии. Заучивание и устное воспроизведение гимнов стали необходимыми условиями для их исполнения [2. Р. 140].

Первый перевод «Тирувируттам» на английский принадлежит христианскому миссионеру и директору Колледжа Уэсли в Мадрасе Джону Хуперу [3]. Опубликованный в 1929 г. в Калькутте сборник «Гимны Альваров» содержал полный перевод поэмы. Несмотря на чопорный язык викторианской эпохи и отсутствие понимания тамильской символики, работа Хупера полезна тем, что сохранила вайшнавское объяснение сакрального смысла произведения. Среди современных переводов выделяются работы поэта, литератора и профессора лингвистики Чикагского университета Аттипате Кришнасвами Рамануджана, а также профессора религиоведения и сравнительного литературоведения Калифорнийского университета Арчана Венкатешан. В «Гимнах погружённых» Рамануджан по нескольким выборочным строкам раскрывает символические ассоциации тамильской поэзии [4]. В 2014 г. Венкатешан опубликовала на английском языке полный научный перевод «Тирувируттам» с обсуждением персонажей, сюжета и любовной лирики [5].

Внешняя красота и сакральный смысл

Для современного читателя «Тирувируттам» представляет собой экстраординарное произведение, выходящее за рамки привычного восприятия. В нём совсем непросто различить структуру, логику или сквозной сюжет. На помощь приходят комментаторы, сведущие в жанре и втором смысле «Тирувируттам», прежде всего вайшнавские учителя и научные переводчики. Различают внешнюю красоту, или внешний смысл (*anyāpadeśa*), и внутреннее наполнение, или сакральное толкование (*svāpadeśa*). В некоторых случаях взаимное проникновение внешнего слоя поэмы и её внутренней начинки бывает настолько полным, что трудно отличить одно от другого. Например, «я словно океан, чьи волны разбились, без амриты оставшись» [5. Р. 54] — строки о том, что без нектара блаженства любая форма теряет наполнение.

Чем ближе к завершению поэмы, тем внешнее и внутреннее становятся все менее различимыми, пока в последних двадцати строфах не сливаются воедино. Голос героини становится голосом самого Наммальвара: «Среди толпы прелестных женщин или в окружении нравственных брахманов, на празднике или в уединенном месте, тебя, о Тёмный, мечтаю увидеть, мой драгоценный самоцвет, с чакрой златою и раковиной снежною в руках!» [5. Р. 64].

Для русскоязычного читателя «Тирувируттам» сродни «Слову о полку Игореве», тем более что оба сочинены в одну и ту же историческую эпоху. Как для современного слуха непривычен и непонятен древнеславянский язык, так и стиховая речь Наммальвара остается неясной. Чтобы донести её до русскоязычной аудитории, пришлось отказаться от всех вторичных признаков — рифмы, слогового метра и других. В результате перед нами свободный, ничем не ограниченный стих, передающий только смысл и поэтическую атмосферу. Однако простая лексика, глубокие образы и живость речи Наммальвара сохранились как первоизначальные. К примеру, «голосом низким анрил сокрушается, высоким [голосом] волны с шумом бьются о солёные скалы» [5. Р. 64], — о разлуке с возлюбленным. Для манеры Наммальвара характерна удивительная краткость, вводящая в восторг. Его стихи светятся изнутри, словно драгоценный камень расцветивается солнечным лучом.

Как и другие альвары, Наммальвар достигает выразительной краткости благодаря каскаду ярких образов, захватывающих дух. Он играет метафорами и звуками, которые в тамильском оригинале переплетаются между собой. «Над горной грядой вздымаются два Солнца огненно-красных, — поёт альвар и подсказывает, — глаза моего Господина над Удаягири пылают» [5. Р. 63]. Восторженное сердцебиение возникает не только и не столько из-за роскоши его языка, сколько из-за особенностей произнесения коротких слов. Декламация сопровождается затаенным дыханием, воссоздающим пьянящее ощущение мистического опыта Наммальвара. Тамильский оригинал заставляет концентрироваться на дыхании, следить за вдохом и выдохом, что имитирует расширение и сжатие: «Кто породил и поглотил миры, теперь поглощает меня целиком» [5. Р. 57], — устами героя открывает секрет Наммальвар. Особенности воспроизведения стихов делают их не только популярными среди преданных Вишну, они — неотъемлемая часть божественно-поэтического видения самого альвара.

Его родной поэтической формой является стиль андади (*antāti*), где благодаря созвучию или однокоренным словам последний слог строки повторяется как первый слог следующей строки. Андади предпочитали и другие «погруженные в Вишну» (то есть альвары, *ālvār*) — Пойгай, Бхутам, Пей, ученик Наммальвара Мадхуракави или Камбан, автор тамильской версии «Рама-яны». Однако только в искусных руках Наммальвара андади становится невероятным. Он играет каламбурами, омонимами и мастерски манипулирует слоговым звуком. На русском дословно это звучит как «съел хитрый масло из

горшков, затем весь мир [попал в его] живот великий, как великий карлик договорился с Великим Бали, проглотил всю Землю, поглотил он сердце моё, не желает оно никого, лишь хитреца великого» [5. Р. 67]. Игра слов в андади, с одной стороны, ставит перевод стихов на грань возможного, с другой — благодаря ему возникают живые и непосредственные образы, делающие далекое — близким, а высокое — родным. Стиль андади Наммальваром выбран неспроста: он воспроизводит бесконечные вселенские круги. Нескончаемый цикл единения и разлуки влюбленных, рождение космоса и его конец, порочные круги рождений и смертей, из которых может вывести только Вишну. Поэма превращается в непрерывный цикл, в котором нет ни начала, ни конца, — звучит лишь биение жизни, ради которой божественное снисходит на Землю — подобно непостижимой природе самого Вишну.

Наследие канонов сангам

Наммальвар не зря считается талантливym наследником тамильских поэтов прошлого. «Тирувируттам» полностью построен по канонам сангам — сообщества придворных поэтов Южной Индии, сочинявших в первые три века н. э. Главными темами их творчества были величие правителя и красоты его столицы, а также любовь между мужчиной и женщиной. Наммальвар воспроизводит каноны сангам, заполняя традиционную форму новым содержанием. Воспеваемым правителем становится Вишну, его прекрасная обитель — Вайкунтха, а любовь — отношения между Вишну и душой [6]. В руках Наммальвара придворная поэзия превращается в гимн преданной любви к Богу. Предтечей «Тирувируттам» считается эпическая поэма «Айнкурунуру» (Ainḱurunūru), датируемая III веком н.э. [7. Р. 409]. Это гигантское произведение в 500 строф, написанное по канонам сангам пятью поэтами при дворе правящей семьи Чера. Каждый из авторов описал один из пяти любовных мотивов «тиней», представленных пейзажами: знакомство и первая влюбленность (горный пейзаж), ожидание встречи (лесные уголья и пастбища), раздоры влюбленных (плодородные равнины рек), страдания (побережье) и разлука (пустынный пейзаж). Все любовные мотивы имеют собственные наименования по названиям цветов — соответственно, куринчи, муллей, марудам, нейдаль и палей. Наммальвар их упоминает в 26 строфе «Тирувируттам», говоря о том, что для единения возлюбленных героям предстоит пройти пять чувственных состояний, или земель.

Классический сюжет по канону сангам начинается со знакомства главных персонажей. Вскоре их ждет разлука, однако герой обещает вернуться ко времени цветения конрай, то есть к началу сезона дождей. По исходу срока на ветках конрай появляются желтые бутоны, однако герой все не возвращается. Подруга успокаивает героиню, что время еще не вышло, но уговоры не уменьшают её страданий. Наммальвар повторяет классические любовные мотивы «тиней» во взаимоотношениях с Тирумалем. Любовь между ним и влюбленной душой ничем не отлична от человеческих отношений. Главное

действие разворачивается в лесистых предгорьях легендарной Тирумалы. В 15 строфе подруга героини проговаривается: «Дни за днями храним мы роши повелителя Венкаты» [5. Р. 38]. Речь идет о Вишну-Венкатешваре из храма на холмах Тирумалы, который благодаря поэзии Наммальвара станет культовым местом паломничества. Холмы Тирумалы являются не чем иным, как мотивом муллей — местом предвкушения встречи с Тирумалем. На холме Венката герои впервые встречаются и знакомятся, любовная стрела бога любви Камадева пронзает их сердца (мотив куринчи). Вскоре они расстаются, героиня отправляется в бесплодные поиски по пустым тропам Тирумалы, где лишь «охотники с изогнутыми луками, погонщики скота да кровожадные разбойники» (мотив палей). Она выходит на шумный берег моря и взывает к волнам: «Не стирайте следов укотившей глубокой ночью колесницы моего возлюбленного, кто как сверкающий ночной бриллиант» [5. Р. 38] (мотив нейдаль). Она обвиняет героя в жестокосердии, вспоминая о нем возле реки и разговаривая с лотосами и ампаалами (мотив марудам). В конечном счете время приходит, конрай цветёт, предчувствуя возвращение возлюбленного.

Наммальвар искусно встраивает классические сюжеты сангам в «Тиру-вируттам». К примеру, в 55 строфе герой спрашивает пчел, где они могли встретить аромат цветов, которым благоухают её волосы? Схожий образ встречается в другом тамильском стихотворении «Курунтокай» (Kuruntokai) [5. Р. 186], сочиненном за несколько столетий до Наммальвара и ставшим классикой любовной лирики. Оттуда же Наммальвар заимствует символ конрая как приближение сюжетной развязки. По всей видимости, собиратель стихов альваров, первый учитель шри-вайшнавизма Натхамуни (824—924), не в точной хронологической последовательности сохранил строфы, отчего любовные мотивы намешены без очевидного порядка. Строфы 68 и 69, скорее всего, были завершающими и предшествовали последней философской двадцатке строк. Ведь в них — предчувствие рассвета, на фоне которого маячит неясный силуэт Тирумала. Самого же героя повествования слушатели стихов не застают — Наммальвар оставляет последнюю страницу пустой, заставляя играть их воображение.

Герои произведения

Главная героиня, или найика (nāyikā), — юная девушка с густыми вьющимися локонами, чьи «губы подрагивают как нежные листки». Она олицетворяет человеческую душу, ведь душа столь же прекрасна, как сама райская обитель Вайкунтха. О душах Наммальвар отзывается как о проявлении великолепия Вишну. Душа не может предстать ни в каком другом облике, кроме прелестной девушки, ведь она — отражение божественной красоты. Души вольны выбирать себе прибежище, или мир для наслаждения. Впрошая, главный герой их называет: Земля и Вайкунтха, где обитают небожители. У душ-девушек выбор невелик: бесконечно перерождаться на Земле или подняться на Вайкунтху.

Образное представление Наммальвара легло в основу деления душ в философии шри-вайшнавизма. Они или привязаны к игровому миру (*līlā vibhūti*), или жаждут освобождения без забот и тревог, или добираются до вечного мира истинной реальности (*nitya vibhūti*). Все, что не относится к мнимому миру тел из грязи, является бесплотной вселенной Вайкунтхи, где души становятся нитья-сури, или бессмертными небожителями. Изредка Мадхава рождается в материнских утробах ради спасения жизней, чтобы свободные души «пересекли небо» и достигли обители молодости, счастья и процветания, лежащей вне времени.

Освобождение дарует темноликий Тирумаль, воплощение любви. Он одновременно и повелитель небес, и дверь в них, и конечная реальность, за пределами которой «больше никого». Чаения героини, сравнимые с любовным безумием, устремлены лишь к единственному. Когда Наммальвар думает о Непревзойденном, то превращается в главную героиню. На ежегодном празднике декламации священных гимнов в Южной Индии его статую нередко одевают в Парангуса-найика (*Paṅṅkuṣa Nāyikā*, буквально, автор-героиня), женскую ипостась альвара. Не менее четверти эпического «Тируваймоли» он озвучил голосом главной героини. Её «я» жаждет единения с возлюбленным и трепещет от одной лишь мысли о разлуке. Во всей красоте Наммальвар раскрывает природу «я» и позволяет проникнуть в тайну любовного слияния. В тамильской среде «я» — это и жизнь, и дыхание, и сердце, и ум, и даже самость — в отличие от западной ментальности, все они неразрывны между собой. Без единства сердца и ума не может быть ни любви, ни гармонии. На тамильском языке альвары говорят об «уйир» (*uyir*) или «ави» (*āvi*) — «дыхании жизни» или, по-простому, «живости» [2. Р. 113]. «Его птица [Гаруда] одинокое сердце моё унесла, прохладный бриз осаждает меня, принося запах тулласи, что украшает ароматные пряди того, кто высосал жизнь асури, жизнь трепещет моя...», — произносит Наммальвар [5. Р. 33]. Во влюбленной все едино: её сердце (*ṅēcam*) похищено, её дыхание жизни (*avi*) — трепещет. Душа пластична словно вода, она проливается как слезы, дрожит как северный бриз и даже уносится вслед за быстрой птицей. Тамильское «я», или ритмичное дыхание жизни, трепещет и поет. Но оно может и замедлиться до точки замерзания, когда не чувствуешь своего дыхания, а воспринимаешь лишь любимого. «Тело вялое с прерывистым дыханьем к гибели ведет», — жалуется мать героини [5. Р. 64]. Дыхание жизни входит в тело и покидает его, следуя циклу, никому не ведомому, кроме Всевышнего. В дыхании он воплотился сам: пока душа дышит любовью, в ней теплится жизнь. В тамильской культуре быть человеком — значит жить в любви, заводить речь — буквально быть «способным любить» [8. Р. 229]. Пока Господь, или Высшая душа (*Пурушоттама, Puruṣottama*), пребывает в человеке, он дышит любовью.

На первый взгляд может показаться, что девушка-душа играет пассивную роль, о чем говорят её непрерывные стенания на протяжении всей поэмы. Однако поверхностное впечатление обманчиво. Как ни покажется странным,

она сама на охоте за Нараяной. Её оружие — изящные изгибы бровей словно луки, а стрелы — быстрые взгляды из-под густых ресниц. Красавица «скрывается в засаде, чтобы сразить любовью». Слезы, страдания и упреки в жестокосердии — всего лишь способы заполучить возлюбленного в свои объятия. Однако её охота похожа на ночное выжидание рыбака, расставившего к утру сети. Как пел другой неподражаемый вайшнавский поэт Таллапака Аннамайя (1408—1503), «терпение — политика для девушек / не противопоставляй себя — мужчины мягкие / упрямство не сработает, будь ему другом, он влюбится сам / не показывай силу, просто смейся / вот в чем природа мастерства, терпение — политика для девушек» [9. Р. 20]. Искусство обольщения отца Манматхи легло в основу южной школы шри-вайшнавизма, где преданные не бегают за милостью, а делают все, чтобы властелин небес сам за ними пришел. История их взаимоотношений предрешена: её судьба — полюбить Несравненного среди всех миров. Она не вольна выбирать, сколько бы ни звала своё сердце обратно. Как замечает Наммальвар, «узы судьбы их связали». Участь души не отлична от предназначения Тирумакаль, или божественной супруги Лакшми: вечно наслаждаться в объятиях великолепного Господина. «Она — конец [последняя любовь] владельца булавы, — произносит альвар и добавляет, — неотделима от него как Лакшми, словно тень» [5. Р. 32]. Предначертанное не может не сбыться, как «рассвет следует за покровом ночи», — девушке, похожей на Вайкунтху, судьбой назначено оказаться в неге небесной обители.

Вокруг главной героини действуют второстепенные персонажи — её мать, подруги и даже ведунья-знахарка с почитателем Муругана. Принадлежность их голосов трудно разобрать. Наммальвар не оставляет следов, кому какой голос принадлежит. Их владельцев можно вычислить только из контекста строф. Для удобства я обозначаю в переводе каждой строфы предполагаемого персонажа и мотив его речи. Персонажи второго плана, хотя и играют вспомогательные роли, не менее важны. Наммальвар рисует несколько сознаний преданной любви. Подобно рекам, все они устремляются к бездонному океану любви, однако разными путями. Главная героиня олицетворяет бхакти, или преданную любовь. Мать представляет собой антагониста, предпочитающего формальные отношения с Тирумалем. Её удел — чтение священных текстов, проведение ритуалов и почитание на расстоянии. Когда дочь делится чувством, которое у нее вызывает цвет тела Тёмноликого, мать видит в этом дерзость и нарушение границ дозволенного. Репутация дочери важнее, чем взаимоотношения с возлюбленным. Подруги героини — две наперсницы, доверенные лица. От её имени они общаются с главным героем, разделяют её чувства и соперничают. Подруги выступают в качестве посредниц, которые посвящены в любовные тайны, однако сами они не испытывают глубоких чувств. С легкостью Наммальвар играет образами, к которым обращается главная героиня. С легкостью они превращаются в природные силы и обратно в подруг. Героиня вызывает к прохладному бризу, и тот

голосом подруги ей отвечает, что от любви сам не свой. Влюбленная вопрошает непроглядную ночь и тёмный океан, желая им доброй жизни. В ответ подруги озвучивают её чувства, находящие отражение в природной стихии. Для героини холодный ветер сезона дождей, бурлящий океан и бескрайняя ночь — несостоявшиеся ухажеры, претенденты на её любовные браслеты из ракушек. Она сохраняет с ними приятельские отношения, отчего ко второй половине поэмы голоса главной героини и наперсниц-стихий сливаются в унисон.

Поэтические аллегории Наммальвара всегда находились под пристальным вниманием учителей шри-вайшнавизма. На протяжении поколений они ищут в стихах сакральный смысл. Наследники «отца» шри-вайшнавизма, Рамануджи (1077—1157), читают поэзию альваров в свете Упанишад, веданты, «Рамаяны», «Махабхараты» и «Вишну-пураны». Кришнапада, известный как Перияваччан Пиллай (Periyavācṣāṇ Piḷḷai), живший в первой половине XIII века, прокомментировал все 4000 стихов альваров. В своих разъяснениях он истолковывает отдельные слова стихов, чтобы обнаружить их внешнее и внутреннее значение. Наиболее известным комментатором художественных образов Наммальвара считается Алакия Манавала Перумал Наянар (Azhagiya Manavala Perumal Nayanar), живший во второй половине XIII века. Помимо того, что он был младшим братом Пиллай Локачарьи, основателя южной школы шри-вайшнавизма, Перумал Наянар известен сочинением «Сердце учителя» (Ācārya Hṛdayam). В нем предлагается расшифровка аллегорий Наммальвара, включая внешний вид девушки, цветов, пчёл, птиц и т.д. Некоторые из символических ассоциаций тамильской поэзии хорошо известны. Например, птицы-посланники с весточкой считаются духовными учителями, связывающими души со Всевышним. Другие характерны только для традиции шри-вайшнавизма, например, крик павлина как звук имени Вишну [10. P. 58—82].

Образ Вишну-Тирумаля

Персонажи, бриз, океан и ночь поют о Единственном. Его тамильское имя — Канна (Kaṇṇan), то есть буквально «Любимый». В том, что Канной именуют Вишну, нет никакого сомнения. В поэме Вайкунтха названа небесным городом Канны. Трудно удержаться от соблазна увидеть в главном герое Канну. Однако Канна и главный герой — не один и тот же персонаж. Уже в своем первом обращении он говорит о Вишну как о третьем лице. О главном герое можно сказать лишь одно: он родом с Вайкунтхи. Герой очарован красотой героини, которая может заморозить даже йогинов, и мысли его уносятся к небесной обители. В традиции шри-вайшнавов принято видеть в героине Наммальвара, а в герое — сообщество вайшнавов [5. P. 95]. Устами героя они восхваляют девушку-Наммальвара, чей внутренний взор обращен к Вишну и «бежит от скверны». Очевидно, что Наммальвар никак не предполагал организованное сообщество своих будущих почитателей. Герой

зеркально отражает чувства героини, что позволяет ей лучше себя понять. Во многом они становятся персонажами-близнецами, идеально подобранной парой, для которой Канна — их высший герой и покровитель. В поэтическом мире альвара нет линейных образов, все они взаимно перетекают и не являются тем, что кажется на первый взгляд. Не стоит забывать, что сюжет развивается на холмах Тирумалы, где Вишну-Венкатешвара наслаждается земными играми. Ко времени Наммальвара на пике Венката уже воздвигли храм, обраставший легендами. Считается, что время от времени Вишну рождается на холмах, чтобы встретиться со своей возлюбленной Лакшми, которая также воплощается в теле. Влюбленные не помнят, кто они и откуда, лишь взаимная любовь может вернуть им память. Истории любовных приключений божественной пары, приходившей на священную землю, составляют мифологию Тирумалы. По всей видимости, Наммальвар разродился протоисторией, столетия спустя оформленной поэтессой Таригонда Венгамамбой (1730—1817) в стхала-пурану «Шри Венкатачала Махатмья» (*Śrī Vēṅkaṭācala Māhātmya*). В контексте местных мифов «Тирувируттам» играет новыми красками. В его сюжете проглядывается повесть о Шринивасе и Падмавати — земных воплощениях Вишну и Лакшми на холмах Тирумалы.

«Проникающий во всё» Вишну сквозит в пейзажах, речи и чувствах персонажей. Наммальвар дает шанс увидеть неподражаемого Маля своими глазами. На протяжении всего «Тирувируттам» он обращается к судьбоносной истории «Ригведы», где Вишну-Тривикрама совершил знаменитые «три шага», охватив весь мир (гимны 1.22 и 1.154). Сюжет является ключом к пониманию природы и характера Вишну. Тремя шагами охватив миры, «Всепроникающий» оказался в каждой материи и живом существе, смысле и чувстве. Как пел именитый предшественник Наммальвара, Кадуван Илавейнанар, «в огне ты — тепло, в цветах — аромат, среди камней ты — алмаз, в словах — правда...» [11. P. 49]. «Взгляни, стопы мои охватывают Землю и небо, — промолвил Вишну и докоснулся выси...» [5. P. 48]. Проникаясь всеприсутствием, альвар чувствует его вокруг. «Красота твоих глаз — в моих глазах, что вижу я повсюду», — признается поэт [5. P. 47]. Его охватывает ощущение бесконечной, пронзительной красоты, для описания которой ему не хватает возвышенных слов. Альвар отзывается о Всепроникающем, прибегая к лotosовым метафорам: очи как лотосы, руки как лотосы, стопы как лотосы. В окружении «погруженный в Вишну» видит божественную природу, вводящую его в чарующее опьянение. В шри-вайшнавской среде считается, что от созерцания трансцендентной красоты Наммальвар уходил в транс, откуда приносил свои стихи. Хотя священные тексты живописуют божественное великолепие, со слов «погруженного», им далеко до описания истинной красоты Канны.

В миг лицезрения происходит даршан (*darśana*) — Бог видит Наммальвара, а Наммальвар — Бога. Между ними возникает то, что у тамиллов зовется «арул» (*aruḷ*) — их обоих охватывает благодать [5. P. 154]. В ней соединены

любовь, милость и сострадание. Нараяна бросает на альвара благосклонный взгляд и тем самым дарует свою любовь и милость. Сердце Наммальвара при взгляде на повелителя Вайкунтхи начинает истекать нектаром любви. Чувство «арул» между ними текучее, мягкое, безграничное, теплое и одновременно спокойное. Распахиваются небеса, и над собой альвар видит парампаду (parampadam) — высший мир, сотканный из безграничного блаженства, который олицетворяют стопы Вишну. Потеряв ощущение земной реальности, альвар погружается в ласкающее тепло сияния. Для него ощущение Вайкунтхи более реально, чем игровой мир на Земле. Как провозглашает гимн «Ригведы», «освобожденные созерцают парампаду Вишну как обычные видят Солнце в небе» (гимн 1.22.20). Пребывающим сознанием на Вайкунтхе не страшна никакая судьба, ведь они уже живут в мире без забот и тревог. Наммальвар отзывается о секрете спасения: «Как злобный рок коснется нас, чтящих Тирумалья?» [5. Р. 66].

Однако более всего альвар трепещет перед явлением Канны на Земле. Вне времени Тирумаль пребывает в райских кущах небесной обители. Когда ему вздумается развлечься, приняв человеческий облик, он на мгновение покидает Вайкунтху, чтобы прожить целую земную жизнь. «Безупречные гирлянды предложат, омоют прохладной водой, овеют ароматом благовоний бессмертные в небе высоком, — живописует Наммальвар и добавляет, — но ты ловко исчезнешь, чтобы черпнуть и угоститься маслом, потанцевать между рогами горбатого быка, ради красавицы...» [5. Р. 40]. Для поэта нет ничего ценнее, чем аватара Вишну. На небесах бессмертные смакуют вкус Мадхавы, погружаясь взором в свои чувства. Но «Грезят ли нитья-сури днем и ночью одним из обликов твоих многих? — вопрошает Наммальвар и отвечает. — Им не понять непритязательных слов “он угостился маслом”!» [5. Р. 69]. Живое прикосновение к возлюбленному для него дороже, чем безбрежный внутренний океан чувств, который рождается от немигающего взгляда на него.

Наммальвар и его наследие

Наконец, «Тирувируттам» может поведать о своем создателе. О себе Наммальвар упоминает лишь однажды в пхала-шрути, или завершающей строфе, что он из города Куругура, где «добрые люди воспевают имя Вишну». Тем не менее, поэма раскрывает личность Парангуса-найика, поющего голосом девушки. Хотя учителя шри-вайшнавизма обожествили Наммальвара, в нем сохраняются человеческие черты. Как и остальных, его одолевают вопросы: можно ли говорить с Богом, слышит ли он меня, означает ли его молчание мою вину? Однако, не позволяя вопросам стяжать себя, он дает им проплывать мимо дождевыми тучами. Альвару не интересны причуды ума, его увлекает повелитель Вайкунтхи, чей образ заполняет его ум и сердце. Все вокруг напоминает о темноликом Господине. Шум прибой шепчет о тучах

цвета Тирумалю, что из океана утоляют жажду. Бриз сезона дождей предвещает неминуемую встречу. Туласи дурманит ароматом его кудрявых волос. Непроглядная ночь, или разлука, как занавеска майи, за которой прячется любовник — Майяппиран, повелитель иллюзии. «Когда видим все, что столь похоже на него, — голосом героини говорит Наммальвар, — очарование охватывает нас» [5. Р. 66]. Рождается текучий теплый «арул» — любовь к Проникшему повсюду, она же — его милость, неотличимая от чувства к благостному Малю. Любовное переживание утоляет жажду по любви, словно Тирумаль насыщает живительные тучи. «В единстве мы, когда ты в мыслях моих», — признается альвар [5. Р. 56]. Его уста поют славу тому, кому нет равных среди всех миров. Единство с возлюбленным Наммальвар называет севой (*sevā*), или любовным служением. Руки творят его благо, глаза наслаждаются его красотой, язык воспевает его имена. Поэт не знает лучшего служения, чем дать Нараяне заполнить свой сосуд нектаром и щедро поделиться блаженством с окружающими. «Строфам песни искусный Тирумаль меня научил», — признается альвар [5. Р. 50]. Однако делает это с предельной скромностью, приписывая плоды своих дел вдохновению свыше. Как черви, копошащиеся в ране из 48 строфы, не знают о космических тайнах мироздания, так и Наммальвару нечего сказать. Вишну произносит строки «Тирувируттам», используя альвара как флейту, в которую проникает дыхание любви.

Как и другие произведения Наммальвара, «Тирувируттам» исполняют дома, в храме, во время праздничных процессий. Петь или слушать стихи альвара значит наполняться смешанным чувством одновременного присутствия и отсутствия Бога. С одной стороны, Всевышний здесь, сокровенно живет в сердце, о чем говорят чувства. С другой стороны, он скрыт от внешних взглядов. Сквозным сюжетом «Тирувируттам» является вираха-бхакти (*viraha bhakti*), любовь в предчувствии встречи. «Я скрылся с глаз, чтобы влечение ко мне сохранялось, как человек без гроша в кармане мечтает о сокровище», — объясняет Вишну в «Бхагавата-пуране» (книга 10, часть 1, глава 32, шлока 20). Один из способов вернуть его внимание — петь вместе в окружении влюбленных. Исполнение побуждает найти в себе собственного альвара. Гимны же становятся путеводной картой по миру божественного. «Тируваймоли» Наммальвара является его самым пространным и наиболее известным произведением. Однако без путеводной лирики «Тирувируттам» понять огромную поэму непросто. Как ритуальные песнопения «Самаведы» заимствуют стихи «Ригведы», так и без «Тирувируттам» гигантское «Тируваймоли» теряет блеск. Не зря «Тирувируттам» считается тамильской «Ригведой».

References

- [1] Hopkins S. Tiruviruttam. A Hundred Measures of Time. *Journal of Hindu studies*. 2017;(10):365—367. <https://doi.org/10.1093/jhs/hix021>
- [2] Shulman D. *Tamil: a Biography*. Cambridge, London: Belknap; 2016.

- [3] Hooper J. *Hymns of the Ālvārs*. Calcutta: Association Press; 1929.
- [4] Ramanujan A. *Hymns for the drowning: poems for Viṣṇu*. New Dehli: Penguin Books; 1993.
- [5] Venkatesan A. *A hundred measures of time: Tiruviruttam*. Gurgaon: Penguin Books; 2014.
- [6] Clooney F. Book Review: A Hundred Measures of Time: Tiruviruttam. *Journal of Hindu-Christian Studies*. 2015;(28). <https://doi.org/10.7825/2164-6279.1615>
- [7] Anandakichenin S. Book Review: A Hundred Measures of Time: Tiruviruttam. *International Journal of Hindu Studies*. 2016;(20):408—410. <https://doi.org/10.1007/s11407-016-9198-1>
- [8] Venkatkrishnan A, Ollett A, Shulman D. *Nammalvar's Tamil A Hundred Measures of Time: Translator's Note and Text*. Bronner Y, Hallisey C, editors. University of California Press; 2022. <https://doi.org/10.1515/9780520384484-015>
- [9] Narayana Rao V, Shulman D. *God on the Hill: Temple Poems from Tirupati*. New York: Oxford University Press; 2005.
- [10] Damodaran G. *Ācārya Hṛdayam: A Critical Study*. Tirupati: Tirumalai Tirupati Devasthanams; 1976.
- [11] Zvelebil K. *Tamil literature*. Wiesbaden: Harrassowitz; 1974.

Сведения об авторе:

Моисеев Сергей Рустамович — доктор экономических наук, доцент, Банк России, Москва, Россия (e-mail: srmoiseev@gmail.com). ORCID: 0000-0002-9044-5403

About the author:

Moiseev Sergey R. — DSc in Economics, Associate Professor, Bank of Russia, Moscow, Russia (e-mail: srmoiseev@gmail.com). ORCID: 0000-0002-9044-5403

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1009-1020>

EDN: SEDFWL

Научная статья / Research Article

Культ Богини-Матери во Вьетнаме и его влияние на конфуцианскую этику

С.А. Нижников , А.В. Марцева , Т.Б. Фам

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 nizhnikov-sa@rudn.ru

Аннотация. Вьетнам — страна с множеством духовных верований, которые отражают ценности жителей страны и являются важной составляющей её традиционной культуры. Среди них особое место занимает вера в Богиню-Мать. Этот совершенно уникальный для Вьетнама вид народных верований имеет долгую историю и подчеркивает женское начало через образ женщины, обладающей силой и способностью умножать, обогащать, развивать и создавать все сущее. Эта вера отражает желание вьетнамцев иметь достаточно риса, теплых одежд, обильных дождей и гармоничных ветров. С течением времени вера в Богиню-Мать претерпела значительные изменения, адаптируясь к реальной жизни общества. Вера в Богиню-Мать, отражающая ценности и высокие человеческие качества вьетнамцев, стала культурным наследием вьетнамского народа и всего мира и была признана ЮНЕСКО объектом репрезентативного нематериального культурного наследия человечества. Когда во Вьетнам пришла конфуцианская этика, она претерпела влияние веры вьетнамцев в Богиню-Мать. Большое влияние культ Богини-Матери оказал и на представления о роли женщины в обществе. В исследовании анализируются истоки, особенности и ценности вьетнамского культа матери, отмечается его влияние на вьетнамскую конфуцианскую этику, устанавливается, что деятельность, связанная с поклонением Богине-Матери, способствует укреплению чувства общности вьетнамской нации. В связи с развитием конфуцианской этики в рамках вьетнамской культуры отношение к женщине изменилось на более гуманное и открытое. В современности культ поклонения матери приобрел светские черты и может рассматриваться как признак гендерного равенства.

Ключевые слова: культ поклонения, вьетнамская культура, конфуцианские нормы, женщина во Вьетнаме, гендерные проблемы, матриархат, народные верования

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено в рамках научного проекта Российского научного фонда № 22-28-00162 («Концепция “осевого времени” в контексте интеркультурного диалога»).

© Нижников С.А., Марцева А.В., Фам Т.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 30.08.2023

Статья принята к публикации 30.09.2023

Для цитирования: *Нижников С.А., Марцева А.В., Фам Т.Б.* Культ Богини-Матери во Вьетнаме и его влияние на конфуцианскую этику // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 1009—1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1009-1020>

Vietnam Cult of the Mother Goddess and its Influence on Confucian Ethics in Vietnam

Sergei A. Nizhnikov , Anna V. Martseva , Tien Bac Pham

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation
 nizhnikov-sa@rudn.ru

Abstract. Vietnam is a country with many spiritual beliefs that reflect the values of its inhabitants, being an important component of their traditional culture. A special place is occupied by faith in the Mother Goddess. This kind of beliefs, which is completely unique for Vietnam, has a long history and emphasizes the feminine principle through the image of a woman with the power and ability to create, enrich and develop everything that exists. Faith in the Mother Goddess reflects the values and high human qualities of the Vietnamese, and it has been recognized by UNESCO as an object of representative intangible cultural heritage of humanity. Confucian ethics was adopted in Vietnam, but it was influenced by the Vietnamese belief in the Mother Goddess. The cult of the Mother Goddess also had a great influence on the ideas about the role of women in society. The study analyzes the origins, features and values of this cult and indicates its influence on the Vietnamese Confucian ethics. It is established that the activities of the worship of the Mother Goddess contribute to strengthening the sense of community of the Vietnamese nation. In connection with the development of Confucian ethics within the framework of Vietnamese culture, the attitude towards women has changed to a more humane and open one. In modern times, the cult of mother worship has acquired secular features and can be seen as a sign of gender equality.

Keywords: cult of worship, Vietnamese culture, Confucian norms, woman in Vietnam, gender problems, matriarchy, folk beliefs

Funding and Acknowledgement of Sources. This study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-28-00162 (“The ‘Axial Age’ Conception in Intercultural Dialogue”).

Article history:

The article was submitted on 30.08.2023

The article was accepted on 30.09.2023

For citation: Nizhnikov SA, Martseva AV, Pham TB. Vietnam Cult of the Mother Goddess and its Influence on Confucian Ethics in Vietnam. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):1009—1020. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1009-1020>

Культ Богини-Матери во Вьетнаме

Многие практики поклонения богиням, известные во всем мире, уходят корнями в глубокую древность, продолжая процветать в некоторых религиях даже сегодня. Богини играли заметную роль в доисторических культурах, во время господства аграрного уклада и в эпоху зарождения городской жизни. Они и по сей день остаются плодотворным источником религиозного опыта и в современном мире. В богинях и их культе отражаются многозначные священные образы, которые лучше всего могут быть поняты в конкретных исторических и культурных контекстах.

Во Вьетнаме в культе Богини-Матери слово «Мать» (*Mẫu, May*) является глубоко значимым понятием. Во-первых, «в своем первоначальном значении слово “Мать” относится к женщине, которая кого-то родила, это то, как ребенок обращается к тому, кто его родил. В дополнение к обычному значению обращения слово *Mẫu* также означает почитание» [1. С. 21]; во-вторых, *Mẫu* во вьетнамской традиции обозначает Бога природы, обладающего большой силой; в-третьих, слово *Mẫu* означает пожелание счастливой и изобильной жизни, щедрого урожая и спасения от стихийных бедствий, а также «хранить, умножать, процветать и творить» [2. С. 82]; наконец, в-четвертых, *Mẫu* символизирует национальное единение против стихийных бедствий и вражеских нападений.

Культ Богини-Матери предполагает веру, восхищение, почитание и поклонение богиням, связанным с природными явлениями и Вселенной. Считается, что богиня обладает способностью создавать, покровительствовать и защищать жизнь людей, включая небо, землю, реки, леса и горы. Культ Богини-Матери заключается в поклонении женщинам, которые при жизни были талантливы и имели большие заслуги перед людьми и страной. Принято считать, что, умирая, они продолжают поддерживать людей. Следует подчеркнуть, что вьетнамское поклонение богине — это не полноценная религия, а чисто вьетнамское народное верование: «Образ матери — это полностью продукт народной веры, а не ортодоксальной религии» [3. С. 53–54], «поклонение богине — это народная вера, вера коренного населения, отличная от универсальной религии» [4. С. 8]. Наше исследование показало, что во Вьетнаме существует три источника поклонения Богине-Матери.

Во-первых, это матриархат. Культ Богини-Матери берет начало в эпохе матриархата. «В первобытные времена женщины, будучи вождями кланов, имели право решать все основные вопросы в семье и племени, а также вносили важный вклад в выживание общества» [5. С. 12]. Во Вьетнаме свидетельства матриархата имеются в ранней неолитической бакшонской

культуре, названной так по горному массиву Бакшон (вьетн. *Bác Sơn*) на севере Вьетнама (около VI тысячелетия до н.э.). Следы бакшонской культуры свидетельствуют о том, что люди уже знали земледелие, изготавливали керамику и селились в матрилинейных родовых коммунах [6. С. 7–9]. В древнем вьетнамском обществе существовала матрилинейная система, при которой матери играли очень важную роль не только в семье, но и в повседневной деятельности, материальной и духовной жизни клана. Женщины играли важную роль в земледелии и животноводстве, контролировали всю экономику семьи: «Матери рожают детей и заботятся о них с момента появления в колыбели и до самой смерти. В ранней истории человечества люди знали только матерей, но не отцов. Формирующиеся общества также должны были пройти через первые стадии матриархата. Поэтому фигура матери имела решающее значение для зарождения человеческого рода» [7. С. 11].

Во-вторых, обнаруживается существенная связь с выращиванием риса. Как народ, традиционно занимающийся выращиванием риса, вьетнамцы всегда были заинтересованы в его изобилии, а также в теплой одежде, благоприятных ветрах и дождях, хорошем урожае, но из-за стихийных бедствий эти желания не всегда сбывались. Это порождало веру в сверхъестественные силы и поклонение богам природы (например, статуям богинь облаков, дождя, грома и молнии). Вьетнамцы молились им, прося о защите и избавлении от всех страданий, о мире и процветании. Таким образом, верования этого периода, связанные с поклонением матери, представляли собой восхищение, поклонение и преклонение перед богиней, которая обладает сверхчеловеческими способностями управлять природными явлениями для защиты и сохранения человеческой жизни: «Вьетнамцы склонны феминизировать природные явления, превращая богов природы в богинь и поклоняясь многим богиням как матерям» [8. С. 12].

В-третьих, уважение к женщинам в процессе национального строительства и развития. Женщины играют важную роль во Вьетнаме. Поэтому во вьетнамском языке самые большие и важные вещи часто ассоциируются со словом «*cái*» (женский), означающим мать или женщину. Например, «*Sông cái*», «*cột cái*», «*cổng cái*», «*đường cái*», «*thúng cái*» («главная река», «главный столб», «главные ворота», «главная дорога», «главная корзина»). Наконец, понятие «мать» распространяется и на женщин, которые представляли в истории как защитницы, священные существа: они жили или умирали, отстаивая честь своей страны и своего народа — героини, королевы, принцессы, родоначальницы кланов или ремесленных поселений [9. С. 522]. История Вьетнама, в силу его важного природно-географического положения, соединяющего море и континент, связана с историей сопротивления иностранным вторжениям: «Когда враг приходил в дом, женщины тоже сражались» [10. С. 148]. Если враг вторгнулся в страну, обычным женщинам приходилось брать на себя очень важные задачи, например, заботиться

об оружии и продовольствии, и «роль женщин сказывалась на всех фронтах» [11. С. 327]. Такие населенные пункты, как Бакнинь, Бакзянг, Ханой, Ханам, Тханьхоа, Хатинь, имеют легенды о женщинах и матерях, которые держали склады и обеспечивали логистику армии в военное время. Эти фигуры уважали, им поклонялись и, в конце концов, обожествляли, после чего они становились воплощениями Святой Матери: Ба Тьюу Кхо, Ба Ву Тхунг, Ба Ао Тхе (Bà Chúa Kho, Bà Vụ Thung, Bà áo The) [12. С. 82]. Эти божества — могущественные, защищающие, таинственные, как, например, принцесса Льеу Хань — одна из четырех бессмертных богинь во вьетнамских народных поверьях [13. С. 108].

На протяжении всей истории человечества культ матери как символа плодородия, защиты и покровительства легко входил в народный быт и глубоко укоренялся в социальной и духовной жизни всех людей. Из тысячи культурных объектов Вьетнама 250 посвящены женским божествам или знаменитостям [14. С. 6]. В процессе своего развития культ богини не только испытал положительное влияние религий (например, буддизма, даосизма, конфуцианства), но и был интегрирован в уникальную культуру этнических меньшинств Вьетнама. В результате поклонение богиням занимает важное место в духовной жизни вьетнамского народа и является неотъемлемой частью традиционной культурной идентичности вьетнамского этноса. В декабре 2016 года на 11-й сессии Межправительственного комитета ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия в Аддис-Абебе (Эфиопия) практика вьетнамского поклонения Богиням-Матерям была официально признана в качестве объекта нематериального культурного наследия человечества.

Особенности поклонения матерям во Вьетнаме

Во-первых, вьетнамский культ Богини-Матери очень богат. В него входит культ поклонения «трем и четырем царствам», который наиболее типичен и является центром вьетнамской культурной самобытности [15. С. 179]. В верованиях поклонения «трем и четырем царствам» существуют четыре Матушки, которые возглавляют четыре региона. Матушка верхнего неба (mẫu Thượng Thiên, мау тхыонг тхьен) — правительница небес. Она управляет Небесным дворцом, хранит облака, дождь, гром и молнию; она носит красные одежды. Матушка воды (mẫu Thoải, мау тхоай) управляет водой, Шуйфу (речной областью), ей подвластны реки и моря, которые очень важны для сельского хозяйства, она носит белые одежды. Матушка высокогорья (mẫu Thượng Ngàn, мау тхыонг нган) управляет лесами, деревьями и растениями и носит голубые одежды. Позже к Трём Благословенным Матерям присоединилась Матушка земли (mẫu Địa Phủ, мау дия фу), которая управляет землей. Она представляет собой «существо, облаченное в желтые одежды» [16. С. 334–335]. Это согласуется с исследованием Жана Шевалье и Алена

Гербрана: «с древнейших времен различные цвета Вселенной привлекали внимание всех народов, каждый из которых имел свою символику» [17. С. 561].

Во-вторых, поклонение матери — это политеистическое верование. Оно переплетается и гармонично сочетается с другими элементами вьетнамских верований и религиозных систем, в частности, с поклонением национальным героям. Отважные героини и женщины-полководцы, такие как сестры Чынг, были матерями и женами национальных героев и поддерживали своих мужей и детей на их жизненном пути. Кроме того, в святилищах Матерей есть еще Святой Чан, Будда. Статуям Матерей поклоняются в помещениях многих храмов и пагод. Есть пагоды в Южном Вьетнаме, посвященные именно Матерям, такие как пагода Ханг в Линьшон (гора Баден) или пагода Ба в Хошимине. Помимо Святой Матери, в других местностях люди также поклоняются богам своей местности и антропоморфным священным животным, таким как Змеиный Бог, Тигриный Бог [18. С. 147].

В-третьих, поклонение Богине-Матери включает в себя философию человеческой жизни. Обращение к корням нации, демонстрация фундаментальных аспектов вьетнамской этики — «пьешь воду, помни о ее источнике» — предполагает признание заслуг женщин, которые помогли стране, преодолевали трудности и возвышали жизнь. Образ Богини-матери тесно связан с мифической матерью вьетнамской цивилизации — Ау Ко [19. С. 15]. В целом же поклонение Матери направлено на удовлетворение духовных потребностей вьетнамского народа, обретение здоровья, богатства и удачи, а также на то, чтобы помочь людям вести более правильную жизнь. Мать учит людей иметь ясный ум, знать, как относиться к людям, уважать своих предков, бабушек и дедушек, ценить тех, кто так хорошо служил своему народу и стране: «Во Вьетнаме поклонение Матери настолько сильно, что его можно считать особым национальным культом — культом Богни-Матери» [20. С. 288].

В-четвертых, почитание Матери имеет не только религиозный, но и культурный характер. Ритуалы, праздники, костюмы и обычаи, связанные с поклонением Богине-Матери, отражают образ жизни, представления и устремления вьетнамского народа как в прошлом, так и в настоящем. Поклоняющиеся Богине-Матери молятся как о практических вещах и богатстве, так и о талантах, удаче, здоровье. После ритуала «хау-донг» молящиеся получают благословение и вознаграждение. Это напоминает ритуалы попрошайничества в буддийских пагодах, бытующие во Вьетнаме. Поклонение Богине-Матери внесло важный вклад в сохранение и продвижение традиционных культурных ценностей страны: «В поклонении Богине-Матери выражается национальная идентичность с совершенно уникальными характеристиками» [21. С. 163]. Поклонение Богине-Матери — богатое и многоплановое культурное явление, которое привлекает людей не только для удовлетворения потребностей их духовной жизни: «Люди приходят к Матери не только желая удовлетворить духовные потребности, но и из чувства причастности

к вьетнамским культурным ценностям, в конце концов, деятельность по поклонению Богине-Матери способствует укреплению чувства общности вьетнамской нации» [21. С. 160].

Культ Богини-Матери и конфуцианская этика во Вьетнаме

Изначально в конфуцианстве достоинство женщины не учитывалось, доминировала идея гендерного превосходства мужчин, когда женщина не имеет права голоса в обществе, её роль часто ограничивалась такими обязанностями, как материнство, замужество и приготовление пищи. Однако в связи с развитием конфуцианской этики во вьетнамской культуре отношение к женщине изменилось на более гуманное и открытое. Одним из доминирующих факторов этого было поклонение Богине-Матери, которое повлияло на то, как именно воспринимались во Вьетнаме конфуцианские идеи.

Истоки культа Богини-Матери во Вьетнаме предполагают уважение к женщинам и к их способности производить, воспитывать и создавать. Культ матери ценит женщин и видит в них хранителей и кормильцев семьи и распорядителей семейного бюджета, при этом «повсеместное присутствие богини успокаивает людей, как и присутствие женщины в семье и обществе» [22. С. 84]. Таким образом, конфуцианская идея мужского доминирования стала более мягкой. Как отмечает Ту Ань Ву, «поклонение матери также важно как средство признания возможностей и прав женщин. Это дар, который культ матери приносит вьетнамскому обществу, признавая силу женщин как матерей и их потенциал использовать эту силу для преобразования общества в целом» [23. Р. 39].

Поклонение матери приобрело по сути светский характер и становится показателем гендерного равенства. В культе Богини-Матери, помимо святых, являющихся матерями, почитаются также многие женщины, внесшие большой вклад в развитие страны, такие как Бат Нан, Чау Кыгу, Чау Бе (Bát Nàn, Châu Cừ, Châu Bé), или красивые деревенские девушки, такие как мисс Бо, мисс Дой Кам Дыонг (cô Bơ, cô Đồi Cam Đường). У них также есть таланты, которые они используют для служения своему народу и стране.

Согласно конфуцианскому учению, только мужчины способны служить своему народу и стране. Но во вьетнамской культуре провозглашается равенство мужчин и женщин в поклонении матери, оно проявляется в ритуале «хаудонг». Гендерное равенство отражается и в положении женщины в обществе. Согласно прежней иерархии местом обитания мужчин был Динь (Đình), а местом обитания женщин — Мау Фу (mẫu phủ). Женщины собирались вместе, общались, делились мыслями, мечтами, желаниями и стремлениями и создавали сестринские отношения. Таким образом, поклонение Матери защищает сестер и позволяет им реализовывать свои духовные устремления, общаться, доверять и посещать друг друга в таких культовых местах, как храмы. Поклонение матери освобождало женщин от оков феодального

общества и повышало их роль в жизни и труде. Поклонение матери несет в себе функцию нравственного воспитания, направленного на формирование благородного характера у подрастающего поколения. Динь Зя Кхань прокомментировал: «Народные верования, особенно поклонение Богине-Матери, укрепляют связи между всеми членами общины и всеми жителями деревни, сближают их мировоззрение, социальное мироощущение, поддерживают гордость за прошлое и уверенность в будущем, любовь к родному городу, землякам, Родине» [5. С. 106]. Вера в поклонение матери гуманна в том смысле, что молящиеся не делают различий между богатством, бедностью, классом или статусом в обществе. Все приходят к ней (Богине-Матери) с ясным умом, с надеждой, что она благословит, защитит и поможет уму быть в покое.

Профессор Ву Дык Тхинь писал: «В конце XIX — начале XX вв. по торговому пути из Ханоя в Лангсон и Донгданг шёл обмен товарами с Китаем... Есть также магистральные дороги, проходящие через эти торговые маршруты на большие расстояния, основную силу которых составляют женщины. Поэтому неудивительно, что вдоль этих торговых путей возникло бесчисленное множество храмов культа Богини-Матери, где женщины-торговки часто останавливаются, чтобы помолиться Богине об удаче» [24. С. 366]. В результате поклонение богиням было тесно связано с жизнью купцов, и древние вьетнамцы часто полагались на богинь при отправке товаров. Позднее, по мере развития экономики, было построено множество храмов богинь для благополучия и защиты здоровья, и многие торговцы стали полагаться на них. Отчасти это объясняется тем, что во вьетнамской конфуцианской этике женщины имеют право свободно путешествовать и заниматься бизнесом (например, торговлей). Для приверженцев классического конфуцианства это было неприемлемо.

Заключение: значение культа поклонения матери во Вьетнаме

Культ Богини-Матери оказывал глубокое влияние на духовную жизнь вьетнамского народа на протяжении всей его истории и имеет важное значение сегодня. С точки зрения мировоззрения поклонение Богине-Матери во Вьетнаме предполагает, что мир природы неотделим от людей, люди и природа составляют однородную сущность. Поклонение Матери не только очеловечивает природу, но и феминизирует ее, превращая культ природы в культ женственности. Культ Богини-Матери — это поклонение ей не только как части природы (Мать-Дождь, Мать-Облако, Мать-Гром, Мать-Молния, Мать-Дерево, Мать-Вода, Мать-Огонь, Мать-Земля — Мать Пяти Элементов), но и как сущности, управляющей силами природы (Матушка верхнего неба правит небом, Матушка Земли правит землей, Матушка воды правит водами рек и морями, Матушка высокогорья правит горами и лесами). Таким образом, поклонение Матери олицетворяет Мать-Природу, которая рождает, питает, обнимает, защищает и приносит людям добро.

Гомогенизация понятия «мать» имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, такая форма культа не позволяет человеку отделить себя от природы и признать ее самостоятельной. Однако есть и положительная сторона, направленная на гармонию с природой, говорящая о необходимости чувствовать природу, прислушиваться к ней, а значит, и более эффективно ее охранять. Это становится еще более важным, поскольку наша планета сталкивается с разрушительными экологическими проблемами, угрожающими всему человечеству.

Религии в целом объединяет вера в сверхъестественное и в то, что они ведут людей к лучшей жизни после смерти. Однако, в отличие от других религий и верований, вьетнамская вера в Богиню-Мать ведет людей не к жизни после смерти, а к жизни в реальном мире, где люди рождаются, растут, рожают детей, нуждаются в здоровье, деньгах и благополучии. В этом плане вера в сверхъестественное, олицетворяемая Богиней-матерью, становится вторичной и инструментальной, а на первый план выходит цель человеческой жизни и гуманистические соображения. Эта идея также отражает «реализм» и «прагматизм» вьетнамского народа. Во время летних праздников, а также в мартовские и августовские дни (согласно традиции, «август — в память об отце, март — в честь матери») увеличивается количество людей, приходящих во дворцы помолиться о здоровье и удаче.

Почитание Богини-Матери через воспоминания, легенды, мифы, ритуалы и праздники является ярким выражением исторического и социального сознания. В поклонении Богине-Матери большинство святых историзировано. Действительно, многие божества произошли от реальных исторических личностей и впоследствии были изображены на картинах, а люди поклонялись им как богам (вьетнамский евгемеризм). Однако нередки случаи, когда боги, изначально бывшие воплощением природных явлений, «антропоморфизируются» или «историзируются» людьми, превращаясь в объекты добродетели, служащие своей стране или региону. Таким образом, вера в Богиню-Мать связана с происхождением и историей нации и является одним из символов вьетнамского патриотизма. Богиня-Мать оказывается центральным элементом вьетнамской культуры и символом вьетнамской идентичности и ценностей — как общечеловеческих, так и традиционных вьетнамских. «Стремление вьетов к самостоятельности находило проявление в упорной и ожесточенной борьбе за сохранение и развитие собственного культурного наследия, накопленного за прошедшие века» [25. С. 62–63]. Историю своего народа люди познают не только через слова и книги, но и через верования, традиции и ритуалы, совершаемые на праздниках. Поклонение Богине-Матери, безусловно, одна из тех вещей, которые объединяют вьетнамцев.

В культе Богини-Матери не существует также принципиальных этнических различий, хотя и есть своеобразие. Об этом свидетельствует тот факт, что многие божества в культе Богини-Матери принадлежат к этническим меньшинствам. Более того, вера в Богиню-Мать вбирает в себя многие инородные идеи, выраженные в даосизме и буддизме: «Вера в Богиню-

Мать — это то, на что даосизм оказал наибольшее влияние» [26. Р. 150]. В этом смысле культ Богини-Матери выражает открытость Вьетнама, который всегда был готов к восприятию самых разных культурных явлений.

Список литературы

- [1] *Нго Дык Тхинь*. Культ богини-матери во Вьетнаме. Ханой : Религия, 2010. (*Ngô Đức Thịnh*. Đạo Mẫu Việt Nam. Hà Nội : Nxb Tôn Giáo, 2010).
- [2] *Хоанг Лыонг*. Традиционные фестивали этносов Вьетнама на Севере. Ханой : Ханойский национальный университет, 2002. (*Hoàng Lương*. Lễ hội truyền thống của các dân tộc Việt Nam khu vực phía Bắc. Hà Nội : Nxb Đại học Quốc gia Hà Nội, 2002).
- [3] *Нгуен Хыу Тхонг*. Поклонение Богини-Матери в Центральном Вьетнаме. Ханой : Государственная политика, 1995. (*Nguyễn Hữu Thông*. Tín ngưỡng thờ Mẫu ở miền Trung Việt Nam. Hà Nội : Nxb Chính trị quốc gia, 1995).
- [4] *Динь Зя Кхань*. Культ богини-матери и фольклорные традиции во Вьетнаме // Литературный журнал. 1992. № 5. (*Đinh Gia Khánh*. Tục thờ Mẫu và những truyền thống văn hoá dân gian ở Việt Nam // Tạp chí Văn học. 1992. Số 5).
- [5] *Динь Зя Кхань*. Вьетнамский фольклор с развитием вьетнамского общества. Ханой : Государственная политика, 1995. (*Đinh Gia Khánh*. Văn hóa dân gian Việt Nam với sự phát triển của xã hội Việt Nam. Hà Nội : Nxb Chính trị quốc gia, 1995).
- [6] *До Дык Хунг, Нгуен Дык Ньуэ, Чан Тхи Винь, Чыонг Тхи Иен*. Исторические события во Вьетнаме. Ханой : Образование, 2001. (*Đỗ Đức Hùng, Nguyễn Đức Huệ, Trần Thị Vinh, Trương Thị Yến*. Việt Nam những sự kiện lịch sử. Hà Nội : Nxb. Giáo dục, 2001).
- [7] *Бу Нгок Кхань*. Культ богини-матери во Вьетнаме. Ханой : Культура и информация, 2012. (*Vũ Ngọc Khánh*. Tục thờ Thánh — Mẫu ở Việt Nam. Hà Nội : Nxb Văn hóa Thông tin, 2012).
- [8] *Нгуен Минь Сан*. Сближение с вьетнамскими народными верованиями. Ханой : Национальная культура, 1998. (*Nguyễn Minh San*. Tiếp cận tín ngưỡng dân dã Việt Nam. Hà Nội : Nxb Văn hóa Dân tộc, 1998).
- [9] *Чан Куок Выонг*. Общие культурологические исследования и культурные основы Вьетнама. Ханой : Общественные науки, 1996. (*Trần Quốc Vương*. Văn hoá học đại cương và cơ sở văn hoá Việt Nam. Hà Nội : Nxb Khoa học xã hội, 1996).
- [10] *Хо Ши Мин*. Полное собрание сочинений. Т. 12. Ханой : Государственная политика, 2000. (*Hồ Chí Minh*. Toàn tập. Tập 12. Hà Nội : Nxb Chính trị quốc gia, 2000).
- [11] *Нгуен Нгок Маи*. Женщины Тханг Лонг — Ханой. Ханой : Ханой, 2018. (*Nguyễn Ngọc Mai*. Phụ nữ Thăng Long — Hà Nội. Hà Nội : Nxb. Hà Nội, 2018).
- [12] *До Тхи Хао, Маи Тхи Нгок Чук*. Богини во Вьетнаме. Ханой : Женщина, 1984. (*Đỗ Thị Hào, Mai Thị Ngọc Chúc*. Các nữ thần ở Việt Nam. Hà Nội : Nxb. Phụ nữ, 1984).
- [13] *Нгуен Чи Бен*. Культурная церемония поклонения Праматерям трех стихий во Вьетнаме — путешествие к человеческому наследию. Ханой : Мир, 2017. (*Nguyễn Chí Bến*. Tín ngưỡng thờ Mẫu Tam Phủ của người Việt — hành trình đến di sản nhân loại. Hà Nội : Nxb Thế giới, 2017).
- [14] Институт Хан Ном. Исторически-культурные памятники Вьетнам. Ханой : Общественные науки, 1991. (*Viện Hán Nôm*. Di tích lịch sử văn hoá Việt Nam. Hà Nội : Nxb Khoa học xã hội, 1991).
- [15] *Нго Дык Тхинь*. Сохранение, обогащение и продвижение традиционных культурных ценностей Вьетнама в обновлении и интеграции. Ханой : Государственная политика, 2010. (*Ngô Đức Thịnh*. Bảo tồn, làm giàu và phát huy các giá trị văn hoá truyền thống Việt Nam trong đổi mới và hội nhập. Hà Nội : Nxb Chính trị quốc gia, 2010).

- [16] Phan Ngoc. *Culture of Vietnam*. Hanoi: Literature, 2010. (*Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Văn học, 2010).
- [17] Jean Chevalier, Aileen Gheerbrant. *Dictionary of World Cultural Symbols*. Danang: Danang, 1997. (*Jean Chevalier & Aileen Gheerbrant. Từ điển biểu tượng văn hoá thế giới*. Đà Nẵng: Nxb Đà Nẵng, 1997).
- [18] Nguyen Quang Tuan, Xuyunh Ly, Chan Hong Luen. *Temples in Ho Chi Minh City*. Ho Chi Minh: Ho Chi Minh, 1993. (*Nguyễn Quang Tuấn, Huỳnh Lý, Trần Hồng Liên. Những ngôi chùa ở thành phố Hồ Chí Minh*. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1993).
- [19] Chan Hong Kim. *Brief History of Vietnam*. Hanoi: Culture and Information, 1999. (*Trần Trọng Kim. Việt Nam sử lược*. Hà Nội: Nxb Văn hóa Thông tin, 1999).
- [20] Chan Ngoc Them. *On the Cultural Identity of Vietnam*. Ho Chi Minh: Ho Chi Minh, 1997. (*Trần Ngọc Thêm. Tìm về bản sắc văn hóa Việt Nam*. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1997).
- [21] Nguyen Dyk Ly. *Contribution to the Understanding of Folk Beliefs in Vietnam*. Hanoi: Hanoi, 2000. (*Nguyễn Đức Lữ. Góp phần tìm hiểu tín ngưỡng dân gian ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Hà Nội, 2000).
- [22] Nguyen Dyk Ly. *Religious Theory and Politics in Vietnam*. Hanoi: Religion, 2007. (*Nguyễn Đức Lữ. Lý luận về tôn giáo và chính sách tôn giáo ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Tôn giáo, 2007).
- [23] Tu Anh T. Vu. *Worshipping the mother goddess: the “Dao Mau” movement in Northern Vietnam // Explorations in Southeast Asian Studies*. 2006. Vol. 6. N 1. P. 27–44.
- [24] *Institute of Social Sciences. Religion*. Hanoi: Social Sciences, 2010. (*Học viện Khoa học Xã hội. Tập bài giảng môn tôn giáo học*. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 2010).
- [25] Mxitarjan S.A. *History of Vietnam*. M.: Science, 1983.
- [26] Nguyen Thi Mut. *Taoism with Vietnamese Mother Goddess Worshipping Belief // International Journal of Philosophy*. 2021. N 9. P. 148–153.

References

- [1] Ngô Đức Thịnh. *Đạo Mẫu Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Tôn Giáo; 2010.
- [2] Hoàng Lương. *Lễ hội truyền thống của các dân tộc Việt Nam khu vực phía Bắc*. Hà Nội: Nxb Đại học Quốc gia Hà Nội; 2002.
- [3] Nguyễn Hữu Thông. *Tín ngưỡng thờ Mẫu ở miền Trung Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia; 1995.
- [4] Đinh Gia Khánh. *Tục thờ Mẫu và những truyền thống văn hoá dân gian ở Việt Nam*. *Tạp chí Văn học*. 1992;(5).
- [5] Đinh Gia Khánh. *Văn hóa dân gian Việt Nam với sự phát triển của xã hội Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia; 1995.
- [6] Đỗ Đức Hùng, Nguyễn Đức Huệ, Trần Thị Vinh, Trương Thị Yến. *Việt Nam những sự kiện lịch sử*. Hà Nội: Nxb. Giáo dục; 2001.
- [7] Vũ Ngọc Khánh. *Tục thờ Thánh – Mẫu ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Văn hóa Thông tin; 2012.
- [8] Nguyễn Minh San. *Tiếp cận tín ngưỡng dân dã Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Văn hóa Dân tộc; 1998.
- [9] Trần Quốc Vượng. *Văn hoá học đại cương và cơ sở văn hoá Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội; 1996.
- [10] Hồ Chí Minh. *Toàn tập. Tập 12*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia; 2000.
- [11] Nguyễn Ngọc Mai. *Phụ nữ Thăng Long – Hà Nội*. Hà Nội: Nxb. Hà Nội; 2018.
- [12] Đỗ Thị Hào, Mai Thị Ngọc Chúc. *Các nữ thần ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb. Phụ nữ; 1984.

- [13] Nguyễn Chí Bền. *Tín ngưỡng thờ Mẫu Tam Phủ của người Việt – hành trình đến di sản nhân loại*. Hà Nội: Nxb Thế giới; 2017.
- [14] Viện Hán Nôm. *Di tích lịch sử văn hoá Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội; 1991.
- [15] Ngô Đức Thịnh. *Bảo tồn, làm giàu và phát huy các giá trị văn hóa truyền thống Việt Nam trong đổi mới và hội nhập*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia; 2010.
- [16] Phan Ngọc. *Bản sắc văn hóa Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Văn học; 2010.
- [17] Jean Chevalier & Aiaín Gheerbrant. *Từ điển biểu tượng văn hoá thế giới*. Đà Nẵng: Nxb Đà Nẵng; 1997.
- [18] Nguyễn Quang Tuấn, Huỳnh Lứa, Trần Hồng Liên. *Những ngôi chùa ở thành phố Hồ Chí Minh*. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh; 1993.
- [19] Trần Trọng Kim. *Việt Nam sử lược*. Hà Nội: Nxb Văn hóa Thông tin; 1999.
- [20] Trần Ngọc Thêm. *Tìm về bản sắc văn hóa Việt Nam*. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh; 1997.
- [21] Nguyễn Đức Lữ. *Góp phần tìm hiểu tín ngưỡng dân gian ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Hà Nội; 2000.
- [22] Nguyễn Đức Lữ. *Lý luận về tôn giáo và chính sách tôn giáo ở Việt Nam*. Hà Nội: Nxb Tôn giáo; 2007.
- [23] Tu Anh T. Vu. Worshipping the mother goddess: the “Dao Mau” movement in Northern Vietnam. *Explorations in Southeast Asian Studies*. 2006;6(1):27–44.
- [24] Học viện Khoa học Xã hội. *Tập bài giảng môn tôn giáo học*. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội; 2010.
- [25] Mkhitarian SA, editor. *History of Vietnam*. Moscow: Science Publ.; 1983. (In Russian).
- [26] Nguyen Thi Mut. Taoism with Vietnamese Mother Goddess Worshipping Belief. *International Journal of Philosophy*. 2021;(9):148–153.

Сведения об авторах:

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, кафедра истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-3456-2445

Марцева Анна Владимировна — кандидат философских наук, доцент, кафедра истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: martseva-av@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-6461-8139

Фам Тиен Бак — аспирант, кафедра истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: 1042215020@rudn.ru). ORCID: 0009-0005-4858-0619

About the authors:

Nizhnikov Sergei A. — DSc in Philosophy, Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-3456-2445

Martseva Anna V. — PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: martseva-av@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-6461-8139

Pham Tien Bac — PhD Student, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: 1042215020@rudn.ru). ORCID: 0009-0005-4858-0619

Научная жизнь

Scientific Life

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1021-1032>

EDN: TYVAKX

Научный обзор / Scientific Review

Какая философия нам нужна?

П.М. Колычев , К.В. Лосев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67

 piter55spb@gmail.com

Аннотация. Приведен обзор дискуссии «Какая философия нам нужна? Эта дискуссия состоялась на международной научно-практической конференции «Современная онтология — XI: онтология и религия». Дискуссия развернулась вокруг трех основных направлений преподавания философии: философия как история философии, философия как основа мировоззрения, философия как системно-категориальное знание о мире в целом. Сторонники первого направления продемонстрировали содержательное разнообразие философии, нередко подчеркивая право преподавателя в выборе историко-философского материала, что вызвало критику со стороны других участников конференции, основной аргумент которых состоял в размывании содержания философии. В отношении второго направления дискуссии ее участники либо отрицали причастность философии к мировоззрению, либо полагали, что философия является основой мировоззрения, а задачей философии, в частности, является формирование мировоззрения студентов. В качестве аргументов сторонники такого подхода приводили необходимость участия философии в преобразовании современной духовной жизни России. Этот подход гармонично сочетался с мнением тех участников дискуссии, которые выступали за системно-категориальный подход в философии. Такой подход состоял из сочетания абстрактной части (Онтологии) с конкретной частью, где необходимо было бы рассматривать следующие три раздела философии: 1 — философия природы, 2 — философия социо-антропологической реальности, 3 — философия религии. При этом сторонники такого подхода предлагали в качестве основы использовать содержательную часть советской философии, которую необходимо преобразовать с учетом достижений современного знания.

Ключевые слова: онтология, история философии, мировоззрение, философия природа, философия социо-антропологической реальности, философия религии, система категории философии

© Колычев П.М., Лосев К.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 05.09.2023

Статья принята к публикации 01.10.2023

Для цитирования: Колычев П.М., Лосев К.В. Какая философия нам нужна? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 1021—1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1021-1032>

What is the Philosophy We Need?

Petr M. Kolychev , Konstantin V. Losev

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
67 Bolshaya Morskaya St., 190000, Saint Petersburg, Russian Federation

 piter55spb@gmail.com

Abstract. The study provides an overview of the discussion “What is the philosophy we need?”, that took place in the frames of “Modern Ontology — XI: Ontology and Religion” International Scientific and Practical Conference. The discussion spread around three main areas of philosophy teaching: philosophy as the history of philosophy, philosophy as the basis for the worldview, and philosophy as a system-categorical knowledge about the world as a whole. Supporters of the first position demonstrated the content diversity of philosophy, often emphasizing the teacher’s right to choose historical and philosophical material, this position caused criticism from other conference participants, whose main argument was the erosion of the philosophy content. Regarding the second position in the frames of discussion, its participants either denied the involvement of philosophy in the worldview formation, or believed that philosophy is the basis for the worldview, and the task of philosophy, in particular, is to form the worldview of students. As arguments, supporters of this approach cited the need for the philosophy in the transformation of modern spiritual life in Russia. This approach was in harmony with the position of the discussion participants, who advocated a system-categorical approach in philosophy teaching. This approach supposed the combination of abstract section (Ontology) with a specific section, where it would be necessary to consider the three following sections of philosophy: 1 — philosophy of nature, 2 — philosophy of socio-anthropological reality, 3 — philosophy of religion. At the same time, the supporters of this approach suggested using the substantive part of Soviet philosophy as a basis, which needs to be transformed taking into account the achievements of modern knowledge.

Keywords: ontology, history of philosophy, worldview, philosophy of nature, philosophy of socio-anthropological reality, philosophy of religion, philosophical category system

Article history:

The article was submitted on 05.09.2023

The article was accepted on 01.10.2023

For citation: Kolychev PM, Losev KV. What is the Philosophy We Need? *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):1021—1032. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1021-1032>

Введение

Дискуссия «Какая философия нам нужна?» была развернута в рамках международной научно-практической конференции «Современная онтология — XI: онтология и религия», организованной совместно Санкт-Петербургским государственным университетом аэрокосмического приборостроения и Волгоградским государственным университетом. Работа конференции продолжалась с 26 по 30 июня 2023 года. Целью дискуссии было обсуждение федеральной дисциплины «Философия» в высшем образовании Российской Федерации. При этом рассматривалась именно позиция преподавателей, которые преподают дисциплину «Философия». Дискуссия проходила в течение двух часов в каждый из четырех дней работы конференции. В ходе дискуссии участниками конференции были выдвинуты и детально рассмотрены три хорошо обоснованные и детально проработанные позиции. Первая исходила из того, что ядром философии является история философии, и именно на нее нужно обращать основное внимание в преподавании. Вторая рассматривала философию как основу формирования мировоззрения у студентов. Третья утверждала, что философия есть теоретико-системное знание о мире в целом.

Философия как история философии

Первая точка зрения была представлена И.И. Евлампиевым (Санкт-Петербург), который в качестве сущности философии увидел акт осознания человеком себя в качестве бесконечного духовного существа. Утверждая, что все великие системы в истории философии можно понять как такого рода формы осознания себя, Евлампиев вывел отсюда, что и преподавать философию нужно как последовательность конкретных форм осознания себя, то есть через призму истории философии. В качестве аргумента в пользу своей позиции Евлампиев указал на то, что так понимали сущность философии и так излагали ее содержание Г.В.Ф. Гегель и В.С. Соловьев. Именно история философии выступает в качестве универсального и незаменимого основания, через которое можно формулировать какие-то философские идеи. Только формируя свое отношение к каждой великой системе в истории философии и постепенно осознавая последовательность этих систем как органическое целое, в котором все системы дополняют друг друга, можно понять сущность философии; соответственно, и преподавать философию нужно через историю философии.

Свою позицию И.И. Евлампиев уточнил, реагируя на замечания А.Б. Паткуля (Санкт-Петербург), который отметил, что до изложения истории философии необходимо начать с изложения концепции философии как системы

знания, но при этом можно увязнуть в изложении этой системы, не перейдя к историко-философскому материалу, который только иллюстрирует и обосновывает эту систему, тогда есть риск скатиться в историографию, и вместо того, чтобы формировать самостоятельно мыслящих студентов мы просто сообщим им некоторую информацию и воспитаем виртуозов разума вместо тех, кто, по словам Канта, используют разум свободно и самостоятельно. И.И. Евлампиев признал возможность и даже необходимость начать изложение истории философии с формулировки некоей целостной и универсальной философской системы, но он не согласился с тем, что изложение многообразия систем неизбежно придет в противоречие с содержанием указанной универсальной системы. Мнение о том, что каждая новая великая система в истории философии отвергает все предшествующие и несет в себе новое содержание, неверно; в реальности все по-настоящему великие и значимые системы не только совместимы между собой, но, по сути, выражают отдельные аспекты единой универсальной системы, которая уже давно найдена в европейской философии и носит название метафизики мистического пантеизма. Философию как системное знание, как указанную универсальную систему, следует понимать как абстрактное знание, а историко-философский материал как развертывание конкретного содержания этого знания, поэтому подход, который изложил И.И. Евлампиев, есть демонстрация диалектического единства абстрактного и конкретного в философии. На вопрос А.Б. Паткуля: можно ли весь историко-философский материал переписать в логической форме, то есть не как фигуры историко-философские, а как тезисы, и их преподавать, И.И. Евлампиев ответил, что — это вполне возможно, но вряд ли плодотворно, особенно в смысле преподавания, поскольку в указанных абстрактных тезисах исчезнут характерные черты философии каждой эпохи. Философия — это рефлексия культуры, поэтому, как и культура, она исторична. Лишая ее исторической определенности, мы лишаем ее важнейшей смысловой определенности.

Критикуя позицию И.И. Евлампиева, выступил И.Д. Невважай (Саратов), указав на серьезную проблематичность реализации историко-философского подхода количеством часов, которое отводится на философию. А.В. Чусов (Москва), выразив несогласие с пониманием философии как осознания себя, предложив иное определение. Он считает, что философия — это не только осознание себя, но и осознание себя в мире. А.В. Чусов отметил, что есть трудности и другого плана, например человеку преподали науку осознания себя, тогда как оценивать то, что он себя научился осознавать? С критическими замечаниями позиции И.И. Евлампиева выступил и П.М. Колычев (Санкт-Петербург), который не согласился с пониманием философии как осознания самого себя, считая это предметом философской антропологии, которая в лучшем случае может быть лишь частью в федеральной дисциплине «Философия». Что же касается самого историко-философского подхода, то, ссылаясь на замечание А.Б. Паткуля, П.М. Колычев считает, та системно-

теоретическая (абстрактная) часть философии, которая неминуемо предшествует историко-философскому изложению, является главной содержательной частью философии, история философии есть лишь один из способов раскрытия теоретической философии, а конкретный историко-философский материал требует серьезного изложения соответствующей культуры (невозможно понять Платона вне древнегреческой культуры), это во-первых, во-вторых, историко-философский материал как конкретный материал не актуален для современной культуры, в которой живет современный студент, поэтому, если и выбирать конкретный материал, раскрывающий теоретическое (абстрактное) содержание философии, то для этого следует использовать конкретику современного общества, отраженную в современном искусстве (художественной литературе, живописи, киноискусстве).

Соглашаясь с позицией И.И. Евлампиева в целом, Д.А. Федчук (Санкт-Петербург) считает, что философию нужно изучать как систематическое знание, которое проще излагать через историю философии, что для студентов гораздо доступней и интереснее. Задачей преподавателей не является сделать из студентов философов, а лишь расширить горизонты миропонимания обучающихся. Осуществить это можно наилучшим образом через историю философии. Но в то же время философия есть и научное знание, занимающееся работой с конкретными проблемами. Одной из важнейших задач философии Д.А. Федчук считает работу с понятиями.

С.А. Коначева (Москва) поддержала понимание философии как истории философии, при этом уточнив, что философия — это прежде всего чтение источников, поэтому преподавание философии должно выстраиваться как историко-философский герменевтический курс, более того, считает С.А. Коначева, преподавателю лучше сосредотачиваться на тех топосах философской традиции, в которых он — специалист, на которых можно показать специфику философствования. При этом важно попытаться сформировать у студентов навыки мышления, которые Х. Гумбрехт назвал «рискованным», в отличие от модного сейчас «критического». Подобное мышление усложняет картину мира, деконструирует сформированные стереотипы мысли, ставит под сомнение выученные знания, бездумно усвоенные понятия, учит сознательно понимать то, что кажется само собой разумеющимся.

Близкую позицию занял А.В. Чусов (Москва). Он считает, что важным для философского образования является умение читать и интерпретировать, что можно делать как на современных, так и на классических текстах, в отношении же содержания философских тем необходимо ориентироваться на личность преподавателя. Содержательная тематика философии может формироваться: конкретно преподавателем, конкретной группой студентов, конкретной общественной ситуацией, необходимостью дать представление о многообразии философских стилей мышления.

Подводя итог дискуссии по вопросу философии как истории философии, следует сказать, что историко-философский блок присутствовал и в

учебниках по марксистско-ленинской философии, излагаемой в основном с системно-категориальных позиций. Историко-философский подход присутствовал как в начале этой дисциплины, как обосновывающая истинность марксизма-ленинизма, так и в конце — как критика современной (на тот период времени) буржуазной философии. При этом эта историко-философская часть не являлась основной ни как в содержательной части, ни с точки зрения объема. Более того, советские студенты при подготовке семинаров должны были заниматься изучением текстов, конечно, это были другие тексты, нежели те, к которым апеллировали современные сторонники историко-философского подхода к философии. Но не следует сбрасывать со счетов, что в советский период считалось, что соответствующие тексты несут истину. Сейчас же несущими истину считаются другие тексты. Не думаем, что вопрос об истинности тех или иных текстов решается просто. Следующим этапом в развитии историко-философского подхода в преподавании философии в СССР является учебник, вышедший на закате СССР, авторского коллектива, возглавляемого И.Т. Фроловым. В этом учебнике половину объема текста занимал историко-философский подход и другую половину системно-категориальный подход. Когда перестал существовать СССР, то начался вначале робкий, а затем и решительный отказ от системно-категориального подхода в пользу историко-философского, что отчасти и было продемонстрировано в данной дискуссии. При этом каждый преподаватель, как правило, выбирал свой набор историко-философского материала, что и привело к полному произволу в содержании философии. Но каково предназначение знания, предметом которого может быть что угодно? Можно предположить, что такой предельный плюрализм сыграл немалую роль в разрушении советской идеологии. Однако на этом плюрализме ничего нельзя построить, в то время как в современной духовной России ставятся задачи созидательные, а не разрушительные.

Философия как основа формирования мировоззрения

Если по первому вопросу кроме противоположных точек зрения высказывались разнообразные промежуточные, то по теме «Философия как основа мировоззрения» дискуссия велась более категорично, при этом те, кто высказывался против, как правило, либо вообще не аргументировали свою позицию, либо делали это слабо. Так, С.А. Коначева считает, что преподаватель не должен формировать мировоззрение студента, поскольку философия и мировоззрение — это разные «вещи». Она разделяет позицию Хайдеггера, настаивавшего на том, что философия не должна стремиться формировать мировоззрение, поскольку философия онтологична, ее задача — вопрошание бытия, в то время как мировоззрение обращено к сущему. Близкую позицию высказал Г.Н. Самуйлов (Москва), который считает, что философия — это не мировоззренческая дисциплина, философия — это особый род деятельности

со своими целями и задачами. При этом Г.М. Самуйлов не пояснил, в чем специфика этой деятельности и в чем конкретные цели и задачи.

И.Д. Невважай (Саратов) полагает, что не следует формировать мировоззрение у студентов, поскольку мировоззрение у них уже сформировано, вместо этого следует вырабатывать критические оценки собственного сложившегося мировоззрения. В этом же ключе высказался и Д.А. Федчук (Санкт-Петербург), полагающий, что не существует науки, которая бы ставила своей целью дать мировоззрение. Если в курсе философии будут видеть целью обучение тому, каких ценностей нужно придерживаться, в кого верить, что критиковать, что хвалить, как быть патриотом, то от философии ничего не останется. Задача философии — научить человека мыслить более-менее общими категориями и критично относиться ко многому.

Ориентир на воспитание критического мышления встретил критику со стороны П.М. Колычева, который считает, что способность критического мышления может иметь различные конкретные результаты, яркий пример тому критическое мышление Раскольникова, которое приводит к гибели людей. Поэтому более важным оказывается не способность критического мышления, а те базовые ценности, от которых оно отталкивается, ведь каковы ценности, таков и результат критического мышления, то есть прежде чем развивать у студентов критическое мышление, необходимо дать им позитивное мировоззрение. И хотя студент приходит в вуз с уже имеющимся мировоззрением, но это мировоззрение бывшего школьника, то есть молодого человека, который еще не приступил к производственной деятельности, поэтому его мировоззрение находится в самом начале своего формирования. Необходимо принять участие в формировании этого мировоззрения, и философия может стать основой для его формирования.

Основной посыл выступления В.Б. Малышева (Самара) состоял в том, что преподаватель философии прежде всего должен формировать мировоззрение личности. Ориентир на философию как основу формирования мировоззрения поддержал и Д.Н. Букин (Волжский). В этом же контексте было и выступление Н.В. Осинцевой (Тюмень), которая утверждала, что философия формирует многостороннюю личность. Она считает, что предназначение философии в основных ее двух функциях: развивать мировоззрение, научить критически мыслить.

В.К. Шрейбер (Челябинск), не оспаривая конструктивности идеи целостности для преподавания, отметил многозначность этой установки (целостным может быть направление, школа и т.д.). Применительно ко всему курсу надо исходить из роли философии в культуре. Культурные функции философии состоят в рефлексии над мировоззрением, в частности, в выделении всеобщих моментов того, как принимаются решения. Анализ общих моментов таких ситуаций необходимо ведет к онтологии как описанию реальности и проблеме ценностей как критериев выбора той или иной альтернативы. Ведь человек — существо социальное, и за его решениями всегда стоят те или иные интересы.

Ценностям можно следовать по привычке, но это не значит, что они всегда принимаются автоматически. Философия как осмысление бытия в категориях позволяет фиксировать все эти общие моменты в их предельно общей форме и в единстве возможности и действительности. Поэтому когда возникает необходимость самостоятельного действия, основные ориентиры человеческого самоопределения дает именно философия.

Подводя итог дискуссии о месте мировоззрения в философии, отметим, что сегодня пренебрежение мировоззренческими проблемами оборачивается отказом от государственного заказа по формированию мировоззрения в новых исторических условиях и фактически означает равнодушие к экзистенциальной угрозе России. Эта позиция уничтожает российскую философию при любом исходе данной угрозы. Российское государство в последнее время неоднократно заявляло, что аспектом защиты собственного суверенитета является защита собственного мировоззренческого суверенитета. И если философы не хотят в этом участвовать, то государство вправе отказаться от их услуг.

Философия как системно категориальное знание

Третий блок обсуждений велся вокруг выступления П.М. Колычева, который вначале дал определение философии, которого он будет придерживаться: философия — системно-понятийное знание о мире в целом, являющееся основой мировоззрения. При этом мировоззрение всегда производно от экономики, то есть стиль экономики определяет стиль мировоззрения. Экономика современной России испытывает качественные изменения, которые вызваны наращиванием производства по критически важным направлениям жизнедеятельности страны. Стало быть, это с необходимостью изменит и мировоззрение, именно этим обусловлена актуальность нашей дискуссии. Единственный успешный опыт промышленно-производящей экономики в Российской Федерации как преемнице Союза Советских Социалистических Республик — это экономика СССР, основой мировоззрения которой в сфере высшего образования была именно философия. В силу общности старой советской и новой российской экономик в отношении производства было бы целесообразно использовать советскую философию как отправную точку построения той философии, которая нам нужна. Именно как отправную точку, ибо советская экономика была социалистической, современная российская экономика является частично государственной и частично капиталистической, в силу чего простое перенесение советской философии нецелесообразно. Исходя из определения философии как знания о мире в целом, философия состоит из двух частей: 1 — всеобщая системно-понятийная теория «Онтология», основными темами которой являются учения о бытии, о его структуре и его развитии; 2 — частная теория, состоящая из 3-х разделов: 1 — Философия естествознания, 2 — Онтология социологии и антропологии, 3 — Онтология религии, каждый из этих разделов наряду с всеобщими

понятиями и законами разрабатывают специфические понятия и законы. При этом принципиально важным является, что последние два раздела должны быть ориентированы на Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где перечислены эти ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Кроме этого: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию». О значимости этих ценностей сказано следующее: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России».

Принципиально такую позицию поддержали, в частности, А.С. Червинский (Минск, Беларусь), Д.Н. Букин, В.К. Шрейбер, А.Ф. Кудряшев (Уфа), О.И. Елхова (Уфа), Т.М. Артемьев (Санкт-Петербург).

Критика со стороны Д.А. Федчука была направлена, как он выразился, на подмену истины какими-то идеологическими штампами. Он считает, что студента это ничему не научит. Философия — это свободная сфера истинствования души, как сказал бы Аристотель. Философия не терпит никакого внешнего давления, потому что тогда она вырождается в идеологию. Проводя занятия по философии, преподаватели должны стремиться к этой истине, а то, как это достигается, считает Д. А. Федчук, связано с объяснением и анализом образцов философской мысли. Эти образцы — классические философские тексты, например, диалоги Платона, произведения Декарта, Канта, В. Соловьева. При этом не государство, а преподаватель выбирает эти образцы, и общество должно ему доверять, «Что же является предметом философии?», — спрашивает выступающий. — Человек должен работать над своей душой, заботиться о себе, согласно Платону. Давайте учить студента заботиться о себе, то есть заботиться о своей душе. Если ты будешь заботиться о своей душе, то ты сделаешь окружающих тебя людей лучше. В этом задача философии.

Близким по контексту была критика А.Б. Паткуля. Он считает, что философия — это не вопрос пользы, а вопрос достоинства, а стало быть свободы. Поэтому государство, если оно хочет, чтобы его граждане были именно гражданами, то есть свободными людьми, будет поощрять такие занятия, доверяя тем преподавателям, которые признаны философским сообществом

в качестве тех, кому можно доверять. Невозможно заставить быть верным традициям, можно только развить это у свободного человека.

В своем ответе на эту критику П.П. Колычев обратил внимание, на то, что понятие «гражданин» предполагает «гражданин какого-то конкретного государства», в котором действуют конкретные законы, ограничивающие свободу своих граждан. Стало быть, государство не будет мешать заниматься такой философией, которая не наносит государству вред, при этом у государства нет обязательств платить зарплату таким философам, если оно платит каким-то философам зарплату, следовательно, она формирует заказ, то есть не преподаватель решает, что преподавать за его деньги, а государство. Если преподаватель не согласен с этим, то у него есть свободное право отказаться от преподавания такой философии, то есть уволиться с государственной должности. У студента тоже есть свобода выбора поступления в вуз, если он поступает, то он обязан освоить всю программу, включая, такую федеральную дисциплину, как философия, программу, утвержденную государством. Но даже в этом случае речь не идет о том, чтобы заставлять, а о том, чтобы развивать и формировать перечисленные выше ценности.

О том, как в Беларуси реализован системно-понятийный подход, поделился в своем выступлении А.С. Червинский. Он сказал, что Беларусь — единственная страна, которая сохранила курс философии в том виде, каким он был до перестройки. Во многом это произошло потому, что они видели, как обстояли и обстоят дела с философией в России. Позиция белорусского государства состояла в том, что отказываться от старого преподавания философии следует только тогда, когда будет найдено что-то лучшее. Отвечая на вопрос, какая философия нам нужна, он считает, что нужна та философия, которая востребована обществом, при этом следует исходить из структуры науки в общем и из структуры философии в частности. Структура науки: 1 — сумма знания, 2 — сумма способов получения этих знаний, 3 — инновационность этого знания, то есть практическая востребованность. Инновационность может быть обеспечена из того колоссального пласта, который остался нам в наследство от советской философии. Т.М. Артемьев (Санкт-Петербург) высказался в этом же ключе, предложив в отношении структуры философии единство теории, истории и практики.

С.В. Орлова (Санкт-Петербург) предложила включить в курс философии проблемы, связанные с информационными технологиями. А.Ф. Кудряшев считает необходимым раздел о философии математики, О.И. Елхова выразила сомнения относительно раздела «Онтология религии». А.Ф. Кудряшев и О.И. Елхова предложили добавить к разделам, предложенным П.М. Колычевым, историко-философский раздел как обосновывающий другие разделы и с акцентом на методологической функции философии в ее современном содержании. Н.В. Осинцева (Тюмень) предложила следующую структуру философии: онтология, гносеология, этика и эстетика, которые следует подавать в историко-философском ключе. А.В. Чусов, приведя три понимания

философии: 1 — философия система знаний, 2 — философия — это социальный институт, 3 — философия — это особый вид исследования как поиска и установления предельных оснований, — отметил, что последнее понимание ближе всего к его пониманию философии.

В связи с системно-понятийным подходом в преподавании философии обсуждалась тема учебников и учебных пособий. Отвечая на вопрос о необходимости единого учебника по философии С.А. Коначева, сказала, что она не согласна с такой необходимостью. Она считает, что учебники нужны, при этом их должно быть много. По мнению И.Д. Невважая, системно-понятийный подход к преподаванию философии значительно снизит интерес к философии, в связи с этим он предлагает отказаться от учебников. Он считает, что основой преподавания должны стать лекции, семинары и первоисточники. Пусть каждый преподаватель делает то, что он лучше умеет. Содержание философии раскрывать через те вопросы, которые интересуют студентов: «Есть ли Бог?», «Откуда берется зло?», «Почему нет справедливости?», «Почему ты еще жив, а не умер?», «Что такое красота?». Таких тем много. Можно сделать выборку вопросов и вокруг них выстраивать общение со студентами. Главное — побудить студента обратиться к первоисточнику. Последнее предложение И.Д. Невважая поддержал А.В. Чусов. Он сказал, что предметные области устроены и развиты по-разному, философские их проблемы тоже различны и нужно учить студентов определять, к какой области философии относятся интересующие их вопросы.

Для того чтобы результаты дискуссии имели практическое значение, Д.Н. Букин считает, что необходимо создать при онтологическом обществе комиссию, в которой были бы представлены преподаватели из разных городов, разного масштаба вузов с целью продолжения начатого здесь обсуждения. П.М. Колычев предложил написать коллективный учебник, в котором были бы реализованы предложения, прозвучавшие на дискуссии.

Заключение

Дискуссия показала, что наиболее перспективное направление модернизации федеральной программы дисциплины «Философия» связано с системно-категориальным подходом к философии, с его обязательным развертыванием в естественно-научной, социо-антропологической и религиозной реальностях. С точки зрения содержания такой подход не отрицает историко-философского подхода, так как содержательно знание о мире в целом есть результат всей истории философии, но в теоретико-системном (абстрактном) изложении философии нет необходимости делать отсылки, отступления на разбор каких-то конкретных историко-философских фрагментов, что значительно экономит время, которое можно будет использовать на реализацию методического приема, учитывающего интерес студентов к проблемам личности, и возможности сочетания интересов личности и общества. Этот методический прием следует реализовать посредством развития у студентов

критического подхода, освоение которого и свидетельствует о степени освоения студентами всей программы философии. Многие участники дискуссии поддержали предложение о воспитании у студентов вышеприведенных традиционных ценностей. Все эти предложения в комплексе способствуют решению актуальной для современной России задачи формирования у студентов мировоззрения.

Сведения об авторах:

Колычев Петр Михайлович — доктор философских наук, профессор, гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: piter55spb@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7425-0833

Лосев Константин Викторович — доктор экономических наук, декан, гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: losev.guap@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8733-5118

About the authors:

Kolychev Petr M. — DSc in Philosophy, Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia (e-mail: piter55spb@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7425-0833

Losev Konstantin V. — DSc in Economic, Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia (e-mail: losev.guap@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8733-5118

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1033-1041>

EDN: UHFNEA

Научный обзор / Scientific Review

Трансцендентальный поворот в современной философии — VIII: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект

А.А. Шиян¹, В.Б. Петров²

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6,

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 annasamoikina@yandex.ru

История статьи:

Статья поступила 15.09.2023

Статья принята к публикации 01.10.2023

Для цитирования: *Шиян А.А., Петров В.Б.* Трансцендентальный поворот в современной философии — VIII: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 1033—1041.
<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1033-1041>

Transcendental Turn in Contemporary Philosophy — VIII: Metaphysics, Epistemology, Transcendental Cognitive Science and Artificial Intelligence

Anna A. Shiyan¹, Vasilii B. Petrov²

¹Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russian Federation,

²RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation
 annasamoikina@yandex.ru

Article history:

The article was submitted on 15.09.2023

The article was accepted on 01.10.2023

© Шиян А.А., Петров В.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Shiyani AA, Petrov VB. Transcendental Turn in Contemporary Philosophy — VIII: Metaphysics, Epistemology, Transcendental Cognitive Science and Artificial Intelligence. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):1033—1041. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1033-1041>

20-22 апреля в Москве состоялся Международный научный семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии — VIII: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект», организаторами которого выступили Государственный академический университет гуманитарных наук, Российский университет дружбы народов имени Париса Лумумбы, Российский государственный гуманитарный университет и Центр гуманитарных исследований. Это мероприятие продолжило серию международных Трансцендентальных семинаров, посвященных осмыслению кантовского наследия и развитию современного трансцендентализма. Работа семинара проходила в рамках нескольких секций и на разных площадках. Секция «Трансцендентальная философия: онтология, метафизика опыта или эпистемология» проходила в ГАУГНе, секция «Трансцендентализм, когнитивистика и искусственный интеллект» работала на двух площадках: в первый день — в ГАУГНе, второй день — в РУДН имени Париса Лумумбы. В РУДН имени Париса Лумумбы во второй день также проходили заседания секций «От кантианства к пост-неокантианству» и «Рецепция и развитие трансцендентального (феноменологического) подхода в современной философии», в РГГУ проводились секция «Трансцендентальная феноменология: онтология и/или гносеология» и Круглый стол «Рефлексия в составе познавательной способности».

Конференцию и одновременно секцию «Трансцендентальная философия: онтология, метафизика опыта или эпистемология» открыл доклад академика РАН В.А. Лекторского «Возможна ли трансцендентальная когнитивистика», в котором он показал актуальность кантовского трансцендентализма для современных когнитивных исследований. В.А. Лекторский обратил внимание на то, что современная парадигма когнитивных наук во многом обусловлена концептом «воплощенное познание», согласно которому познание мира представляет собой процесс, в котором наряду с когнитивными процессами участвует и телесный опыт взаимодействия с окружающим миром. При этом становится актуальным трансцендентальный вопрос об условиях возможности этого опыта и его априори.

Несколько докладов на первой секции было посвящено трансцендентальной метафизике. С.Л. Катречко (ГАУГН, Москва) в докладе «Как возможна трансцендентальная метафизика? Перспективы трансцендентальной метафизики» указал на разные понимания метафизики в работах Канта и, основываясь на понимании метафизики как трансцендентальной философии, рассмотрел ее современные варианты развития. В.В. Васильев (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Метафизические предпосылки учения И. Канта о трансцендентальной апперцепции» выявил метафизические основания

противоречий в кантовском учении о трансцендентальном единстве апперцепции. А.В. Думов (ГАУГН, Красноярск) в докладе «П. Сунпес и критика кантовских метафизических представлений» обратился к критическому развитию метафизики опыта Канта в работах современного философа П. Сунпеса.

Проблеме трансцендентальной эпистемологии были посвящены доклады австрийского философа G. Motta (университет Вены, Вена) «Kant's concept of truth. Reading Kant through Alois Riehl» и С.М. Кусковой (МИП, Москва) «Как возможно трансцендентальное обоснование наук о сознании». Большой интерес также вызвали доклады М.Д. Евстигнеева (Москва, ВШЭ) «Критическая философия до критической философии» и китайского философа NI Yicai (Чжэцзянский университет, Ханчжоу) «The Annihilation and Genesis of Being. On Fichte's Theory of Intellectual Intuition in his Halle's Note of Wissenschaftslehre nova methodo (1798/99)».

Первую часть секции «Трансцендентализм, когнитивистика и искусственный интеллект» открыл доклад В.К. Финна (РГГУ, Москва) «ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований как трансцендентальная логика». В.К. Финн представил разработанный им ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований как трансцендентальную логику в кантовском смысле. Речь шла прежде всего о рассмотрении амплиативных выводов с точки зрения синтеза индукции, аналогии и абдукции, а также о применении эмпирических модальностей для рассмотрения эмпирических закономерностей. Тематика актуальности кантовского трансцендентализма для современных когнитивных исследований была продолжена С.Л. Катречко в докладе «Кант и когнитивистика. От трансцендентализма к нейротрансцендентализму». Докладчик обратил особое внимание на то, что в современной когнитивистике и в исследованиях искусственного интеллекта ведется поиск нейрофизиологических коррелятов кантовским познавательным способностям, таким как синтезы рассудка, сила воображения, схематизм, эпигенезис и др. Катречко также подробно остановился на кантовской концепции математики как конструировании понятий.

С.А. Чернов (СПбГУТ, Санкт-Петербург) в докладе ««Цифровой интеллект» в трансцендентальной перспективе» применил кантовский подход к исследованию возможностей «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта. Основной тезис докладчика состоит в том, что «мозг», «нейрон», «нейрофизиологические процессы» — явления, а не «вещи в себе», это означает, что они конституируются нашим мышлением, соответственно, приписывать им функции и способности человеческого сознания недопустимо. В центре доклада Н.М. Смирновой (ИФ РАН, Москва) «Воображение и смысл: трансцендентальное понимание и когнитивно-лингвистические импликации» лежало развитие проблематики кантовских схем в современной когнитивистике. Н.М. Смирнова подробно рассмотрела понятие «образной схемы»,

которая объединяет смысловые процессы мышления и выражения с телесным опытом ощущения и движения.

В рамках этого заседания также были сделаны следующие доклады: А.А. Медова (СиБГУ им. М.Ф. Решенёва, Красноярск) «Успехи нейронаук в перспективе трансцендентализма (от трансцендентализма к нейротрансцендентализму)», Д.П. Козолупенко (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Между сознанием и интеллектом: трансцендентальная философия И. Канта как трансцендентальное основание для исследований в области искусственного интеллекта», П.А. Мишагин (СиБГУ им. М.Ф. Решенёва, Красноярск) «Кант и когнитивистика: проблемы истолкования», Е.В. Введенская (ИНИОН РАН, Москва) «О единстве аналитических, синтетических и вычислительных суждений в медицинских интеллектуальных системах».

Вторая часть секции проходила в РУДН имени Патриса Лумумбы, где в центре внимания докладчиков были три комплекса проблем: возможности современной логики в решении проблем трансцендентальной философии (Г.В. Арапова, В.О. Лобовиков), методы и принципы трансцендентальной философии в решении теоретических и прикладных проблем ИИ (А.Н. Крюков, А.А. Кузнеченков, Р.С. Перов, Н.А. Рябчикова, С.Ф. Сергеев, Н.Ю. Сурова), современные подходы в решении «классических» проблем трансцендентальной философии (Д.В. Мамченков, Ю.М. Сердюков).

Г.В. Арапова (РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва) в докладе «Эпистемология, когнитивные науки и неокантианство. Семантика возможных миров как метод трансцендентального анализа в логике» на основе идей Э. Кассирера предложила способ анализа границ познания посредством конструирования множеств возможных миров. В докладе В.О. Лобовикова (УрО РАН, Екатеринбург) «Искусственный интеллект и учение И. Канта о предписывании разумом законов природе (с точки зрения мультимодальной аксиоматической эпистемологии)» была продемонстрирована возможность представления систем априорного и эмпирического знания в единой формальной теории, использующей язык мультимодальной пропозициональной логики.

В докладе А.А. Кузнеченкова (Самарский университет, Самара) «Электронная эволюция и трансформация трансцендентальной парадигмы. Автоматически реализованные семантика и аутопоэзис в качестве прагматической составляющей семиозиса» были исследованы перспективы использования понятий «вещь сама по себе» и «трансцендентальность», в значениях, придаваемых И. Кантом, в контексте развертывания электронной эволюции автоматов. А.Н. Крюковым (СамГУ им. Ш.Рашидова, Самарканд, Узбекистан) в докладе «Распознающий искусственный интеллект и ноэматические смыслы феноменологов» было дано обоснование идеи, что алгоритмы машинного обучения, хорошо объясняющие принципы формирования зрительных образов, проясняют также принципы функционирования человеческого сознания.

В выступлении Р.С. Перова (РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва) «Алгоритм как препятствие к трансцендентному или невозможность

достижения сильного искусственного интеллекта» была предпринята попытка показать, что сильный искусственный интеллект не может иметь алгоритмическую природу и является такой же трансцендентной сущностью, как «вещь в себе». В докладе Н.А. Рябчиковой (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Анализ структуры искусственного интеллекта в ситуации выбора при прогнозировании» была выявлена связь между аналитическим методом трансцендентальной аргументации И. Канта и формами вероятностного прогнозирования, используемого в искусственном интеллекте. С.Ф. Сергеев (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Трансценденция цифрового мира: базы смыслов» рассмотрел вопросы, связанные с внедрением технологий генеративного искусственного интеллекта и выдвинул предположение, что трансцендентализм может служить философским основанием обеспечения гармонии между человеком, природой и техногенной средой. В докладе Н.Ю. Суровой (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) «Искусственный интеллект и трансцендентальный поворот в современной философии: новые вызовы для человечества» был дан ряд прогнозов относительно возможности использования идей трансцендентальной методологии в построении систем искусственного интеллекта.

Д.В. Мамченков (РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва) в докладе «Трудная проблема сознания: трансцендентальный подход» представил результаты анализа мысленного эксперимента «Чувствительный зомби», которые позволяют утверждать, что корень трудной проблемы сознания не в существовании квалиа как таковых, а в самом субъекте восприятия, и трансцендентальный подход дает возможность снять эту проблему. Ю.М. Сердюков (ДвГУПС, Хабаровск) в докладе «Понятие трансцендентального опыта» представил концепцию трансцендентального опыта как опыта, получаемого в условиях сенсорной депривации, основными формами которого являются перинатальный опыт и околосмертный опыт.

На секции «От кантианства к пост-неокантианству» были представлены доклады, посвященные творчеству немецких и русских неокантианцев, других представителей трансцендентальной философии, использующих кантовские идеи при анализе проблем современного общества.

Доклад И.С. Дворкина (Иерусалимский университет, Израиль) «Поиск бесконечности в Марбурге и Галле» был посвящен анализу роли математики в эпистемологических построениях неокантианства и феноменологии. Докладчик пришел к выводу, что истоки расхождения этих двух влиятельных направлений трансцендентальной философии, а также аналитической философии, следует искать в том, как ими интерпретировались проблемы философии математики.

С.И. Талышев (РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва) в своем докладе «Проблемы творчества в философии марбургской школы неокантианства» провел сравнительный анализ понимания феномена творчества И. Кантом, Г. Когеном и П. Наторпом и подчеркнул отличие в трактовке соотношения

таланта и гения у Канта и неокантианцев: Кант относил талант к науке, а гения к искусству, Наторп же решает эту проблему в плоскости искусства. Идею использовать кантовское понятие общества для оценки этической составляющей компьютерных игр предложил М.Ю. Загирняк (БФУ им. И. Канта, Калининград). По мнению докладчика, ориентация на кантовское понятие общества даёт возможность в гейм-дизайне создавать игровые миры, в которых минимизируются препятствия для нравственного развития человека и человечества, единения человечества.

Наибольшее количество докладов на секции было посвящено русскому неокантианству, которое активно изучается исследователями, представляющими Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В.Н. Белов в своем докладе «Пост-неокантианская философия С.Л. Рубинштейна» выделил основные черты философской концепции выдающегося отечественного психолога. По его мнению, в ней Рубинштейн переосмыслил достижения материализма и идеализма, реализма и критицизма, объективизма и субъективизма, используя методологические принципы как кантианства и неокантианства, так и раннего марксизма. К раннему творчеству Рубинштейна также обратился в своем выступлении «Пост-неокантианство как промежуточный этап развития философской системы С.Л. Рубинштейна» Л.С. Киржнер. Он отметил важность неокантианского метаметода, используемого Рубинштейном в психологической и педагогической науках.

П.А. Владимиров в выступлении «Демаркация «чистого опыта» и «эмпирической данности» в философии В.Э. Сеземана» продемонстрировал оригинальность гносеологической позиции русского философа, полагавшего, что знание должно содержать в себе онтологическую компоненту.

А.В. Лебедева в докладе «Понятие трансцендентального сознания в философской концепции А.В. Вейдемана» раскрыла потенциал идеи онто-гносеологического тождества для создания единой системы трансцендентальной философии, объединяющей теорию познания, философию истории, философию искусства и философию религии. Д.А. Слепухина в докладе «Уникальный концепт нормативного факта в онтологии права Г.Д. Гурвича» показала, как понятие нормативного факта, преодолевающее противоположность между нормой и фактом, используется для объединения естественно-правовой онтологии и онтологии юридического позитивизма. Наконец, о неокантианском повороте в российской методологии истории начала XX века рассказала в своем выступлении О.Ф. Русакова (УрО РАН, Екатеринбург), обратившись к работам А.С. Лаппо-Данилевского, В.М. Хвостова и Д.М. Петрушевского.

В докладах участников секции также анализировались философские идеи А. Белого (В.А. Беляева, РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва), Л.Н. Толстого (К.С. Кудинова, РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва), М. Шелера (А.В. Логинов, РГГУ, РАНХиГС, Москва), Г. Гегеля, М. Хайдеггера и В.В. Бибихина (И.С. Селезнев, ВолГУ, Волгоград).

Секция «Рецепция и развитие трансцендентального (феноменологического) подхода в современной философии» сосредоточилась в основном на прикладных проблемах использования феноменологической методологии в социальных и гуманитарных науках, а также в профессиональном образовании. Так, в докладе Ю.Ю. Ветютнева (ВолГУ, Волгоград) «Трудности преодоления естественной установки в феноменологическом исследовании правовых ценностей» была показана необходимость при осуществлении такого исследования вынесения за скобки ценностного аспекта правовых феноменов, который естественная установка некритически им приписывает. В докладе В.А. Копаневой «Феноменологический подход к исследованию внимания в контексте философии признания» (ВолГУ, Волгоград) были выделены предпосылки внимания (узнаваемость объектов, их обособленность), а также факторы, способствующие или препятствующие ему (режим взаимодействия с миром, образ «я», динамичность и информационная неопределенность происходящего).

В выступлении В.К. Пашкова (ВолГУ, Волгоград) «Феноменологический подход к мифологии в «Диалектике мифа» А.Ф. Лосева» были сформулированы шесть тезисов о мифе, которые позволили А.Ф. Лосеву феноменологически детализировать миф, представив его феноменологически понимаемым бытием.

Доклад И.Ю. Романова (ВолГУ, Волгоград) «Феноменологический анализ эпатажа как перформативной единицы публичной сферы постиндустриального общества» представил попытку рассмотрения эпатажа посредством феноменологического интуирования с целью выявления инвариантов его смысловой структуры как темпоральной единицы публичного акта. В выступлении С.Б. Куликова (ТПГУ, Томск) «Возможности взаимного дополнения феноменологии и аналитической философии и их роль в профессиональной подготовке преподавателей философии» обращалось внимание на точки соприкосновения феноменологии и аналитической философии в подходе к анализу проблемы времени. Это сходство можно заметить, сравнивая идеи Б. Рассела и Л. Тенгели. Постмодернистский вариант интерпретации трансцендентальной философии был рассмотрен в докладе С.В. Панова (МИСиС, Москва) «К. Малабу: пластичность и этика метаморфозы». Проследившая эволюцию трансцендентализма от Г. Гегеля и М. Хайдеггера к Ж. Деррида и его ученице К. Малабу, докладчик сделал неутешительный вывод, что трансцендентальный метод преодоления метафизики завел в тупик.

Секцию «Трансцендентальная феноменология: онтология и/или гносеология» открыл доклад В.И. Молчанова (РГГУ, Москва) «Трансцендентализм и феноменология. К вопросу о “взаимодействии” психического и физического». Докладчик противопоставил подход к познанию кантовского трансцендентализма и феноменологии. Если с точки зрения Канта познавательная способность является обрабатывающей силой, формирующей из ощущений

предметы, то феноменология исходит (по крайней мере, этот тренд в ней присутствует) из данности целостных предметов, которые формируются в жизненном мире. Проблема данности различной предметности сознанию с точки зрения генетической феноменологии была рассмотрена в докладах Н.А. Артеменко (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Переход Э. Гуссерля к генетической феноменологии и пассивный синтез» и О.А. Сомовой (СГМУ им. В.И. Вернадского, Саратов) «К проблеме понимания собственного в феноменологии».

Целый блок докладов на феноменологической секции был посвящен онтологической проблематике мира и реальности в феноменологии Э. Гуссерля. При этом важно отметить, что участники Трансцендентального семинара давали разные ответы на вопрос о возможности независимых друг от друга онтологий сознания и мира в феноменологии. Так, И.С. Онегин (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Перипетии «сущего» у Гуссерля и разломы (пост)гуссерлевской феноменологии» высказал тезис, что Гуссерлю не удалось провести онтологического различия между миром и трансцендентальным сознанием, различие между ними в гуссерлевском проекте только методическое. Из этого можно сделать вывод, что единственным предметом онтологии у Гуссерля выступает трансцендентальная субъективность. Преодоление гуссерлевского «методологизма», утверждал докладчик, произошло в философии М. Хайдеггера и О. Финка, которые в явном виде обосновали различие онтологий разного типа.

Противоположную точку зрения высказал М.А. Белоусов (РАНХиГС, Москва) в докладе «Трансцендентализм, натурализм и онтология». Он утверждал, что в феноменологии Гуссерля, также как и в трансцендентализме Канта, исследуется и обосновывается только одна онтология — онтология мира, которая включает в себя онтологию эмпирического сознания как части мира. Трансцендентальная субъективность трансцендентна миру, соответственно, в принципе недоступна онтологическому рассмотрению.

Своеобразную модификацию позиций Онегина и Белоусова можно было обнаружить в докладе А.Б. Паткуля (СПбГУ, Санкт-Петербург) «От трансцендентального субъекта к природе и обратно». Паткуль подчеркивал, что в рамках феноменологии Гуссерля трансцендентальное сознание конституирует природу, из этого следует, как было высказано в дискуссии, что онтология мира не имеет самостоятельного статуса и конструируется (в крайнем случае, определяется) сознанием. Именно с этой мыслью были не согласны два других докладчика феноменологической секции.

В.А. Серкова (СПбПУ Петра Великого, Санкт-Петербург) обосновывала в своем докладе «Реальность в феноменологическом проекте Э. Гуссерля» тезис, что Гуссерлю удалось справиться со сложной задачей: показать посредством сознания то, как есть мир без сознания. А.А. Шиян (РГГУ, Москва) в докладе «Выносит ли феноменолог суждения онтологически?», соглашаясь с тезисом Серковой, уточнила, что в рамках гуссерлевской феноменологии

возможно выносить полностью подтвержденные, то есть истинные суждения о мире только в отношении пространственно-материальных вещей.

В рамках феноменологической секции также были сделаны доклады немецкой исследовательницы С. Kolka (Народный университет, Франкфурт-на-Майне, Германия) «Husserls Weltprinzip der sich wechselseitig erweckenden Konträre» и Т.В. Спирина (ВолГУ, Волгоград) «О возможности синтеза методов герменевтики и феноменологии в исследовании религиозного сознания», которые вызвали большой интерес у слушателей и продуцировали продолжительные дискуссии.

Завершил конференцию Круглый стол «Рефлексия в составе познавательной способности», на котором обсуждались статьи, опубликованные в посвященном рефлексии номере «Трансцендентального журнала» (<https://transcendental.su/issue.2023.2.5.1/>). На Круглом столе были сделаны следующие доклады: Н.И. Кузнецова (ИИЕТ, Москва) «Рефлексия как конструкт советской философской "оттепели": семантика и прагматика», Н.В. Громыко (ИОИ им. Е.Л. Шифферса, Москва) «Проблема определения: что такое рефлексия?», Т.А. Шиян (ЦГИ, Москва) «Рефлексия как деятельность», С.М. Кускова (МИП, Москва) «Проблема инвариантов рефлексии в разных культурных традициях», С.Л. Катречко (ГАУГН, ЦГИ, Москва) «Рефлексия в составе познавательной способности. Рефлексия и эпигенезис априорного», О.В. Зарапин (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь) «Рефлексия в коммуникации: прагматические эффекты философского текста».

Сведения об авторах:

Шиян Анна Александровна — кандидат философских наук, доцент, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (e-mail: annasamoikina@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3583-3873

Петров Василий Борисович — кандидат философских наук, доцент, кафедра онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: petrov-vb@rudn.ru). ORCID: 0000-0003-3095-0923

About the authors:

Shiyan Anna A. — CSc in Philosophy, Associated Professor, Philosophical Faculty, Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia (e-mail: annasamoikina@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3583-3873

Petrov Vasilii B. — CSc in Philosophy, Associated Professor, Department of Ontology and Epistemology, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: petrov-vb@rudn.ru). ORCID: 0000-0003-3095-0923

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1042-1046>
EDN: TUTBZR

Book review / Рецензия

Review of Book on Contemporary African Theology “The Routledge Handbook of African Theology” edited by E.K. Bongmba

Jude Ch. Mbina✉

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation
✉annasamoikina@yandex.ru

Article history:

The article was submitted on 12.02.2023

The article was accepted on 19.08.2023 3

For citation: Mbina JC. Review of Book on Contemporary African Theology “The Routledge Handbook of African Theology” edited by E.K. Bongmba. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):1042—1046. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1042-1046>

Рецензия на книгу по современной африканской теологии «The Routledge Handbook of African Theology» под редакцией Э.К. Бонгмба

Ж.Ш. Мбина✉

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉annasamoikina@yandex.ru

История статьи:

Статья поступила 12.02.2023

Статья принята к публикации 19.08.2023

© Mbina J.C., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Mbina J.C. Review of Book on Contemporary African Theology “The Routledge Handbook of African Theology” edited by E.K. Bongmba // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 1042—1046. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-1042-1046>

Theology has a long history on the African continent and has evolved in many directions since the arrival of Christianity. The handbook addresses historical and contemporary issues concerning the formation and application of theologies in African Union member countries. The chapters, written by international experts, primarily cover a collection of scholarly articles on the origin, relevance, and development of African theology using various methodologies. The authors presented various methods for identifying theological currents on African soil, particularly in Sub-Saharan Africa. They compiled a comprehensive overview of vital African theological topics such as spoken word and theology, indigenous religions and theology, Pentecostalism, liberation theology, black theology, social justice, sexuality and theology, environmental theology, Christology, eschatology, Hebrew Bible, and New Testament.

We will assess the relevance of some authors concerning liberation theory and reconstruction theory, and the second part will present points that could complete this work.

The first section of our review will be devoted to evaluating the authors’ work and the contours of their work.

The handbook examines theology in Africa from various perspectives. The chapters are primarily written from an interdisciplinary standpoint, and the articulations reflect each author’s interpretation of the topic. The debate over the post-colonial period is critical to African theology today. **Valentin-Yves Mudimbe** discussed **Edward Wilmont Blyden**, **Alexis Kagame**, **Vincent Mulago**, and **Fabien Ebussi Boulaga’s** work. These theologians opposed imperialism in all forms but also expressed the African desire to determine their future while working to overthrow domination ideology [1]. In Chapter 1, **Odomaro Mubangizi** discusses philosophy and theology in Africa. The chapter will briefly analyze major trends and themes in African philosophy and theology, emphasizing their sources and methodology. He mentions African concepts such as God, ancestors and spirits, integral healing, chatter, and Ubuntu ethics. The main sources of African philosophical theology are proverbs, riddles, mythology, symbolism, and rituals, which should be allowed to dialogue with the scriptures. Most African philosophers and theologians were educated in the Western tradition, and it is unrealistic to expect them to abandon Western intellectual culture overnight. It concludes that the main problem confronting African philosophy and theology and requiring immediate attention is strengthening academic institutions for African philosophy and theology integration. According to the author, most African studies centers and institutions are located outside of Africa, in European and American universities, where some of Africa’s best intellectuals seek refuge. A situation that breeds intellectual addiction. He mentions African concepts such as God, ancestors and

spirits, integral healing, chatter, and Ubuntu ethics. The main sources of African philosophical theology are proverbs, riddles, mythology, symbolism, and rituals, which should be allowed to dialogue with the scriptures. Most African philosophers and intellectuals of Africa are crucial to developing African theology and its relationship with African philosophy [2. P. 41]. **Chamma J. Kaunda** summarized African theological sources. He contends that any theological construct seeking to be relevant in a theological context must strive to use sources accountable to the receiving community. During his scholarly process, he advocated for African theologians to listen carefully and engage in respectful interreligious dialogue with indigenous African religions. African theology cannot simply draw on the sources of indigenous African religions. African theology should research how and what forms these sources have taken in their current manifestation in African Christianity. Having established this, African theology should seek to redirect these sources to benefit the African people in their struggle for socio-political, economic, and religious transformation and liberation [2. P. 66]. **Alice Yafeh-Day** discussed African feminist theology, encompassing many aspects of African feminism. African feminism arose from African women's unique socio-political and religious struggle against interlocking oppressive systems (gender, class, race, sexuality, etc.) alongside the broader practical basis of African (male) liberation theology [2. P. 85]. Thus, the entire dream of African theologians-feminists is based on men and women working together. As the **HIV/AIDS** pandemic dominates the current stage, African feminists have received the necessary channels to share their perspectives and practical responses to this crisis. Her work demonstrates the growing presence of women in the field of theology. She highlighted women's achievements and struggles and her latest leadership in African territory. We also understand that impact areas reflect women's place in African society. A greater presence of feminist theology in academic institutions would improve African society. **Julius Gatogo** presents the theology of reconstruction. After critiquing Reconstruction theology, the chapter demonstrated that in the Reconstruction phase, Africa must realize that we are in a rare moment of grace to be used for the continent's good. Now is the time to repair our "broken walls" (*Nehemiah 2:18*) I also told the people how good God had been to me and passed everything the king had told me to them. Then these people said, "Let us start building!" Then we started this good deed. These walls include economics, xenophobia, ethnocentrism, and racism. This also includes poverty, sickness, and ignorance [2. P. 194]. Surely this is the moment to say "No to violence," whether physical or verbal. This is a time of grace when Africans find their identity amid the effects of globalization. This is the moment when all the secondary theological motifs, such as reconciliation, inculturation, market theology, rural ministry, and liberation, operate simultaneously within the mainstream reconstruction paradigm, the dominant motif of 21st-century African theology. From this perspective, African Christianity plays a critical role in the transformation and restoration of modern Africa. A presentation of Anglophone and Francophone theology, with its authors

and approaches, would allow for a better appreciation of the scriptures than Reconstruction Theology. Francophone African theology will continue to support Africa's quest for holistic and organic liberation. She demonstrated her determination to move forward, not to retreat in the face of difficulties and obstacles, but to move forward systematically. French-speaking Africa has significantly contributed to developing African theology in fundamental areas such as Christianity, reconstruction, and faith. This helps future Africans understand the tasks and requirements of the Christian mission. French-speaking Africa has contributed to African consciousness and the biblical and historical framework. As a result, God's revelation is occasionally received and transmitted in the local language. In other words, Francophone African theology seeks to become a tool of reflection and persuasion for African churches in the context in which it originated and developed. As such, it is rightfully the theology of African identity. Theology in English is centered on the idea that theology must be adapted to people's times and circumstances. Reconstruction theology emerged in South Africa's English-speaking countries. It focused on the fact that, like Christ, every Christian and theologian must devote himself to his country's spiritual and multidimensional liberation. For them, spiritual involvement is required for liberation.

The second part is a critique of the current situation in Africa, which needs to be clarified in this work.

Namakula Evelyn B. Mayanja mentioned in her commentary on theology and peacemaking: "In Rwanda, as we have never seen before, the churches were closely associated with the genocide" [2. P. 380]. A man named Adalbert recalls: "We sang hymns in good spirits without comrades. Tootsie, our voices are still mingling in the choir" [2. P. 380]. We left the Lord and our prayers inside to hurry home. The brothers and sisters who sang together last night suddenly became mortal enemies." In the 1960s, **Michel Bernard** offered an article on the biblical text Amos 7.1-8. He regrets that we live in a world where a church leader can justify war because it is in line with his country's ideology and where the church can condemn a movement because it is opposite to his government's ideology. The church is often likened to false prophets because it is silent in the face of injustice. But Christians do not have the right to remain silent, even if the Word of God contradicts what we call patriotism. This criticism is aimed at South African churches that supported apartheid. This text from Amos describes the intervention of Amaziah, the high priest of Bethel. This is an illustration of the formal, hypocritical worshipers of God. Amaziah respected official institutions (Amos 7.10) and took care of temples and other property (Amos 7.13) but remained deaf and indifferent to the Word of God (Amos 7.12, 16). He was both a clergyman and an instrument of the king. He also denounces the wage gap between pastors on the one hand and between pastors and workers in religious institutions on the other. In most African churches, pastors are paid by local churches. Some shepherds are more fortunate than others because they work in large parishes and/or combine duties. There are cases of arbitrary appointments by church leaders. The pastor's

appointment in such a parish also determines his earnings because the more extensive the parish, the more donations or fees since the management of churches is Congregational on a financial level.

Therefore, we find great and small pastors in the same Union of Churches! Which is not normal. Without their approval, these injustices are partly due to the multiple levels of pastoral training in most African Protestant churches. Pastors do not have specialized training; they all receive the same fundamental training. Pastors educated at the Bible Institute, Theological Institute, and Faculty of Theology can all be found in the same Union of Churches. We do not need to go into detail about self-appointed pastors who lack biblical or theological education.

The relationship between church and mission is alarming and sensitive in some circles. While we do not oppose the presence of missionaries, we do oppose the paternalistic relationship between missions and local churches. Some churches remain mission-dependent and are generally referred to as “minor partners” because “due to their organizational form, these cooperative agreements frequently unknowingly support disparities between partners.”

The African theology outlined in this book by our authors is a Christological and divine reflection aimed at solving the specific problems of the African continent. Instead, he cannot select his preferred topics but focuses on all existing problems in African territory, including poverty and health, economic, political, and family situations. To continue studying African theology means seeking long-term solutions for the African continent. Furthermore, this theological study must be more integrated and adaptable to multiple local cultures for a more significant impact.

References

- [1] Mudimbe VY. *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge*. Bloomington: Indiana University Press; 1988.
- [2] Bongmba EK, editor. *The Routledge Handbook of African Theology*. London: Routledge; 2020.

About the author:

Mbina Jude Ch. — Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: 1042208130@rudn.ru).

Сведения об авторе:

Мбина Жюд Шалёрё — аспирант, кафедра социальной философии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: 1042208130@rudn.ru).